

LATVIJAS UNIVERSITĀTES ZINĀTNISKIE RAKSTI

ACTA UNIVERSITATIS LATVIENSIS

585

FILOZOFIJA

**VISPĀRĒJĀS UN LIETIŠKĀS
METODOLOĢIJAS PROBLĒMAS**

ЛАТВИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра логики и методологии

ФИЛОСОФИЯ

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ И ПРИКЛАДНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Научные труды

Том 583

Латвийский университет
Рига 1993

585
BBk 87.3

FILZOFIJA

Vispārējās un lietišķās metodoloģijas problēmas:
Zinātniskie raksti /Atb.red. I.Vedins. 585 sēj. Rīgas
LU, 1993. - 155 lpp.

Проблемы общей и прикладной методологии: Научные
труды /Отв.ред. Ведик И.Ф. Т.585. Рига: ЛУ, 1993. -
155 с.

Zinātniskie raksti aptver vispārējās un lietišķās metodoloģijas aktuālās problēmas.

Zinātniskie raksti domāti studentiem, augstskolu pasniedzējiem un zinātniskajiem darbiniekiem.

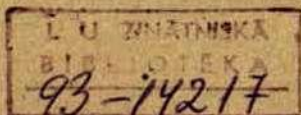
Сборник научных трудов посвящен актуальным проблемам общей и прикладной методологии.

Сборник предназначен для студентов и докторантов, преподавателей высших учебных заведений и научных работников.

REDAKCIJAS KOLĒGIJA:

Dr.h.filoz.,prof. I.Vedins (atb.red.),
Dr.h.filoz.,prof. E.Iepiņš,
Dr.filoz.,doc. V.Vilčinskis

© Latvijas
Universitāte,
1993

Методологические аспекты проблемы идеального

Дискуссии по проблеме идеального продолжаются. Причины самондуктивности проблемы идеального состоят не только в ее глобальности для философии. Не всегда модальностей рефлексии взгляд на идеальное представляет собой своеобразную мировоззренческую и методологическую парадигму науки в социальной практике. Определенная интерпретация идеального так или иначе ориентирует в проблемах культуры, духовности, истины, смысла жизни. Поэтому в наше беспокойное время переоценка ценностей является наиболее фундаментальными философские проблемы требуют их постоянного методологического осмысления.

Несмотря на выявление двух видов социальной деятельности — практической и духовной — понятия практики и социальной деятельности нередко употребляются как эквивалентные. Это не случайно, поскольку такое словосупротивление является выражением реальной роли практики в общественной жизни. В период становления человеческого общества духовная жизнь людей была непосредственно "выплеснута" в их материальную деятельность и материальное общение, являлась непосредственным порождением материальных отношений. Постепенно автономизируясь, область духовной жизни общества обретает собственную логику развития, не всегда прямо сопоставимую с логикой развития материальной стороны общественной жизни. Тем не менее осознание человеком своей отнесенности к миру и формирование на основе этого осознания тех или иных мировоззренческих представлений продолжает оставаться в рамках определенной детерминации со стороны общественного бытия.

Одной из реальных модификаций отмеченной детерминации является объективная диалектика практической и духовной деятельности. Уяснение данной диалектики требует анализа комплекса философско-методологических проблем, в рам-

ках которого узловой является проблема способа существования идеального.

Вопрос о существовании чего-либо в принципе может быть сведен к двум подвопросам: где оно существует? как оно существует? Особенности способа существования идеального могут порождать иллюзии, будто нечто как-то существующее, не существует нигде. Причем это "нигде" в данном случае означает не только невозможность пространственной локализации, но и как бы полное отсутствие даже предельно абстрактной сферы возможного "размещения" идеального. Остается предположить, что проблема способа существования идеального так или иначе есть проблема способа его сосуществования с материальным.

Замечим в этой связи, что в одном категориальном ряду с понятием "идеальное" традиционно используются и другие понятия. Например, понятие "духовное" нередко интерпретируется как родовое по отношению к понятию "идеальное", как более понятие, охватывающее мировоззрение, общественное и индивидуальное сознание, бессознательное, самосознание, мышление, чувственность, волю, идеальное. Думается, в данном случае дело обстоит с одной стороны проще, с другой - сложнее. Проще - потому, что понятие идеального вряд ли следует ставить в видо-родовое отношение с понятием "духовного", хотя некоторые их значения могут и совпадать. Сложнее - потому, что каждое из этих понятий по-разному "работает" на разных уровнях абстракции, отражающих различную степень глубины освоения предметной области философии.

Сказанное относится и к другим родственным понятиям, таким как мышление, сознание, психика. Если же принять во внимание трудно обозримые понятийные комбинации, в которых используются, например, термины "сознание", "духовное", то перспектива жесткого установления соответствующих логических связей представляется весьма проблематичной. Так, если посмотреть под этим углом зрения на понятийные пары "материал-сознание", "общественное бытие-общественное соз-

вание", "материальная жизнь общества-духовная жизнь общества", "материальное производство-духовное производство", "материальные потребности-духовные потребности", то нетрудно убедиться, что в каждой из них инвариант "духовное" приобретает не только неповторимые оттенки, но и весьма специфическое содержание.

Представляется, что в этой связи необходимо выделение и различение трех основных понятийных уровней, этапов освоения субъект-объектного отношения: 1) абстрактно-гносеологического; 2) социально-деятельностного; 3) ценностно-смыслового. В данном случае речь идет не о временной последовательности соответствующих этапов, которая может быть и иной, а о логической последовательности уровней теоретического осмысления указанного отношения.

I. Идеальное как нематериальное

Абстрактно-гносеологический уровень основан на изменении субъект-объектного отношения через категориальную призму "материя - сознание". В соответствии с этим углом зрения, психическое есть продукт физиологической деятельности мозга, не существующий вне и помимо этой деятельности. Все, что не есть психическое, есть материальное. Из этого следует, что психическое нематериально, то есть идеально.

Казалось бы, эта вполне привычная схема рассуждений достаточно убедительна. Но присмотримся к ней повнимательнее прежде всего на понятийном уровне. В утверждении "идеальное есть продукт материального" нет ничего неверного, если под материальным имеется в виду его конкретная модификация - мозг. Но материальное как таковое противопоставляется идеальному не как своему "продукту", а как один вид реальности - другому виду реальности. С другой стороны, психическое как идеальное противопоставляется не материальному как таковому, а лишь материальным физиологическим процессам мозга человека и высокоорганизованных животных. Идеальное же противостоит

стоит иначе материальному как таковому, а не какой-то конкретной его модификации, пусть даже наиболее современной и потенциально способной к порождению идеальных феноменов.

В этой связи существует и другой традиционный аспект. Хотелось бы, определение идеального как субъективной реальности не должно браться вразрез — в противном случае идеальное следует определять как реальность объективную. В свое время эта мысль настоятельно проводилась Д.И. Дубровиным, при этом суть его аргументации была довольно проста: "Если материальное есть объективная реальность, то идеальное не может быть ничем иным, как субъективной реальностью" (Д.И. Д. 16-25). Если говорить о логической стороне дела, то восстановить эту ошибку не только невозможно, и получить правильный вывод не удастся. Пропущенная меньшая посылка по правилам первой фигуры должна быть утвердительной, здесь же явно подразумевается отрицательная посылка "идеальное не есть материальное".

Однако главное даже не в логической стороне вопроса. Возникают серьезные сомнения относительно истинности большей посылки "материальное есть объективная реальность". Поскольку психический образ нематериален, поскольку можно говорить об идеальности результатов психического страдания вообще, если, разумеется, понятием "психический образ" охватывается соответствующая результирующая сторона психической деятельности не только человека, но и любого животного существа, способного к такой деятельности. Однако не всякий, а лишь психический образ как результат деятельности человеческого мозга представляет собой не просто психическую реальность, а психическую реальность как субъективную реальность.

Разумеется, природа существовала до человека, но не в качестве материи как объективной реальности, а в отношении к этому конкретному существу — быть объективной реальностью — животное приобретает с появлением человека свой субъект, как творца и посетителя реальности объективной.

ной. Не будь субъективной реальности — не было бы и реальности объективной. Говорить об объективной реальности можно лишь постольку, поскольку она не есть субъективная реальность, — и наоборот. Из того, что объективная реальность материальна, а материальное при известных условиях, с появлением человека как субъекта деятельности, есть характеристика объективной реальности, не следует, что материальное и есть объективная реальность. То же относительно субъективной реальности и идеального. Идеальное может выступать в качестве характеристики субъективной реальности как нематериального, но "быть субъективной реальностью" не является сущностной характеристикой идеального.

Характеристика идеального как нематериального представляется необходимой и достаточной для предельно общего описания идеального. Сказанное не означает, что проблема идеального оказывается таким образом исчерпанной. В некоторых современных исследованиях указывается на несостоятельность попыток положительной характеристики идеального. Думается, это не совсем так. Проблема идеального действительно оказывается в данном случае исчерпанной, но это относится лишь к начальному, предельно абстрактному этапу ее субъект-объектного освоения. Ограничившись этим этапом, мы фактически перекрыли бы пути к дальнейшему исследованию идеального в аспекте его гносеологических, аксиологических, социокультурных и других функций. Даже о психологическом образе как о явлении имеет смысл говорить лишь постольку, поскольку мы можем указать способ существования этого явления, показать, каким способом идеальный психический образ нам является и в качестве выражения какой сущности является. Представляется, что это возможно лишь при условии, что раскрытие содержания идеального все же пойдет именно по линии поиска его положительных характеристик.

Отвечая на вопрос "где?" применительно к психическому образу, иногда говорят, что в мозгу мыслей нет, и что предположение о существовании мыслей в самом мозгу озна-

чало бы уступку вульгарному материализму. Это не совсем точно, ибо вульгарный материализм начинается не с утверждения о существовании мыслей в мозгу, а с утверждения о существовании мыслей вне мозга как материальных продуктов последнего, ибо, по крайней мере, с утверждения, что мысли и есть физиологические процессы мозга, протекающие как реакция на соответствующие воздействия внешней среды.

Вопрос о фиксации психического образа — это, по существу, вопрос о способе его существования. Психический образ есть порождение соответствующих материальных структур мозга, и в этом смысле он существует именно в мозгу, но лишь постольку, поскольку мозг является частью единой системы отношений "человек-мир", за счет постоянной включенности человеческого мозга в систему этих отношений. Поскольку психический образ есть функциональное явление, постольку идеальность как свойство психического образа существует лишь в рамках такой постоянной отнесенности нематериального к материальному.

Выступая в качестве материальной основы идеального, физиологические процессы мозга сами по себе такой отнесенности не содержат. Интенциональность, то есть направленность "вовне" как раз и является необходимым условием существования психического образа на материальной основе, но как нематериального феномена. Идеальное есть характеристика психического образа в его отношении к объекту, вернее, в отношении направленности его содержания на объект. Для идеального безразлично, осознается интентивность, или нет. Важно само наличие отнесенности ко внешнему предмету, направленности на него, обращенности к нему, а не к своему материальному субстрату. К сказанному остается добавить, что осознание интентивности — достаточное условие существования идеального, но это условие не является для него необходимым: такого рода осознание (= сознание) есть результат длительной эволюции психического.

Таким образом, на абстрактно-гносеологическом уровне содержание понятия идеального является предельно бедным,

хотя и не лишенным некоторых положительных характеристик. В объем понятия идеального здесь "попадает" любые нематериальные феномены: и психический образ (не только человека, но и животного, обладающего соответствующими биологическими структурами), и индивидуальное сознание человека во всем многообразии его проявлений (мысль, чувство, воля, вера), и различные феномены духовной жизни общества (общественное сознание, духовное производство), и ценностные характеристики идеальной сферы (мировоззрение, идеал). Здесь не играет роли и то обстоятельство, выступает ли идеальное в качестве характеристики субъективной реальности, или оно является характеристикой в определенном отношении объективных социальных феноменов, например, общественного сознания. Понятие духовного также не несет на этом уровне никаких содержательных положительных характеристик, выступая по отношению к понятию идеального в качестве простого терминологического эквивалента.

2. Идеальное как деятельность

В рамках социально-деятельностного уровня субъект-объектное отношение отражается на основе гораздо более сложной парадигмы "общественное бытие — общественное сознание". Предыдущий уровень здесь сохраняется в снятом виде, но например, сознание здесь идеально не только в том смысле, что оно нематериально. На этом уровне сознание человека "обнаруживает" свою социальную природу, в силу чего идеальное оказывается причастным к целому ряду над-индивидуальных феноменов. И здесь оказывается, что понятие идеального первого уровня мало пригодно для адекватного выражения обратившегося содержания.

Идеальные феномены оказываются столь разными по своей природе, что объединение их под общей "шапкой" нематериальных хотя и правильно в формальном отношении, но

совершенно не выражает, например, специфики общественного сознания как нематериального относительно индивидуального сознания как тоже, разумеется, нематериального. Оказывается, что общественное сознание идеально не совсем так, как идеально мышление. Оказывается, что в структуре самого индивидуального сознания есть такие уровни, которые так же требуют дифференциации в отношении своих понятийных эквивалентов (мышление, идея, вера). Оказывается, наконец, что некоторые нематериальные феномены вообще не проходят по какому-то одному "ведомству" - либо индивидуального, либо общественного сознания (мировоззрения, идеал).

Самая же главная особенность данного уровня - необходимость подключения понятий практической и духовной деятельности для уяснения способа существования соответствующих областей общественной жизни, осмысленные деятельностью природы идеального и духовного как феноменов социального и личного бытия человека.

Как известно, дуалистическая трактовка сосуществования идеального и материального является наименее перспективной, поскольку проблема их взаимосвязи по существу блокируется самой аксиомой дуализма. Видимо, проще всего было бы обозначить взаимосвязь материального и идеального через их "взаимопереход", "взаимопревращение". Но как трактовать взаимопревращение и взаимопереход? Становится ли идеальное материальным или каким-то образом входит в определение материального?

Противоречие материального и идеального превращается в неразрешимую антиномию, если исходить из абстрактного противопоставления внешнего мира и его отражения в мозгу человека. Как бы мы ни трактовали при этом взаимосвязь материального и идеального, нам вряд ли удастся пойти в решении основных проблем гносеологии дальше наивного материализма и дуализма. Думается, здесь имеет смысл ориентироваться на интерпретацию соотношения материального и идеального в качестве диалектически тождест-

в е н н х характеристик реального бытия.

Материальное и идеальное - диалектические противоположности, которые сосуществуют как одно в другом и через другое, причем каждая из этих противоположностей в известном смысле и есть "свое другое". Не в том смысле, что в одно время материальное есть только материальное, а идеальное - только идеальное, и что в другое время они могут меняться местами. Материальное всегда сосуществует с идеальным, а идеальное - с материальным в одном пространстве - времени. Именно поэтому для идеального и не удастся найти "собственного" пространства - его нет.

Речь идет о том, что никакого особого идеального мира наряду с материальным миром не существует. Однако не существовать "наряду" - не значит вовсе не существовать. Статус идеального в смысле реальности его существования ничуть не ниже соответствующего статуса материального. Хотя характер существования в первом случае иной, причем не просто иной, а проявляющийся через материальное. Последнее обстоятельство и не позволяет увидеть идеальное напрямую, ибо материальное постоянно "заслоняет" собой идеальное.

Полемизируя со сторонниками рассмотрения реального и идеального как противостоящих друг другу противоположностей, Гегель писал в § 96 "Энциклопедии", что идеальность, стоящая рядом с реальностью или над ней, была бы на самом деле лишь пустым названием. "...Понятие идеальности, несомненно, состоит в том, что она есть истина реальности, т.е. что реальность, положенная как то, что она есть в себе, сама оказывается идеальностью" (2, 237). В "Философии духа" данная идея конкретизирована следующим образом: "Идеальность есть отрицание реального, но притом такое, что последнее в то же время сохраняется, виртуально содержится в этой идеальности, хотя и не существует больше" (3, 132).

Это очень важная мысль: идеальное как постоянное отрицание реального. В контексте у Гегеля речь идет о

самоотрицания реального. Думается, сказанное вполне поддается интерпретации и сквозь категориальную призму "материальное - идеальное". И тогда окажется, что идеальное существует лишь в постоянном самоотрицании материального, в постоянном самостановлении материального в качестве другого себя, но другого именно для себя и через себя. Идеальное в этом процессе постоянного самообновления материального вроде бы и не существует, а между тем оно-то и является всеобщей формой этого самообновления и самоотрицания. Оно-то и выступает по отношению к материальному в качестве небытия, точнее, в качестве момента небытия в рамках бытия материального.

Сущность и тонкость проблемы идеального заключается в том, что нигде и никак идеальное не может быть обнаружено ни в каком материальном предмете самом по себе, природном или социальном, даже если в качестве такого предмета рассматривается мозг человека. Однако идеального нет и вне материального мира, не являясь субстанцией оно не может существовать само через себя, а только через другое как свою диалектическую противоположность. Идеальное - это вроде лезвия бритвы, не существующего ни вне своих сторон, ни на одной из этих сторон, ни в качестве суммы этих сторон.

Особая сложность проблемы идеального состоит в том, что идеальное не связано с каким-то одним типом материального носителя. В качестве таких носителей выступают любые материальные проявления человеческой сущности: слова, дела, поступки, результаты материально-преобразующей деятельности. При этом само идеальное как характеристика данных проявлений существует только в движении, в постоянной смене своих социально-материальных носителей. Попытка фиксации идеального в каком-то конкретном из этих носителей ничего не дает: идеальное будет ускользать от нас всякий раз, как только мы попытаемся локализовать его в пространстве.

В этой связи нам вряд ли удастся пойти дальше констатации, что идеальное существует через свои материальные носители, но ни в одном из них конкретно. Эта ситуация в некотором смысле напоминает соотношение неопределяемостей Гейзенберга относительно импульса и координат элементарной частицы. Различие, однако, состоит в том, что элементарная частица позволяет себя "увидеть" в одном из этих параметров, идеальное же не позволяет увидеть себя никак и никогда.

Даже если попытаться локализовать идеальное в мозгу человека, то и в этом случае мы должны будем признать, что мышление есть деятельность, духовная деятельность по производству мыслей. Мышление есть постоянное творение мыслей, нет такого творения-нет и мышления. Творение мысли как результата есть необходимое условие существования мышления как процесса. С другой стороны, мысль как результат духовной деятельности существует только в процессе и через процесс, мысль как чистый результат невозможна. Мысль, взятая только как результат, теряет свойство быть мыслью. Она застывает в своих материальных носителях, сливается с этими носителями, исчезает в материальных и духовных продуктах культуры.

Поиск мысли-результата не приведет ни к чему иному, кроме как к указанию на ее материальные выражения-слова и дела. Мысль есть постоянное творение, в этом непрерывном процессе творения и через этот процесс творения появляется существующий результат. Мысль- это всегда открытие, точнее, раскрытие чего-то для себя самого. Нет такого раскрытия-нет и мысли, а есть лишь безмысленное слово. Материально-речевая и все другие формы выражения мысли есть лишь фиксированные копии мысли-процесса, мысли - движения. Проблема, конечно, не в том, существует ли мышление, - проблема в адекватном выражении процесса мышления, фиксации его идеальных результатов.

Смена материальных носителей идеального осуществляется посредством деятельности. Точнее, деятель-

ность и есть сама эта смена, процесс постоянных взаимопревращений идеального и материального. В свое время обоснование этой идеи было дано в работах П. В. Копнина и Э. Б. Ильенкова (7;6). На философском уровне анализа взаимопревращение идеального и материального не следует интерпретировать в том смысле, что идеальное существует сначала в мозгу, а потом - в качестве опредмеченной мысли. Для деятельности нет "начала" и "конца", в противном случае в качестве способа общественного и личного бытия она попросту не могла бы существовать. Разумеется, если говорить об отдельных актах деятельности, то временной интервал между идеей и ее материальным воплощением существует. Но в этом случае и об идеальном следовало бы говорить не в философском, а в сугубо психологическом плане.

Таким образом, деятельность как способ общественного и личного бытия представляет собой постоянный процесс реализации идеального и идеализации реального, опредмечивания мысли и распределмечивания преобразуемой действительности. В этом смысле идеальное является формирующей и смыслообразующей основой деятельности. Идеальное выступает по отношению к деятельности не в качестве стороны или момента, а в качестве объективной основы ее социокультурных смыслов. Идеальное в данном случае играет своеобразную роль ценностно-смыслового потенциала деятельности как процесса, на полюсах которого идеальное реализуется в качестве своих распределмеченных и опредмеченных результатов. Идеальное существует не вне деятельности, а в ней самой, но таким образом, что бытие идеального реализуется через небытие его конкретных материальных носителей, или наоборот - через их бытие, утверждающееся в форме небытия. Идеальное в деятельности является как раз тем самым моментом небытия в процессе самоутверждения общественного и личного бытия, который не дает материальному окончательно утвердиться в какой-то определенной наличной данности, а требует постоянного самосовершенствования, своего собственного отрицания как

данного. Остановка, прекращение этого процесса означала бы ничто иное, как смерть человеческой культуры.

3. Идеальное как социокультурный потенциал деятельности

В сущности, мир культуры как раз и представляет собой систему объективных и в то же время постоянно объективируемых смыслов человеческого бытия. Это мир значений, мир ценностных определенностей, в рамках которого социальные предпосылки бытия человека получают свое конкретно-историческое воплощение.

Не ставя своей задачей специальный анализ определенных культур, обратим внимание на некоторые обстоятельства, представляющиеся наиболее существенными в методологическом отношении. Как и общественное сознание, культура не является каким-то особым социальным феноменом, существующим наряду с другим. Когда мы говорим о материальной и духовной культуре, то речь идет, по существу, не о культуре как таковой, а о материальных и духовных ее продуктах. Как и деятельность человека, культура не тождественна своим результатам, не включает в себя эти результаты как таковые, хотя и не существует вне и помимо этих результатов. Культура представляет собой тот постоянно обогащающийся ценностный потенциал общества, который определяет меру творческих возможностей человека на определенном этапе исторического развития.

Как бы убедительно мы ни критиковали субстратный подход к понятию культуры, нам все же едва ли удастся обойти проблему ее объективных оснований. Газуется, не забывая, что природа этих оснований носит социально-ценностный характер и что поэтому об онтологии культуры можно говорить лишь как об одном из феноменов общественного бытия. Однако если эти обстоятельства будут учтены, то об онто-

логи культуры говорить не только можно, но и необходимо.

Заметим в этой связи, что известная полемика между сторонниками так называемых гносеологической и социокультурной трактовки идеального утратила бы значительную степень своей остроты при условии недвусмысленной и достаточно жесткой фиксации реального соотношения феномена культуры с областью субъективной реальности. В сущности и в той, и в другой концепции речь идет о расставлении акцентов в зависимости от угла зрения, под которым проводится исследование. Сторонники гносеологической трактовки идеального в значительной степени отвлекаются от социокультурных аспектов его развития и функционирования. Это дает основания интерпретировать гносеологическую трактовку идеального как предельный случай его социокультурной трактовки.

Трактовка идеального в контексте социокультурных оснований его природы и генезиса имеет солидную историко-философскую традицию. "Мир идей" Платона не только играет роль субстанции в его философской системе, но и выступает в функции объективной основы-носителя идеального. Однако постулат субстанциализации идеального, будучи сам по себе непротиворечивой в формальном отношении аксиомой, даже при условии наведения достаточно прочных мостов от "мира идей" к "миру вещей" (Гегелью это удалось в большей, Платону - в меньшей степени), все же нуждается в определенной корректировке.

Интерес в этой связи представляет точка зрения Дж. Марголиса (США) в рамках его общей концепции эмерджентистского материализма. Согласно этой точке зрения, сущности культуры обладают одновременно двумя свойствами: культурной эмерджентностью и материальной воплощенностью. Подвергая убедительной критике редукционистский материализм, американский философ полагает, что область культурного обширнее области личностного и что в этом смысле воплощение и эмерджентность не ограничены областью психического. В этой связи делается вывод о том, что культурные сущности обладают особой онтологией (9, 40).

Сама по себе идея существования объективных оснований культуры вполне конструктивна при условии ее более тесной связи с фактором личностного бытия человека. В этой связи деятельностные акценты в интерпретации культуры представляются вполне закономерными.¹ Культура не существует как нечто данное в смысле ее материальной фиксированности. Вне человека, без человека и его отношения к миру ценность "обесценивается" - культура перестает быть культурой и становится по степени социальной значимости в один ряд с природными феноменами. Функциональность культуры как социального явления означает непрерывную и постоянную включенность ее в мир человека, в процессе творчески активного субъект-объектного отношения.

На гносеологическом уровне анализа субъект-объектного отношения признак нематериальности можно было считать достаточной характеристикой идеального. Последующие уровни этого анализа, социально-деятельностный и ценностно-смысловой, предполагают наполнение понятия "идеальное" более конкретным и глубоким содержанием. На этих уровнях идеальное предстает перед нами не просто как нематериальное, а в качестве сущностной характеристики социальной деятельности и культуры. Следовательно, и содержание идеального раскрывается здесь не только своей нематериальностью, но прежде всего своей творческой направленностью на освоение и осознание культуры, духовно-ценностных и смыслосодержательных потенциалов бытия. Идеальное перерастает в духовное.

¹ Обстоятельное обоснование динамического понимания культуры как сферы развития личности, как личностного аспекта истории общества дается в работе Н.С. Злобина (5).

Видимо, содержание понятия "духовное" имеет смысл связывать прежде всего с особым характером личностной активности субъекта деятельности. Например, когда мы говорим о духовных потребностях, то здесь речь должна идти не просто о нематериальных потребностях, а о таких потребностях, удовлетворение которых предполагает наличие определенной степени творческой активности субъекта потребностей, активности, если и не направленной на создание, то во всяком случае и не ограниченной рамками только потребления. Объектом этой активности могут быть как духовные, так и материальные ценности. Но качественный уровень духовных потребностей определяется здесь не только характером самих ценностей, но и характером личностного о з н а ч е н и я этих ценностей.

Поэтому за ростом количественных показателей духовной культуры далеко не всегда стоят духовные потребности. Здесь мы имеем дело со своеобразием двуединого диалектического процесса: предложения со стороны общественного производства и соответствующего спроса со стороны потребителя. Взятая в отдельности, ни одна из сторон этого процесса ничего еще не говорит о реальном качественном уровне духовных потребностей общества, социальной группы, отдельного человека. В последнее время в философской публицистике обращается внимание на тенденцию девальвации уровня спроса на продукцию духовной культуры. Но уровень спроса в значительной степени формируется под давлением соответствующего предложения. Предложение на культурной продукции, ориентированной на некие отдельные потребительские слои, так велико, что появляется даже специальный термин для обозначения соответствующего феномена: "экстенсивная культура".

С другой стороны, даже самый высокий уровень наличающейся в обществе продукции духовного производства сам по себе не гарантирует высокого уровня духовности, если степень духовной активности потребителя духовных ценностей

не поднимается выше "приобщения" к культуре. Речь в данном случае идет не о приобщении как процессе овладения культурой, который не может не включать и сравнительно простых первоначальных форм личностной активности. Речь идет о такого рода потреблении духовных ценностей, за которыми стоят прежде всего не собственные духовные, а иные, различные в не-обходимые человеку, но все же потребности иной природы: коммуникативные, а также эмоционального и физического напряжения и другие.

Поэтому не следует преувеличением сказать, что культура существует для всех людей только как возможность. А в качестве действительности культура существует не для всех, а лишь для тех, да еще, что в р е з тех, кто способен к рас-предмечиванию ее объективно существующей символики. Развитие такой способности представляет собой важнейшую и весьма непростую задачу воспитания и самой элитарной способности видения, выявления, "улавливания" не только явных, но и скрытых ценностно-смысловых потенциалов культуры. Сказанное имеет прямое отношение и к проблеме понимания текста как интерпретации его объективных смыслов, их герменевти-ческой интерпретации. Раскрытие объективных смыслов бытия культуры возможно только в процессе активного соответ-ствия как духовной деятельности, направленной на извлечение потенциала возможностей соответствующих ценностно-смысловых реалий. В определенном смысле мир культуры про-тивостоит индивидуальному сознанию как особая "сверхинди-видуальная" реальность. Однако объективность и относительная автономность культуры как социального феномена не исклю-чает, а как раз предполагает, что его объективно-реальное функционирование осуществляется через субъективно-реаль-ный духовный мир отдельной личности.

I

Глубокое исследование этой проблемы содержится в работе М.М.Бахтина (I).

Сказанное позволяет и обязывает несколько иначе взглянуть на вопрос о классификации видов социальной деятельности. На философском уровне рассмотрения ее деление на виды в определенной степени утрачивает свое значение. Практика оказывается социальным феноменом, в "свернутом" виде содержащем все многообразие ценностно-смысловых, в том числе и духовных, потенциалов бытия человека. Идеальное же выступает в этой связи не как подчиненный практике вид деятельности, а как та же социальная деятельность, различающаяся с практикой не своим сущностным статусом, а исключительно характером, способами, формами социальной регуляции. Например, материальные в своей основе социальные отношения оказываются в определенном плане также и идеальными: практика является материальным способом их бытия, идеальное как духовная деятельность — одновременно равноправным способом бытия их ценностных смыслов. Таким образом, духовная деятельность представляет собой своеобразный способ бытия деятельности практической, идеальное объективно представлено в практической деятельности потенциальными смыслами, освоение и реализация которых выступают как содержание реального бытия культуры.

Выделение в рамках социальной деятельности двух ее видов можно считать оправданной абстракцией, в том числе и в рамках философской проблематики на гносеологическом и социологическом уровнях исследования. В то же время нельзя не заметить, что эта абстракция обнаруживает и свою ограниченность, становится не стимулирующим, а сдерживающим началом на собственно философском уровне анализа, непосредственно связанном с выявлением гуманистического и социокультурного потенциала практики.

Дело здесь не в понятийной номенклатуре, а в том весьма существенном обстоятельстве, что ценностно-смысловой уровень освоения субъект-объектного отношения включает такие измерения бытия, которые не могут быть отношены либо к практическим, либо к духовным. Содержимое катего-

горизонтальной призмы мировоззренческой рефлексии этого уровня ("человек - мир") на первый взгляд представляется более бедным и абстрактным по сравнению с предыдущими, которые фиксировали гносеологический и социально-деятельностный уровни. Так может оказаться и в действительности, если парадигма "человек - мир" выступает в качестве не завершающего, а начального этапа освоения действительности.

Заметим, что исторически так именно и происходит. В реальном процессе онтогенеза и филогенеза первоначальное осмысление ценностно-смысловых потенциалов бытия осуществляется человеком на основе той самой мировоззренческой парадигмы, которая в логическом плане оказывается завершающей. Это не случайно, поскольку наиболее простые и исторически первые формы мировоззренческой рефлексии не отделены или отделены очень незначительно от мироощущения и мировосприятия как эмпирических форм духовно-практического освоения действительности. В снятом виде чувственно-конкретные формы мировоззренческого освоения бытия сохраняются и в более сложных формах этого освоения. В конечном же (логическом) итоге ценностно-смысловой уровень освоения субъектно-объектного отношения есть возврат к самому себе, но уже в качестве абстрактно-конкретного, на основе диалектического снятия предыдущих уровней. И поскольку такое диалектическое включение-усвоение, в том числе и относительно социально-деятельностного уровня, произошло, мы вправе ценностно-смысловой уровень рассматривать в качестве высшего.

В рамках этого уровня социально-деятельностные параметры идеального сливаются с духовными параметрами социальной деятельности, принимая в содержательном отношении максимальную насыщенность объективными реальностями предельных оснований бытия человека. Если на предыдущем уровне идеальное выступало преимущественно в роли объективно-безличного основания смысложизненных ценностей, то здесь же системы социокультурных смыслов бытия принимают форму духовно-практического освоения мира через призму мировоззренческих парадигм и идеалов. Идеальное как бы

снижает себя до личностного уровня, но это такое "снижение", за счет которого только и оказывается возможной реализация объективных ценностно-культурных потенциалов.

На этом уровне идеальное как бы завершает свой путь по цепочке: идеальное как нематериальное — идеальное как социальная деятельность — идеальное как идеал. Глубокий анализ идеального как идеала содержится в работе М. А. Лифшица (8). Понятие духовного также достигает на этом уровне максимально конкретного и богатого мировоззренческого содержания. Духовное предстает перед нами не просто как деятельность сознания, а как деятельность человеческого духа, как творческая активность созидания и самосоздания на основе социального идеала, как освоение смыслового потенциала культуры, его приумножение и развитие.

Познавательная активность субъекта в данном случае также не сводится к активности сознания. Анализ социокультурных аспектов проблемы идеального представляется в этой связи перспективным под углом зрения особого рода личности активности в различных практически-познавательных модификациях ценностно-смысловой самоориентации: мировоззренческой, с точки зрения идеала, веры и убеждения, других проявлений духовной сферы личностного бытия.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е. М., 1979.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. I. М., 1974.
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977.
4. Дубровский Д. И. Проблемы идеального. М., 1963.
5. Зислин Н. С. Культура и общественный прогресс. М., 1980.
6. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1974.
7. Копинь П. В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973.

8. Лифшиц М. А. Об идеальном и реальном. - Вопросы философии, 1984, № 10.
9. Марголис Д. К. Личность и сознание: перспективы нередуцируемого материализма. М., 1986.

Rezūmējums

Ideālā eksistences veida problēma tā vai citādi ir ideālā un materiālā koeksistences veida problēma. Šai nozīmē ideālais un materiālais ir reālās esamības dialektiski identiska raksturojums. Ideālā problēmas analizē lietderīgi izdalīt trīs subjekt-objekta attiecību apgūšanas jēdzieniskos līmeņus: 1) abstrakti gnozeoloģisko; 2) sociāli darbīgo; 3) vērtībjēgas nozīmīgo. Šī metodoloģiskā shēma ļauj izsekot ideālā gaitai dialektiskā loģiskuma kādē: ideālais kā nemateriālais - ideālais kā darbība - ideālais kā darbības sociokulturālais potenciāls.

Summary

The problem of the existing ideal's mode is in one way or the other the problem of the mode of the coexistence between the ideal and the material. In this sense the ideal and the material are the dialectically identical characteristics of the real being. In the analysis of the problem of the ideal it is useful to distinguish three notional levels in mastering subject-object relations: 1) abstractly-gnosiological; 2) socially active; 3) meaningfully important. This methodological scheme enables to follow the course of the ideal in the dialectical negation chain, the ideal like the immaterial - the ideal as the action - the ideal as the socio-cultural potential of the action.

Par filozofijas ontoloģiskā statusa pierādīšanas
iespējām

Ir jau pilnīgi pierasts definēt filozofiju kā vis-svarīgāko kopību un pasaules pastāvēšanas pamatu teoriju. Šai tradīcijai ir atbalstītāji un ir arī noliedzēji, eksistē šīs tradīcijas historiogrāfija un tai raksturīgās problēmas. Šī tradīcija radās 50. gadu beigās, kad vairāki Maskavas filozofi (M. Mamardašvili, G. Ščedrovickis, E. Iljenkova, A. Zinovjeva, T. Kuzmina, P. Gaidenko, J. Davidovs u.c.) veica "apvērsumu", pirmo reizi 30 gadu laikā sākot runāt "intelektuālās civilizētības profesionālajā valodā" (M. Mamardašvili). Toreiz arī radās priekšstats par filozofiju kā par valodu, kurā tiek atšifrētas epizītas sniegtās liecības, kā par epizītas sasnāgtu izziņšanu.

Filozofija - domāšana par jebkuriem priekšmetiem, kad tos sāk aplūkot no pasaules kā kopuma un vēstures galamērķa viedokļa, no aspekta, kāda ir to j o g a attiecībā uz cilvēka dzīvītas, ko es par kaut ko domāju, arī ir šī "kaut kā" eksistēšanas veids. Šajā tēzē, ko izteica toreizējā Maskavas metodoloģiskā pulcīpa dalībnieki, bija ļoti dziļa ontoloģiska doma, jo filozofs darbojas, "maksimalizējot" situācijas - šīs situācijas un to saistītājus var iedomāties viskoncentrētākajā veidā un pēc tam domāt šajās robežās, domāt "idejā" - iedomāties kaut ko m a k s i m ā l i Istenotas idejas veidā.

Šajā "maksimalizēšanā" atklājās mūžīga nepabeigtība, apziņas "nepiecaistība" - tās homogenitāte attiecībā pret citu pasaules veidojumu heterogenitāti, kad apziņa sāk ar šo homogenitāti "inficēt" arī esamību. Tā (t.i., esamība), būdama šādā stāvoklī, dod tiesības Hegelim

izsaukties: "Esamība ir tas, kā nebija un nebūs, bet kas ir pašreiz, tādējādi - vienmēr". Šī iemesla dēļ arī eksistētā zināšanu nemotivētība un apziņas tieksme mazināt pierādījumu neapšaubāmību (iepriekš nosauktās īpatnības var šķist paradoksālas), precīzāk, šādas neapšaubāmības kritēriju nenoteiktības tendence. Šādā veidā dislocētā apziņa sāk strukturēt priekšmetu hierarhiju nevis no objekta, bet tieši no saturs aspekta. Izrādās, ka tādā gadījumā "neapšaubāmības" zemākie līmeņi ir konservatīvāki par augstākajiem līmeņiem, kuri saskaras ar augstāku formalizācijas pakāpi. Pēc tam, kad teorijās ar formalizācijas palīdzību ir iekļauta neapšaubāmība, tās (t.i., teorijas) zaudē savu koncepciju.

Objekta valoda un objekta izpētes valoda - divi valodas klases līmeņi, kuros sadzīvo korektais stils ar "nekorekto" stilu. Attiecībā pret filozofiju šādu situāciju var salīdzināt ar tādu topoloģiju, kuras tēžu lielākā daļa arī nav motivētas. Piemēram, veicot filozofisko analīzi, lieta kļūst par objektu, t.i., izpētāmo lietu, bet grūtības rada tas, ka ir jāatrod šī procesa kvantitatīvā izteiksme.

Toreiz, 50. gadu beigās, metodoloģiskā pulcīpa aizstāvji negribot radīja tendenci, kuras lozungs bija: "Atpakaļ pie Kanta!", jo viņi padziļināti pētīja apziņas dabu. Šīs aizraušanās dēļ, runājot par terminiem, liela uzmanība tika pievērsta individuālās apziņas papļietiekamībai, kura (pēc I. Kanta domām) pamatojas uz apziņas aktivitāti un "nejēdzīgās subjektivitātes" elimināciju, kad zinātnes priekšmets un teorijas objekts atšķiras. Pirmais nodarbojas ar gnozeoloģiskajām problēmām. Otrais balstās uz epistemoloģiju - sevi iedziļinājušos gnozeoloģiju, kura sāk apzināties, ka tai nebūs iespējams iekļauties kopējā filozofiskās zināšanas sistēmā, neorientējoties uz tiem faktiem, kuri padara saprotamu ontoloģijas loģiku.

Toreiz problēmu neatrisināja, jo nebija skaidrības par tās galveno aspektu - kā ir jānosaka intensīvo lielumu ekstensīvās robežas. Bez tam, galvenā fenomenoloģiskā prasība, kura attiecas uz substancionālajām kategorijām, ir tēze, ka zinātnē nevar eksistēt "tīra" pieredze, ja pētnieks nepārkāpj to reālo priekšstatu robežas, kuri attiecas uz viņa pētāmajiem procesiem un tiem objektiem, kuri tajos atspoguļojas.

I. Kants neizziņāmā robežas saaurināja līdz visabstraktākā punkta apjomam, pie tam reālajā pasaulē šim punktam neatradās vietas. Izeja bija rodama kaut vai daļēji objektīvo zināšanu ontoloģizācijā, kad jebkuru paaugstinātas stingrības ontoloģijas apstiprinājumu, kuram bija repieciešams vai nu absolūts "jā" vai arī tikpat absolūts "nē", mīkstināja (tik, cik tas bija iespējams) ar loģiskām pārdomām par ontoloģijas dabu; noteikti ir jāņem vērā, ka bez šādas loģikas nekādas pārdomas par ontoloģiju nav iespējamas, jo visu, kas attiecas uz ontoloģijas apstiprināšanu vai noliegšanu (ja netiek pārkāptas izziņas situācijas robežas), absorbē loģika (pie tam - pilnīgi).

Ontoloģisko problēmu daba ir rodama tur, kur tā ļauj noteikt savas robežas. Filozofija kļūst pati vienīgi tad, kad tā spēj sev izvirzīt ontoloģijas problēmas. Paraleli atkal rodas "ierobežotās domāšanas" rēģis, kurš ir veidojies no tādām kategorijām, kurām piemīt viena vienīga īpašība - vajadzība pēc plašākām kategorijām (tā ir pašas filozofijas galvenā īpašība). Šī vienīgā īpašība mums neļauj izvairīties no gaidāmajām problēmām, jo šajā situācijā mēs cīnāmies par esamību ir plašu pārpratumu rezultāts, jo sāk aplūkot nevis sīkumu tam līdzvērtīgā kontekstā, bet sīkumu, kurš ir identiski eksistencei, kad atkal tiek apriets jautājums par to, kas padara katru lietu par sīkumu. Tādēļ I. Kantam bija taisnība, kad viņš apgalvoja, ka loģikai esamība - ontoloģija nav iedomājama ar reālu priekš-

metu palīdzību. Viņam bija taisnība tāpēc, ka mums ir da-
rīšana ar eksistenciālā sprieduma tipu - prāta problēmu,
kad tas ir "pamētie" savu ķermeni un gācis "satīrties"
ar objektiem, neredzot, ka viņa prāts pats ir visinte-
resantākais objekts (I,7). Prāts ir domāšanas nesējs, jo
tas, kas var kļūt par esamības priekšmetu, vienlaicīgi ir
arī prāta priekšmets. Domāšana it kā fokusē kaut kādā
paradoksālā punktā, jo prāts vienmēr saista sevi kopā ar
to priekšmetu, par kuru tas domā, tādējādi ne vien kļūstot
priekšmetam piederīgs, bet dažreiz pat identificējoties
ar to.

Prāts starp sevi un esamību konstruē loģisku telpu,
iedomājoties, ka pastāv kaut kāda "v i e t a". Bet tāda
"vieta" nepastāv, jo eksistē gan pirmais, gan otrais va-
riants, bet trešā nav. Šie spriedumi, kurus Aristotelis
isteica pirmais, ne vienmēr ir iedarbīgi, jo dažreiz ro-
das tādas situācijas, kurās prāts kļūst par problēmu
pats sev - tā ir neordināra situācija, jo prāts var par
sevi formulēt jautājumu tikai jautājumu moda veidā, tā-
dēļ šī doma tiek uzreiz formulēta kā doma par esamību.

Šie jau agrāk zināmie spriedumi nebija tikai un
vienīgi prāta vingrinājumi, "seminārs par I. Kantu" iet-
varos, bet arī kolektīvs mēģinājums reaģēt uz filozofi-
jā un fundamentālajās zinātnēs tolaik notiekošajās pār-
maiņām. Šīs pārmaiņas bija ārkārtīgi svarīgas, jo tās
attiecās gan uz dažādiem filozofēšanas līmeņiem, kuri ir
viens no pasaules "pakāpienveida ontoloģijas" izpausmēm,
gan uz to, ka tika pasludināta principiāla iespēja re-
dīt tādu dabas procesu uzskaites sistēmu, par kuriem ru-
nājot varētu lietot sekojošus jēdzienus - mūsu Visuma
"sākums" un "beigas" "Lielā sprādziena" dēļ-, pie tam,
to darot, nepārkāpt epistemoloģiskās relativitātes ro-
bežas.

Tika pateikts, ka notiekošās zinātniskās revolūcijas
dēļ vislielākās izmaiņas ir notikušas zinātnēs (un fi-

lozofijas) attīstības piramīdas "virsošanās", toties tās "pakāji" gandrīz nekas nemainās un nenotiek, tādēļ teorija, kuras attiecas uz "pakāji", var kalpot vēl ļoti ilgi, dažreiz - zinātnes nākamās paradigmas struktūrās.

Šo pieņēmumu neapņēma pat "zināšanu oscilografizācija" - izziņas situāciju ārkārtīgi spēcīgi ietekmējošās "aparātu visuma" iedarbības legalizācija. Tika vienīgi norādīts, ka izeju (iespējams) izdotos atrast, ja izdotos postulēt jebkādu filozofisko teoriju kā principiāli apriori veidojumu, kuram būtu vajadzīgi pierādījumu apriorie veidi un apriori ieviešamās operācijas.

Viena no vissarežģītākajām problēmām, kuras bija jāatrisina, ontoloģizējot filozofiskās zināšanas, tomēr bija "uzskatāmības sindroms", kurā 60. gadu beigās - 70. g. sākumā bija pārvērties par istu epidēmiju. Kļuva skaidrs, ka nav nekā sarežģītāka par uzskatāmības uztveri: tā vienmēr bija un palika noslēpumaina, vienmēr *o i t ā d a*, Uzskatāmības problēma sāpīgi aizekāra filozofu godu tādēļ, ka viņi nemitīgi apgalvoja un pierādīja, ka tieši filozofija nodarbojas ar tiem objektiem, kuri atrodas ārpus uzskatāmības robežām, tādēļ ir jāpanāk, lai "uzskatāmību padarītu par nezozīmīgu sīkumu" (14,40).

Šis jaunā paradības lika pulciņa dalībniekiem secināt, ka pastāv dažādas *r e a l i t ā t e s*: to ir tikpat daudz, cik ir kontekstu sēriju un to aprakstīšanas un interpretācijas veidu, lai apstiprinātu šo "vājprātīgo ideju", daudzi pulciņa dalībnieki (V. Davidovs un E. Iljenkova) mēģināja pat izdarīt eksperimentus, formulējot šo ideju jautājuma veidā: kā pasauli uztver cilvēki un daivnieki ar neordināru atspoguļošanas tipu? Tādu pašu kā mēs? Nekā tam līdzīga! Viņi uztver mūsu konkrēti uztveramo pasauli kā traipu, skaņu, krāsu gammu pasauli, kā skepu, smaržu un trokšņu visdaudzveidīgāko gavienojumu un kombināciju pasauli, viņi šo pasauli uztver simtkārt niensētāk nekā parastie cilvēki. Tātad-

pirmā tipa dzīvnieki un cilvēki uztver c i t u realitāti un viņiem eksistē c i t a ontoloģija.

Uzskatāmības pamats ir idealizētu objektu "tiražēšana", tādēļ zināšanu ontoloģizācija ir tāda, kādi ir šo zināšanu sakari ar tāda vai citāda cilvēku darbības veida rezultātiem - vieni un tie paši fakti un "pasaulē" ainas" var aprakstīt ar dažādu teoriju valodu palīdzību, jo pastāv "veidošana ar darbības palīdzību".

Šī dažādu teoriju valoda ir saistīta ar vēl vienu papildrealitāti - v a l o d u: vārds ne vien izsaka realitāti, bet arī veido to. Valodas robežas un ietekmi var novērot divos virzienos: cilvēka domā un viņa darbībā. Tādrē pieeja vēl nav patstāvīga, tādēļ izeju var atrast, izpētot valodu no i e k š p u s e s - no valodas savdabīgās iekšējās puses - ar hermeneitiskas orientācijas metodes palīdzību. "Dzīvot pasaulē - tas nozīmē: dzīvot valodā" - usstājīgi rekomendē lingvistiskā pieredze, bet, ja mēs dzīvojam jādzienu kontekstā, mēs vienalga nezināsim, kas ir valoda, kaut arī tā būs objekts (13, 418).

Tomēr valodas pretenzijas veikt apmaiņas funkcijas nedod rezultātus, jo pētnieks ir spiests nodarboties nevis ar "parasto" nozīmju loģiku, bet ar problēmu loģiku, tādējādi viņš (agri vai vēl) saskaras ar tukšu intenciju, kura, formāli bagātinoties, veicina valodas saturu devalvāciju. Beigu beigās viņš saskaras ar kārtējo "totalitāti" - joreiz ar valodas totalitāti, kurā ir bīstams nevis tās ierobežojums, bet paplašinājums.

Iepriekš teiktais liecina par to, ka nav iespējams korekti definēt filozofiju kā ontoloģiju pilnīgi, jo tā pastāvīgi parādās gan kā gnosecloģija, gan kā epistemoloģija, gan kā aksioloģija, gan kā fenomenoloģija utml. Vienlāikus jāpiezīmē, ka esamības "vietas" problēma filozofijā ir pašas filozofijas liktenis. Filozofija nav tikai vaicājums, nav tikai "stikla perliņu

spēle", tai ir eksistenciāls mērķis un tā ir racionāla līdzekļu ziņā. Esamības zināšana konstruējas tā, ka nav iespējams iepazīt esamību, jo nav zināšanu par to (t.i., esamību). Esamība nav apziņa; apziņa, ja tā ir "iemesta" esamībā, nespēj adekvāti uzziņāt: kas tas ir?

"Apziņas ontoloģija nav tikai un vienīgi metafora, kaut arī daudzi to utver tieši tā, pie tam vēl samērā skeptiski kā empirismu, kurš negaidot izveidojas no teorētiskajām zināšanām. Tādēļ atkal rodas dilemma - vai nu transcensus vai esamība pēc dabā pastāvošās "dabiskās" utopijas likumiem. Ne velti krievu sudraba laikmeta filozofija konsekventi sludināja filozofijas deontologizāciju. Kaut arī, piemēram, N. Berdjajevs ir labi parādījis to, ka atteikšanās no ontoloģiskas attieksmes pret filozofijas priekšmetu un objektu, tūpat arī šīs problēmas gnoseoloģizācija, neko nedos, jo problēmas būtība slēpjas nevis tādas teorijas radīšanā, kura atbilstu tās (t.i., teorijas) hipotētisko konstrukciju izziņāšanai un "pašīšanai", bet pasaules objektīvajā uzbūvē: ja mēs varēsim atbildēt uz jautājumu, kas ir šī pasaule, kura ir mums apkārt, mēs atradīsim filozofijai šajā pasaulē pienākošos vietu, pie tam - vispelnitāko vietu.

Tomēr mēs arī šeit nesapemsim viennozīmīgu atbildi, jo "pasaules objektīvo uzbūvi", kopumā ņemot, nevar racionāli rekonstruēt un parastajiem loģiskajiem pamatiem, kaut arī tiem ir pilnībā jāietilpst gan pasaules, gan filozofijas definējumā. Tomēr pat tad, ja mums ir izdevies veikt šo operāciju, t.i., "rast vispārīgākas kategorijas un jēdzienus", nav vēl skaidri zināms, vai šīs strastās kategorijas un jēdzieni ir tie istie, ar kuru palīdzību vajadzēja veikt šo "vispārīnāšanu". Tiesības ir vienkāršs - par "vispārīgākām kategorijām un jēdzieniem" strīdas jau 2500 gadus, pie tam, nav redzams, ka tas varētu beigties. Ja mēs cenšamies koņētēt ar šiem jēdzieniem kā "substancionāliem", tad mēs nokļūstam

"circulus vitiosus" (burvju aplis), jo par mūsu visplašāko jēdzienu kļūs "tīrās" esamības kategorija.

Izeju var atrast, izmantojot netriviālus risinājumus, t.i., jāiedomājas, ka pasaules objektīvās uzbūves struktūrā esamības kategorija ietilpst vienīgi kā sistēmu veidojošs jēdziens, jo esamībai kā tukšo kopu klasei ir jābūt piepildītai ar kaut kādu substancionālu kvalitāti, bet to traucē paveikt "konkrētība" un "abstraktums", kuri ir viena un tā paša līdzās atrodošies līmeņi. Tādēļ var uzskatīt, ka pati esamība paškonstruē sevi objektīvo un "subjektīvo" zināšanu līmeņos, bet nevis konkrētības vai abstraktuma līmeņos. Šajā gadījumā esamības gnoseoloģijai būs nebeidzami daudz turpinājumu izzīņas aplū veidā, pie tam katrs nākamais tās (t.i., izzīņas) posms būs tikai šo esamības līmeņu padziļināšanās bezgalīgā procesa "locekļis". Esamības struktūra ir tāda, ka šo līmeņu var būt bezgalīgi daudz, tādēļ arī to izzīnai nav beigu.

Dienēšl jāteic, ka šīs izzīņas rezultātā var rasties arvien konkrētāka epistemoloģiskās relativitātes forma, kura sniedz samērā adekvātu esamības "gnoseoloģiskās kartes" atspoguļojumu, tomēr neliecina par pašas esamības ontoloģiskajiem "kontinentiem".

Daudzi filozofi iesaka pievērsties filozofiskajai tradīcijai, konkrēti, tiem risinājumiem, kurus īstenoja N. Hartmanis (esamības "slāņu" koncepcija) un M. Vēbers, radot savus "ideālos tipus". N. Hartmanis piespieda katru no esamības "slāņiem", kurā sastāv no neorganiskā līmeņa, organiskā līmeņa un garīgā līmeņa, saņemt savas rašanās cēlonības apstiprinājumu, tādējādi - arī to reāluma apstiprinājumu.

M. Vēbers centās izmantot "ideālo tipu" (kā sabiedriskās īstenības domu tēlu un idealizētu objektu) metodi kapitālisma analīzei, bet sajauc divu veidu abstrakcijas - tipoloģiju un idealizāciju, kas radīja ļoti vērtīgu salīdzināmi vēsturiskās izpētes papēmie-

nu ļaunprātīgas izmantošanas iespēju, piemēram, meklēt kapitalisma iezīmes dažādos laikmetos - feodālismā, vergturu laika struktūrās utt.

Iepriekš teiktais liek secināt, ka nav iespējams sniegt viennozīmīgu filozofijas priekšmetiskās un objektu jomas definīciju, ja tiek ievērots noteikums, lai vienmēr varētu konstatēt, ka dotā definīcija dažreiz var būt arī patiesa, kaut arī pamats, uz kura tā tiek veidota, ir apšaubāms. Lai izkļūtu no šī strupceļa, varbūt varētu izmantot filozofijas ontoloģizāciju, kaut gan arī šī ceļa pareizība nav pilnīgi pierādāma.

Nedrīkst filozofiju vienlaicīgi uzskatīt par praktiskās dzīves pašreiz svarīgo uzdevumu risinātāju un arī par metateoriju, kura spēj atrisināt visas (pat vis-sarežģītākās) dabas, sabiedrības un izziņas problēmas. Filozofija principā nespēj (tas arī tai nav jādara) sniegt tiešu labumu, pareizāk - tas nav filozofijas pamatuzdevums. Tā piedalās visu garīgo vērtību radīšanā kā *f i l o z o f i j a*, bet nevis kā atsevišķa zinātne. Filozofijai nav galvenokārt jānodarbojas ar esamības un apziņas "slimību" ārstēšanu, bet tās jādiagnostieš, jāatklāj to rašanās būtiskie iemesli.

Jau pašā formulējumā slēpjas grūti pārvarama pret-runa: paši vispārīgākie un eksistenciāli vissvarīgākie pasaules pamati nevar vienlaikus kalpot arī modālo kategoriju veidošanai, jo, ja tas tā notiktu, būtu nepieciešams vai nu izdalīt problemātiskā, asertoriskā vai apodektiskā veida modālās kategorijas, vai arī saglabāt (tajā pašā laikā) "robežkategoriju".

Neveiksmes, kuras rodas veidojot definīciju, pilnīgi pārliecinoši ilustrē filozofijas pamatu krīzi, kura izpaužas tādejādi, ka filozofija nespēj adekvāti reaģēt uz 50. gadu beigās fizikā un kosmogonijā radušos paradoksaļo situāciju. Filozofu piedāvātos "variantus" šo zinātņu pārstāvji nepieņēma, jo filozofi mokās ar ne-

jēdzīgu nebeidzamību nopietnas zinātnes līmenī, kas (kārtējo reizi) liecina par to, ka viņi ir pilnīgi nekompetenti precīzo zinātņu nozarē. Filozofi nokļuva savdabīgā intelektuālā vakuumā, kurš ir sagalabājies līdz pat šim brīdim.

Dažādu filozofisko sistēmu loģiskā līdztiesība nozīmē to, ka šo sistēmu pamatā esošajām aksiomām nav jābūt kaut kādi pašredzamām, tieši atbilstošām subjekta izziņas iespējām. Šī iemesla dēļ sarežģījās šo aksiomu "empīriskās" pārbaudes jautājums, liekot šaubīties, vai vispār pastāv kaut kāda principiāla šo aksiomu reālā patiesīguma pārbaudes iespēja. Filozofijā vārojamā ontoloģiskā apriorisma krīze nekādi nesekmēja klasisko tradīciju pastiprināšanos, jo daudzo loģiski līdztiesīgo filozofisko sistēmu atklāšana pierādīja gan pārlietu filozofiskā apriorisma, gan fizikālo zinātņu (kā pēdējās instances) metodoloģisko nostādņu nepamatotību.

Šādas pozīcijas nenoteiktība nevarēja neradīt jautājumu - vai filozofu neapmulķo viņa pašā formulējumi, vai tā pasaule, kuru viņš cer atklāt, nav tikai pašā savdabīgās fantāzijas radīta? Tādā gadījumā filozofijai piemistu absolūta ticamība, bet nebūtu nekādas praktiskas nozīmes. Šis A. Puankarē formulētais jautājums neatrisina galveno problēmu - nedod iespēju cilvēka praksei un zinātniskajai izziņai, kura rodas uz prakses pamata, noslēgties vienā un tajā pašā objektīvajā īstenībā.

Dažādas filozofijas sistēmas var aplūkot kā "ontoloģiski neitrālas" valodas, kuras izvēlas realitātes aprakstīšanai vienīgi pēc pielietojuma noderības. Ja raugās no šāda viedokļa, Platona un Hēgeļa filozofijas valodām piemīt noteiktas priekšrocības - tās ir pārliedzinošākas un vienkāršākas. Toties Heidegera filozofiskās sistēmas valoda nav tik pārliedzinoša savas daudznozīmības un polifoniskuma dēļ, kaut arī šai va-

lodaļ piemīt neparasta filozofiska varenība un visaptveramība. Bet, eksponējot šīs valodas augstākā līmenī, gan pirmās, gan otrās filozofisko sistēmu tips nonāk pilnīgi vienādā stāvoklī, un tos var brīvi izvēlēties. Šeit apslēpti birst ideja par netiešu apelāciju pie atbilstmes principa filozofiskās zināšanas attīstības gaitā. Šāda ideja ir samērā konservatīva, jo filozofisko zināšanu aprioritātes pārbaudes līmenim šī ideja liek vērsties pie kādas hipotētiski eksistējošas, bet vēl reāli nepierādītas teorijas, kura filozofiskajai sistēmai it kā spētu sniegt "carte blanche" vai arī to iznīcinoši kritizēt. Tā kā patiesībā šāda teorija nevar eksistēt, tad šīs pozīcijas aizstāvji nevar izdomāt neko labāku par atsaukšanos uz tās objektīvās pasaules realitāti, kura atrodas ārpus filozofiskās analīzes robežām, kaut arī ir ļabi zināms, ka šī "istenība" nevar pārbaudīt jebkuras filozofiskās sistēmas patiesumu vai melīgumu.

Šādā pozīcijā negribot atklājas viedoklis, ka pati reālā istenība savā pamatā ir nomināla un tādēļ tā spēj eliminēt jebkuras "kopības", kuras attiecas uz fundamentālo zinātņu un filozofijas jomu. Šīs pozīcijas aizstāvji pilnīgi nopietni ieteica eliminēt no zinātnes un filozofijas visas tās vispārīgās teorijas, kuras nevar apstiprināt ar empīriski pārbaudīto faktu un pierādījumu sistēmas palīdzību.

Šādas pozīcijas (kura balstās uz veselā saprāta prasībām) naivumu var viegli atspēkot no loģikas viedokļa, toties ir grūtāk atklāt šīs pozīcijas rašanās avotus. Viens no tiem ir ticība, ka ir iespējams precīzi norobežot analītiskos un sintaksiskos izteikumus. Ja to nav iespējams izdarīt, tad "veselīgā nomināliisma" metodoloģiskā koncepcija pilnīgi sabrūk. Ir acīmredzams, ka būtībā nav iespējams separāti pārbaudīt filozofijas empīrisko statusu zinātnisko zināšanu sistēmas ietvaros, tā tad to nevar izdarīt arī zinātniskās teorijas ietvaros.

Gar fundamentālajām, gan filozofiskajām teorijām ir

jāatbilst šādām prasībām: a) teorijai ir jāfiksē tā konteksta vispārīgos terminus, kurā tiek aprakstīti vērojumu vai arī novērojumu rezultāti; b) tā konceptuāli specifiskā, ko, principiāli ņemot, var novērot (vērot), ko -ne; c) tā konkretizē tos reālos notikumus, kurus izpildot, var, principiāli ņemot, faktiski novērot vai vērot to, kas tiek uzskatīts par novērojamu vai vērojamu; d) tā konkretizē tos eksperimentālos līdzekļus vai aparātus, ar kuru palīdzību tiek reāli fiksēts (mērīts) tas, ko var, principiāli ņemot, fiksēt (mērīt); e) tā fiksē, kurus eksperimentā vērojamos notikumus var uzskatīt par viennozīmīgi cēloniskiem, precīzāk - par cēloniski saistītiem, kurus - par tikai un vienīgi statistiski korelētiem, kurus - vienkārši par nejaušiem, tādējādi dodot iespēju novērtēt šo mērījumu drošumu (34, 152).

Jāņem vērā, ka filozofiskās sistēmas vai teorijas reālo kontaktu ar novērojumu (ekstremālā gadījumā - ar eksperimentu) vienmēr tādu daudzveidīgu modeļu sistēma, kuri funkcionāli saskāpo teoriju ar novērojumu (vērojumu) vienē kopīgā dinamiskā veselumā. Pareģotas teorijas un novērojuma (vēl jo vairāk - vērojuma) sakrišanai vienmēr piemīt aptuvenība, Jebkurai novērojumam (vērojumam) piemīt kaut kāda noteikta precizitāte.

Ja atarpība starp teoriju un novērojumu (vērojumu) ir lielāka par novērojuma (vērojuma) precizitāti, tad šī atarpība vēl neliecina par to, ka šī teorija kopumā ir aplama, bet par to, ka ir aplams kāds šīs teorijas konkrēts modelis. Mūsdienu slikti strukturēto filozofisko teoriju secinājumi balstās uz tādu daļu pamata, kuras savā starpā ir vāji saistītas, pie tam šim saistījumam piemīt gadījuma raksturs. Pie šādām teorijām pieder arī marksisma padomju variants, kurā katrs šīs teorijas modelis ir pretināms ar citiem un (tas ir visbēdīgāk) nesakrēpojas ar tiem.

Kādu laika sprīdi ir iespējams "iespiest" labu un

"spēcīgu" teoriju zem tāda tipa novērojumu, vērojumu vai eksperimentu "junta", kurā apstiprinātu šo teoriju. Tomēr šādas iespējas nav bezgalīgas pāt tad, ja šī filozofiskā teorija ir pati "spēcīgākā". Gēlu galā pienāk brīdis, kad starpība starp teoriju un novērojumu pārsniedz noteiktu kritisko lielumu un tiek (no tā brīža) uzskatīta par fundamentālu nesakrītību. Šāda veida starpībai parādīties, būtu jāsaprot, ka filozofiskā teorija ir sasniegusi savas pielietojamības robežas. (sk. I6, I39).

Filozofiskā teorija savas autonomās izaugsmes procesa laikā neizbēgami uskrāj samērā lielu piepēmumu "ad hoc" balastu, kuru pastāvēšanu šīs teorijas iekāienē nav viegli apzināties skaidri un noteikti. Parasti, saskaroties ar citu filozofisko teoriju, kļūst redzamas būtiskas loģiskās pretrunas, kuras ir relatīvi nekaitīgas, kamēr šī filozofiskā teorija attīstās izolēti. Parasti šīs pretrunas rodas starp dažādu kopīguma līmeņu teorijām.

Šajos gadījumos rodas grūti atrisināmi sarežģījumi, jo (kopumā ņemot) jebkuras klasiskas filozofiskās teorijas pielietojamības robežas nekad nav pilnīgi zināmas. Arī termina "pielietojamības robežas" nav izdevies, jo tas vedina domāt, ka pastāv (it kā) stingri noteikta robeža starp dažādu filozofisko teoriju priekšmetlīkājām zonām. Šajā terminā ietilpst neizkādu telpiski noteiktu kopu jēdziens, ar kurām asociējas dažādu filozofisko teoriju pielietojamības robežas. Priekšmetlīkās teorijas robežai piemīt relatīvs, nosacīts raksturs. Tas tomēr, starp citu, noānālcina to loģisko pretramu objektivitāti, kuras, piemēram, rodas tad, ja "satiekas" divas filozofiskās teorijas, kuras agrāk attīstījās relatīvē izolācijā viena no otras. Tā gadījās "satiekoties" Marksa metodei ar L. fon Bertalanfi sistēmisko pieeju. Šajā gadījumā pretramu nebija tādēļ, ka redās augstāka līmeņa filozofiskā teorija, kurai piemita augstāka līmeņa abstraktivitāte. Augstāka līmeņa abstraktivitāte ierobežo iepriekšējās

teorijas pielietojamību, bet pilnībā to nereducē. Pilnībā nereducējoties ar jauno teoriju, "vecā" teorija kļuva laiku savu nozīmi saglabā, kā jaunās teorijas atsevišķu daļu apstiprinātāja vai noliedzēja, vairs nebūdamā jauno zināšanu fundamentālais pamats.

Daudzu teoriju pastāvēšana, būdama zinātnes attīstības normāla parādība, rada nepieciešamību metodoloģijai atrisināt nevis izvēles problēmu, bet filozofisko teorētisko sistēmu sintēzes problēmu. Galvenokārt sintēze notiek ar paša filozofiskā darba kā īpašas zinātniskās sistēmas palīdzību (šī sistēma ir funkcionāli iekļauta augstākas abstraktivitātes līmeņa sistēmā), nevis veidojot pasaules ainu vai izvēloties jaunu, heuristiskāku teoriju. Jāveic zinātniskās sistēmas kā izteiksmes slāņa un satura slāņa organiskas vienības analīze, izraugoties par filozofiskās analīzes vienību zinātnisko tekstu abu šo slāņu vienībā un kopībā.

Tāda pieeja "izriet no tā, ka zinātniskā (un filozofiskā - V.R.) teorija tiek izprasta kā īpaša sistēma, kura var sadalīties dažādās elementu kopās atkarībā no tā, kādi uzdevumi pētniekam ir jāveic, saglabājot vienlaikus arī saikni ar pašu sistēmu" (19, 101). Zinātniskā teksta kā filozofiskās analīzes izejas objekta izvēle vēl pilnībā un viennozīmīgi nenosaka tā tālākās izpātes perspektīvu. Ir jāatrod arī adekvāti līdzekļi, lai analizētu tekstā ietvertās zināšanas. Vienotai zināšanu analīzei ir nepieciešams izmantot makroloģiku, tekstu analīzes loģiku, kura attiecas uz jebkādas jaudas informatīvajiem masīviem... (Filozofiska) teksta semantisko īpatnību fiksācija prasa..., lai tiktu ieviesti pārveidošanas noteikumi" (8, 25, 28, 29).

Galū galā izveidojas zinātniska (filozofiska) teksta modelis kā divu līmeņu sistēma: izteiksmes (formas) līmeņa un satura līmeņa, t.i., pirmajā gadījumā - sintakses līmeņa, otrajā - jēgas līmeņa, kuri ir saistīti vienotā

veselumā ar transformācijas noteikumu kopuma palīdzību, kur (t.i., noteikumi) realizē šo līmeņu atgriezenisku pārejamību vienam otrā (sk. 8, 28-29).

Modeļi "jēga-teksts" izpratne parādās kā teksta saturs atgriezeniskas pārejamības process (no vienas tā attīstījuma formas otrā). Jebkuru zināšanu, it īpaši - filozofiskas teorijas, sadalīšanās tādos elementos, kā "empīriskā bāze", fundamentālie jēdziņi" utt., "balstās... uz šīs teorijas izprašanu: pētnieks izklāsta šīs izpratnes saturu, nepadarot to par izpētes objektu" (M. Rozovs).

Filozofiskās zināšanas nes sevī sintētiskās integratīvās funkcijas: zinātnisko zināšanu (kā kopuma) sistēmā. Zinātņu filozofiskā saturs pieaugšanas process ir tieši saistīts ar filozofijas un speciālo zinātņu nošķirtības pārvarēšanu tad, kad nostiprinās un iegūst arvien lielāku nozīmi tāds zināšanu veids, kuram nav nekāda empīriskā korelēta un kurš nav tieši saistīts ar novērojuma, vērojuma un eksperimenta līmeni (22, 30). Ir radies pat speciāls virziens, lai varētu pielāgot daudzas teorētiskās konstrukcijas konkrēto priekšmetisko jomu specifiskai (sk. 27, 17).

Filozofisko zināšanu līmenī visvairīgāko metodoloģisko principu konceptuālie analogi tika atklāti un formulēti jau ilgi pirms klasisko dabaszinātņu rašanās. Atbilstošas simetrijas, pasaules materiālās vienotības u.c. principus izstrādāja H. Kuzanskis, Dž. Bruno, P. Holbahs, F. Šellings un G. Hēgelis (sk. 14, 47). Tā kā tie bija formulēti maksimāli vispārīgā formā, šie principi paši par sevi vēl nedeva zinātniekiem iespēju tos tieši izmantot konkrētā problēmu situācijā, lai to izdarītu, bija jārada speciāla starpmodeļu sistēma (sk. 16, 139). Šajos modeļos bija jāņem vērā konkrētās priekšmetiskās jomas un gnozeoloģiskās situācijas īpatnības.

Nevajag šo problēmu aplūkot vienpusīgi un to vienkāršot: specialzinātnisko disciplīnu metodoloģiskie

principi nav formāli loģiska dedukcija, kura izriet no filozofiskajām koncepcijām, tāpat arī filozofiskās koncepcijas nav speciālo disciplīnu metodoloģisko principu un koncepciju induktīvās ("metaempīriskās") vispārināšanas rezultāts.

Orientācija uz filozofiskajiem principiem (universālās cēloņsakarības principi, attīstības princips, substantionalitātes un substraktivitātes princips utt.) ir būtisks, bet ne vienmēr skaidri apjaušams zinātniskā pētījuma priekšnosacījums - to nosaka pētāmo problēmu konkrētā specifika. Tas iespaido veidu, kā zinātnieks uztver un izmanto filozofiskās idejas. Bet pats pētnieks būs pārliecināts, ka viņš vienkārši loģiski interpretē korelāciju starp juteklisko uztveri un loģisko, abstrakto domāšanu viena pētāmās dabas un zinātnes paradigmas ietvaros (3I, 3II).

Tajā pašā laikā, norādot filozofijas līdzekļus un metodes, jācenšas nemeklēt "pēdējo iemeslu" un uzskatīt to par tādu, kas ļauj izpausties mehānikas un fizikas pamatlikumu ideālai dabai. Šis, ja tā varētu teikt, "izejas" izskaidrojums slēpjas apstākļos, ka tiek aizstāvētas tā saucamās "metodiskā voluntārisma" metodes (sk. 33, 102), kuras ieviesa G. Dinglers, lai varētu izprast dabas un tās likumu objektīvās puses vienlīdz labi, bet šīs metodes G. Dinglers neieviesa, lai viņu varētu uzskatīt par rūdītu "ideālistu".

Filozofiskās zināšanas ietekmē gnosēoloģiski informatīvās pārbagātības radītie "spoki", kurai (t. i., pārbagātībai) izziņas procesā ir trokšņu loma. Šie "trokšņi" balstās uz noslēguma secinājumu iluzoru skaidrību un uz "izsecināmo zināšanu" dabu. Teorija filozofijā eksistē vienīgi kā iegrimšana iemeslos. Šī iegrimšana rada pastāvīgi eksistējošas problēmsituācijas atmosfēru, kura ļauj transformēt vienu objektu otrā un projektēt vienu objektu uz otra. Noskaidrojas, ka filozofijas ķermeņi parādās "datu banka", kura ir it kā dota cilvēkam

jau no leikvā gala, "Cilvēks vienmēr nes sevi savu vēsturi". Pie šiem Junga vārdiem var piebilst: "arī visu filozofiju" (sk. 32).

To apstiprina visa filozofijas vēsture. Ņemsim kaut vai "filozofijas kauna" problēmu - vienīgi un tie paši filozofiskie jautājumi tiek izvirzīti, risināti, argumentēti visas cilvēku sabiedrības vēstures gaitā un, kaut gan tēma ir noteikta stingri "arhetipiski", atbilžu variāciju ir milzums, pie tam - ar konkrētām tikai šim laikam, šai tautai kā etnosam, šai valstij raksturīgām īpatnībām.

Ar ko konkrēti filozofija nodarbojas? Skaidrs, ka ne ar realitāti - dabas: inātpu ontoloģiju, bet ar to, kā šī realitāte dzīvo sabiedriskajā apziņā. Lai saprastu šo starpību, ir vienīgi jāsalīdzina fiziskā daba un daba etrusku priekšstatos. Pirmo var pētīt empīriski, otro - ne. Pirmā ir zinātnes, bet otrā - filozofijas priekšmets. Ir jārunā par pirmās dabas likumiem, bet - attiecībā pret otro dabu - tikai par tās jēgu.

Robežu starp pirmo dabu un otro dabu var apzināties tikai refleksijas robežās, pēc tam, kad šīs robežas jau ir dota: jēdzienos. Refleksija par zinātni radīja priekšstatu par fizisko dabu, filozofiskā refleksija - par to, kā daba ir dota cilvēkam, t.i., par dabas jēgu, par dabas jēdzienisko piepildītību (23, 56). Var teikt pat vēl tiešāk - filozofiskās refleksijas priekšmets ir jebkādas "tiešas" zināšanas par pasauli, jebkāda "tieša" pieredze, kura ir iemiesojusies tādās vai citādās sabiedriskās apziņas formās (23, 173).

Var likties, ka refleksijā sakrīt subjekts un objekts, jo (pēc definīcijas) refleksija ir uz sevi vērsta apziņas darbība. Patiesībā filozofiskā refleksija nav identa filozofa pašizziņai un filozofiskās refleksijas objekts šajā gadījumā ir nevis pats subjekts vai šī subjekta apziņa, bet subjekta apziņas priekšmetiskais saturs (23, 176).

Filozofija pastāvīgi meklē abstraktās vispārīgās īpašības, kuras piemīt visiem ar vienu un to pašu jēdzienu apzīmējamajiem priekšmetiem: visi "priekšlikumi", visi "vārdi", visas "valodas", visas "tautas", visas "relīģijas" utml. Šī L. Vitgenšteina "ģimeniskās līdzības koncepcija vislabāk atklāj filozofisko zināšanu ontoloģijas gnozeoloģiskās saknes, kaut arī problēmas palieki. Nosauksim kaut vai dažas no tām.

Filozofiskās valodas funkcijas apzināšanās būtība, kad ar vārda palīdzību tiek veidota realitāte un pats kļūst par šīs realitātes daļu (23,70). Cilvēka apziņa iegūst savu secību un "ontoloģiju", iepazīstoties vairāk ar simboliskās realitātes funkcionēšanas likumiem, nevis ar lietu stāvokli. Iepriekš minētajiem likumiem attiecībā pret apziņu piemīt lielāka stabilitāte nekā realitātei, kuru sniedz pieredze, novērojums, kuru ievēl vērtību un vārdu un simbolu uzspiestu apjēgumu orbitā.

Iedomātā realitāte kļūst iedarbīgāka par lietu un reālo attiecību pasauli. Šādas apziņas mitoloģizēšanās (jāpiebilst arī - mitoloģizētas apziņas) epistemoloģiskās saknes slēpjas apstākļi, ka tiek modelēta iedomātu attiecību pasaule, realitāte, ar kuras starpniecību tiek līdz galam izskaidroti visi reālie fakti un notikumi. Ir skaidrs, ka šī iedomātā realitāte kļūst, kaut arī pastarpināti, par filozofiskās apziņas analīzes objektu, it īpaši tad, ja ir runa par mitoloģizētās apziņas sociētārajiem variantiem.

Tieši filozofiskā un mitoloģizētā attieksme pret realitāti atšķiras nevis pēc attieksmes pret īstu vai "šķietamu" tās analīzi, bet pēc tā, ka filozofija šeit bija izraisošās struktūras lomā. Tieši tāda pati loma filozofijai bija attiecībā pret kristietību mūsu ēras sākumā, un pēc tam tai bija tāda pati loma attiecībā pret zinātņi, kuru filozofija "radīja" kā sabiedriskās apziņas formu. Bija radīti zinātniskajai izziņas darbībei adekvāti ideāli, vērtības, normas, t. i., notika zi-

nātniskā racionāluma konstruēšana.

Filozofija nodarbojas nevis ar pašu īstenību, bet tikai ar reflektētiem tekstiem (kā saistītiem zināju kompleksiem) (4, 297-298). Spēju reflektēt uz sevi pašu filozofija izplata uz visām sabiedriskās apziņas formām, uz visu garīgo nozari kopumā, padarot tās par to formu, kura priekšā tieši veidojas filozofijas ontoloģija.

Objekta un subjekta struktūru nosaka darbības sistēma. Tā nosaka arī paša objekta ontoloģiju. Raugoties no otras puses, jāsaka, ka nav iespējams būtiski raksturot objektu (piemēram, mūdienu fizikā), ja nav subjekta aktivitātes un darbības raksturojuma. Tādēļ filozofiskajām zināšanām ir jānosaka sava attieksme pret darbības sistēmu, bet nevis pret objektu, jo tas pats parādās nevis attiekmē pret darbības sistēmu, kura to "izdala" attiecībā pret dažādiem aspektiem (23, 149-150).

Ar filozofijas pamatošanu saistītās problēmas, kuras satur no kopu interpretācijas radušos paradoksus. Šie paradoksi rodas ļoti abstraktā līmenī, kad cenšas runāt par filozofiskās ontoloģijas teoriju kā par "visu kopu", nepievēršot uzmanību skaidri redzamajai tautoloģijai. Ir tiesa, ka katra filozofa dvēselē mājā pārliecība, ka vispār savā konkrētajā darbā ar paradoksiem nēsaksies. Pašu paradoksu īpatnība, acīmredzot, slēpjas apstākļi, ka filozofija kā sistēma nav kopa, to var vienīgi iedomāties kā kopu. Attiecinot kopas kategoriju nevis uz ontoloģiju, bet uz gnoseoloģiju, filozofi neievēro šo apstākli un atšķirību. To var pieļaut tikai tad, ja eksistē sekojošs nosacījums: sistēmas iedomāšanās kopas veidā nedrīkst būt atkarīga no sistēmas izpētes veida vai arī dažādajiem priekšstatiem jābūt neapšaubāmi saskāpotiem (26, 158-159).

Tēze "veselums, kuru var iedomāties kā daudzumu sakopojumu" - tā nav gatavu elementu kopa, bet dažādos elementos iemiesojama ideja. Pie tam - ir iespējami dažādi iemiesojuma līmeņi. Ir jēdziens "filozofija", kura

iemiesojas (it īpaši) dažādās filozofiskās kategorijās un jēdzienos. Ir dažādas filozofisko teoriju, koncepciju un sistēmu kopas, kuras iemiesojas konkrētās vēsturiskās filozofiskās skolās. Filozofijas identificēšana ar filozofiju apkalpojošo kategoriju kopu nav pieļaujama kaut vai tādēļ, ka tādas kopas nav (26, 160).

Visas ar filozofisko zināšanu ontoloģiskā statusa noteikšanu saistītās problēmas var atrisināt, ja filozofijas priekšmetu un objektu instrumentārija determinēto aprakstu mēs aizvietosim ar varbūtību prognozēšanas vārdiem, ievērojot noteikumu, ka pētnieks neaprobežosies vienīgi ar varbūtību pastāvēšanas fiksēšanu, bet analizēs to pielietojamību filozofijā ar "konkrētu" piemēru palīdzību, cik vien tas ir iespējams.

Nozīmīga loma filozofisko zināšanu ontoloģiskā statusa rašanās procesā bija tam, ka atteicās ticēt uzskatāmajai acīmredzamībai, kad galvenā slodze uzgulās teorētiskajam pierādījumam, it īpaši - netiešo pierādījumu metodei. Ir zināms, ka pirmo reizi šo metodi izmantoja Elejas filozofi, pierādot savus priekšlikumus ar tiem pretēju apgalvojumu nolīguma palīdzību. Par patiesuma kritēriju viņi uzskatīja nepretrunīguma apstiprinājumu.

Nākošais filozofisko zināšanu ontoloģizācijas posms - atteikšanās no ontoloģiski piesātinātu kategoriju (materiālas, kustības, telpas, laika kategorijas) iebkādi priviliģētā stāvokļa. Piemēram, abstraktā ģeometrizētā telpa kļuva par idealizētu fizisko objektu (absolūti gludas virsmas, absolūti apaļas sfēras utml.) ieviešanas pamatu.

Pēdējās zinātniskajās revolūcijās izšķiroša loma bija tam, ka mainījās domāšanas filozofiskās substrukcijas, mainījās pats pasaules redzējums, kad filozofiskās idejas arvien biežāk iekļāvās vēsturiski zinātniskajā procesā kā tā nepieciešamais struktūrveidojošais elements (M. Kozlova).

Ja filozofisko zināšanu statusu saprot dziļāk, ir jānošķir stihiskā filozofiskā orientācija no tai tuvu esošā, no tās, ko sauc par "laikmeta pasaules uzskatu" vai "pasaules uzskata nostādņām", jo neslēpta vai implicēta dažādu filozofisko premisu iekļaušana zinātnē ir jāšķir no zinātniskās izziņas profesionālā filozofiskā motivējuma.

Eksistē daudzi filozofisko zināšanu ontoloģiskā rakstura pierādīšanas veidi, bet jebkuram no tiem, skatot to atsevišķi, trūkst privilēģēta atskaites punkta. Vienlaikus katrs atsevišķs pierādījums palielina to argumentu skaitu, kuri runā par labu ontoloģijai. Strīds starp dažādiem pierādīšanas veidiem ir nesamierināms, tomēr tā gaitā notiek citu viedokļu dziļa izpratne savstarpējas sapratnes atmosfērā.

Filozofijā periodiski vērojama "pamatu krīze" liek meklēt izeju no tās tādejādi, ka filozofija, pievēršoties zinātniskajām zināšanām, paņem no tām daudz nenoteikta un lieka, tādejādi palielinot nepārbaudītā un nejausā ietekmi. Filozofijas un zinātnes savienība ir jāpārbauda vēl un vēl, jo mūsdienu zinātne (tāpat kā oficiālā filozofija) ir inficējusies ar bīstamo nepatiesuma vīrusu. Mūsdienu zinātne var redzēt šādus nepatiesuma simptomus: pasaules uzskata pārlicka sašaurinātība un nesaskatītība, šī pasaules uzskata viegla pārvēršanās par vienkāršu politisku lozungu vai zinātnei raksturīgu ticējumu komplektu, nenopietna attieksme pret to tikumisko problemātiku, kura ir saistīta ar zinātnisko pētījumu ievirzi, lavinveidīga tehnokrātisku ilūziju izplatīšanās utml. Šis zinātnes "nepatiesums" šobrīd tiek attaisnots ar to pašu "metodoloģisko" paņēmieni palīdzību, kurus nesen izmantoja, lai pierādītu "reālā sociālisma" pastāvēšanu. Ja netīks veikta šī procesa analīze un tas netīks apstādināts, tad var rasties situācija, kuras ilustrēšanai var izmantot Je-

Žija Leca joku: "Zinātne un tehnika tik ļoti pilnveidojas, ka cilvēks drīz varēs iztikt bez aevis".

Filozofiem, neatkarīgi no to pozīcijas filozofisko zināšanu statusa jautājumā, ir jānodarbojas ar s o c i ā l ā s krīzes problēmu. Un vispirms ir jānosauc viens no tās (t. i., krīzes) pamatiemesliem - deformācija, kura ir vērojama attiecībās starp varas strukturām un filozofisko zināšanu radīšanas strukturām.

Literatūra

1. Ахутин А. В. История принципов физического эксперимента. От античности до XVII века. М., 1976.
2. Бабушкин В. У. О природе философского знания. М., 1978.
3. Баженов Л. Б. Стремление и функции естественнонаучной теории. М., 1978.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
5. Бор Н. Избр. научные труды, т. 2, М., 1971.
6. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Ежегодник Философского общества СССР. М., 1989. с. 296-304.
7. Копнин П. В. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969, с. 109.
8. Крымский С. Б. Научное знание и принципы его трансформации. Киев, 1974.
9. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984.
10. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. - Природа, 1986, № II.
11. Мамчур В. А. Проблема выбора теории. М., 1975.
12. Магвеллидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси-Москва, 1965.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2 изд., т. 40.
15. Чапли В. Физические очерки. М., 1975.
16. Раджабов У. А. Динамика естественнонаучного знания. М., 1982.

17. Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.
18. Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М., 1990, с. 416-434.
19. Садовский Б.Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. М., 1974.
20. Степин В.С. Становление научной теории. Минск, 1976.
21. Уемов А.И. Аналогия в практике научного исследования. М., 1970.
22. Урсул А.Д. Общенаучные понятия и их роль в науке. М., 1975.
23. Философия и ее место в культуре. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1990.
24. Фуко М. Слова и вещи. М., 1977.
25. Хилл Т. Современные теории познания. М., 1965.
26. Шрейдер Ю.А. Сложные системы и космологические принципы. - Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1975, М., 1976, с. 158-160.
27. Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.
28. Штоф В.А. Проблемы методологии научного познания. М., 1978.
29. Щедровицкий Г.П. О специфических характеристиках логико-методологического исследования науки // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.
30. Щедровицкий Г.П. Проблемы построения системной теории "популярного" объекта. - Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1975, М., 1976, с. 172-214.
31. Эйнштейн А. Собр. научных трудов. т. 4 (IV), М., 1967.
32. Бнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству. // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. М., МГУ, 1987, с. 214-231.

33. Dingle H. Metaphysik als Wissenschaft vom Letzen, 1929.
34. Hooker K. On Global Theories Philosophy of Science. -
Philosophy of Science, 1975, n 2., p. 152.

АННОТАЦИЯ

Возможности познания бытия могут быть реализованы лишь на основе субъект-объектной парадигмы, в которой диалектически снимаются абстрактный и конкретный уровни знания. Поэтому обоснование онтологического статуса философского знания предполагает одновременный анализ бытия как системообразующего и самоконструирующего начала.

Annotation

The article deals with the problem of ontological character of philosophical knowledge. It is caused by the situation of everlasting incompleteness, "nowhereness" of consciousness, its homogeneity to the other part of the world.

Philosophical knowledge becomes strict and precise there and then, when establishing of structural hierarchy of the objects, which are to be investigated, is begun by consciousness in account of an aspect of their direct content.

Philosophy deals with objects merely beyond the borders of visual being, hence its task to reduce it to the actual reality. This aspect has led to the conclusion that various realities are possible: they are as much as systems of context and modes of their description and interpretation.

Apriorā domājamības nosacījumi I.Kanta filozofijā

Dotajā rakstā mēs turpinām^I apriorā domājamības nosacījumu analīzi Imanuela Kanta filozofijā.

I.Apriorais ir Vienojošais-Vienotais.Vienošanas jeb funkcijas stādīšana blakus vienotajam jeb substancionalitātes raketurojumam it kā runā pretim aizliegumam raksturot apziņu,tās apriorās struktūras lietas jeb substancionalizējošas ontoloģijas terminos.

Taču faktiski šis aizliegums pilnībā netiek ievērots, jo,pirmkārt,funkcionālo terminoloģiju,īpaši neformālās un neformalizējamās zinātnēs,ietekmē substanciālās ontoloģijas implikācijas,no kurām pirmā abstrahējas.Otrkārt,tas tiek pārkāpts laika un telpas aprioritātes un formalitātes skaidrojums,t.s. ne-atdomājamības argumentā,kur laika un telpas vispārīgums - pie iepriekšējiem nosacījumiem tādā arī aprioritāte - apstiprinās iespējā atdomāt lietas un notikumus telpā un laikā,bet pašus - nē (5,I30).

Tas nozīmē,ka laiks un telpa šeit jau figurē kaut kādas dotības noteiksmē (šeit nav avarīgi-kādas).un tie ir forma dotībā,ka tāda ir tikai attiecībā pret saturiem dotības ietvaros,bet nevis dotības pašas forma,jeb īsāk,forma dotībā un dotības forma nav viens un tas pats.

Šī ambivalence vēl tiešāk parādās telpas un laika kā vērojuma,ne diskursīvā formas pierādījumā (5,I21).Pirmkārt,vērojums vispār definitīvi tiek saistīts ar priekšmetu,pie tam,tā vienīgumā:"priekšstats,ka var būt tikai viena priekšmeta dots,ir vērojums" (5,I36).Šeit netiek ievērota vērojuma-vērotā formu diference.Gadījumā,ja šīs formas

^I Raksta I.daļu sk.: Latvijas Universitātes zinātniskie raksti.55I.sēj,Filozofija:Metodoloģijas un loģikas jautājumi:Rīga;LU,1990.-I32.-I42.lpp.

Jāsaprot nevis kā vērotā vispār ieromas, bet arī kā vērojuma paša formas, tad šāds nediskursivitātes pierādījums vismaz šādā aspektā vairs nav spēkā. Vērojuma formas definitīvi tiek noteiktas attiecībā pret priekšmetu (t.i., dotību vispār, un ārpus tās robežām nepamatoti pirmās uzskatīt tieši par vērojuma, tiklab kā par jēdziena, jeb tikai un vienīgi kādas citas dotības veida formām, situācijā, kad jāizpilda nosacījums, ka dotību pašu nosakošās formas nav dotas - vismaz ne tādā veidā.

Otrkārt, vērotā-vērojuma formu atšķirību difūzija pastiprinās, saistot vērojumu ne tikai ar priekšmetību vispār, bet jau ar kādu priekšmetības raksturojumu, šajā gadījumā - vienumu un veselumu. Laiks un telpa ir vieni, vienoti un bezgalīgi, tāpēc tie nevar būt-tikt doti jēdzieniski. No laika un telpas īpašībām - tās tāpat ir kaut kādā veidā dotas un nevar būt tikai nedotas dotības vispār formas, jo tad par šīm īpašībām (vismaz šādā kontekstā) neko nevarētu teikt, - tiek secināts, ka šādas īpašības var dot tikai vērojumā, ne jēdzienos. Šeit valdošās daudznozīmības pamats, pamot tikai laika fenomenu, ir izšķirību izgaismošanas trūkums pat ne divās, bet trijās diferencēs: laiks ir vērojuma forma/laiks ir vērojamā forma/laiks ir forma vērojumā.

Dotā-dotības formu neizšķiršana, kā to parādīja Duserls, noved pie dotā psihologizācijas vai loģizācijas un dotības lietiskošanas un loģizācijas, šajā gadījumā - apriorā lietiskošanas un loģizācijas, - kā arī minētā likumību sintētiskas sapludināšanas. Arī lietas-par-sevi-ontoloģijas aizliegums šeit nepalīdz, jo psihologizācija, loģizācija un lietiskošana noris no iekšienes.

Vienošanas-vienotā reālās diferences trūkums, kam pamatā ir dotā-dotības nepietiekamā izšķirība, ļauj iezīmēt transcendentālajā diskursā arī tādu ipatneju motīvu un domājamības likumību kā visvienības arhetipu, kas gan nekādā ziņā uz pirmo nav reducējams.

Apriorais kā vienojošais-vienotais attiecībā pret empiriskajiem momentiem "ir" (vai vismaz pilda šī "ir" funkcijas) Viens, Vienotais un Bezgalīgais, kurš sintezē daudzējādo, dažādo un galīgo. Līdz ar to, gan pilnīgi citā saturā un kontekstā, iezīmējas mūsēnā filozofijas un kultūras mistērija par Kosmosa un Haosa cipu, par daudzējādā, dalītā un galīgā integrāciju kādā citā, augstākā kārtībā. Nav svarīgi, vai šī integrācija tverta kā kosmoloģiska, rituāla vai vienīgi domājama, tajā skaiti arī transcendentāla un apriora. Un, lai gan domājamība realizējas dažādās, bieži saturiski pat nesalīdzināmās sfērās, tās rituāli domājamības telpā ir vieni un tie paši. Un cik nepieļaujami vienkāršoti būtu runāt, teiksim, par kosmiskās klas, eidosa, Dieva vai transcendentālās apziņas motīvu saturisko līdzību, tik līdzīgas tomēr būtu domājamības likumības, pateicoties kurām var nonākt pie tiem.

Viena no galvenajām šādām domājamības struktūrām (kuru var saukt par Visvienības arhetipu) ir struktūra, kurā jebkuru Atsevišķo un Daudzējādo var domāt tikai uz kāda Pirms- un Visvienības fona. Būtībā tas ir minētā prāta slēdzienu vispārīgā princips un loģisko noteiksmju pakāpeniskas subordinācijas "genus summus" (visaugstākajā dzimtā, kas pati vairs nevar būt kāda cita suga) ontoloģiskais korelāts. Nerunājot par tā nereflektētu realizāciju mitoloģiskajās, reliģiskajās un filozofiskajās sistēmās, pēdējās ir gadījumi, kad visvienības arhetips parādās maksimāli attīrītā vai tematizētā veidā - Plotīna Pirmsvienotajā, arī jau Platona Vienotajā, Kūzas Nikolaja Dieva u.c. motīvos un koncepcijās.

Vienotais-daudzējādais, iniciācija-alterācija, atsevišķais-vispārīgais, kosmoss-haoss ir universālas domājamības vispār ontoloģiski ne-neitrālas opozīcijas, kas realizējas (gan jau citā kontekstā) arī Kanta sistēmā - tajā skaitā apriorajā un transcendentālajā diskursā.

Visvienības arhetips apziņas interakcijā, funkcionē-

Jot domājamības pieņēmumos, kas ļauj parādīties "a priori" motivam, vēl skaidrāk iznāk virspusē tālākajā transcendentālās apziņas aprakstē: transcendentālās apziņas galvenā funkcija jeb apziņas transcendentālā funkcija ir sintēze, apvienošana. Telpa un laiks ir vairojuma sintēzes formas, jēdzieni - priekšstatu sintēze, kategorijas - atsevišķi vairojumi un atsevišķi jēdzieni, transcendentālās apercēpcijas sintētiskā vienība kā apziņas pirms-visvienības sintēzes, kategoriju sintēzes, "objekta" vispār sintēzes realizācija, transcendentālā iztēle un transcendentālais shematisms kā kategoriju un vairojumu sintēze utt.

Šīs sintēzes vispārīguma pakāpe, kuras viens punkts ir transcendentālās apercēpcijas sintētiskā vienība, t.i., apziņa kā tīra visvienība, turpinās un pieaug, gan jau citā - regulatīvā aspektā, prāta idejās un ideālā, saplūstot otrā galējās domājamās visvienības punktā Dievā. Šeit, protams, tikai tā regulatīvajā, Dieva kā transcendentālās shēmas, nozīmē (5, 567), līdz ar to atklājot transcendentālās filozofijas, arī metafizikas galveno intenci - pacelties līdz maksimāli iespējamai Visvienībai.^I

Totālā Sintēze nav vienkāršas loģiskās nojēgtības vai zināšanu sistemātiskuma pretenzijas radīta, bet tai ir principiāla nozīme esamības apjēgšanā, jo "Zeme, uz kuras mēs esam dzimuši, un debess, zem kuras mēs uzaugām, nav visa zeme un nav visa debess. Ietvars, kurā tos vajag ievietot, maina pašu to būtību, jēgu, to īstenību" (2, 93).

^ISal. maksimāli īso formulējumu Kanta gerontoloģiskajā traktātā, gan paturot tā ārpusfilozofisko kontekstu: "Kas attiecas uz filozofiju ar tai pieņemto interesi uz prāta galējo mērķi tā veselumā (bet šis mērķis ir absolūtā vienība) (7, 304).

Tāpēc arī šeit doma, nometot kosmoloģisma, mīta un reliģijas drānas, un slēpjoties jaunā-domas un prāta tīrības, prāta pašidentitātes maskā un mītā - izdejo vienu no senākajām peihes, domas un kultūras rituāla dejām: "visu lietu rašanās no Vienotā un atgriešanās Vienotajā" (Jamblīhs). Kantam šādas Totālās Sintēzes modeļa nosacījums un otra puse ir empīriskās apziņas aposterioro aspektu par-sevi kā Haosa saprešana, ja arī ne absolūtā, tad kā kārtības objektivitātes un objektivās kārtības iztrūkuma nozīmē gan.

Kā kosmosa-haosa, tā apriorā-aposteriorā domājamības būtisks nosacījums ir primaritātes-sekunderitātes opozīcija.

2. Apriorais ir Primārais, un "a priori" jau pats nozīmē "pirms pieredzes". No vienas puses, acīm redzami, ka "a priori" konstituēšanās primaritātes-sekunderitātes opozīcijā nevar tikt saprasta laiciskā nozīmē, un šeit apriorais ir neempīriskais, arī iekšējais (5, I37)^I. Taču, no otras puses, neapšaubāma ir apriorā-aposteriārā klasificēšana t. s. loģiskās primaritātes-sekunderitātes aspektā (5, I30). Bez tam simptomātiska ir "a priori" jau kā etioloģiski ne-neitrāla termina izmantošana, kam gan ir stabila, īpaši kopš Jauno laiku ontoloģijas pašiem pamatiem nākošas tradīcijas, taču kura temporālo ne-neitralitāti atmasko tieši prāta kritika, īpaši peša laika kā apriorās formas statuēšana.

^I Pēdējais raksturojums, kas nav topoloģiski, resp. attiecībā pret diskursa topoloģiju neitrāls, dara iespējamu subjektīvā-objektīvā, imanences-transcendences diferencu domājamības nosacījumu atklāšanu.

Arī tādu izteikumu, kā: "priekšmetam par telpu jābūt jau agrāk dotam, lai..." (5, I30), "tas (laiks-A.V.) nevarētu iet pa priekšu priekšstatiem kā to nosacījums...", "...šo iekšējā vairojuma formu var priekšstatīt agrāk par priekšmetiem, tātad a priori..." (5, I37) u. tml. biežums, kas gan nav jāinterpretē burtiski, tomēr norāde uz transcendentālajai terminoloģijai atbilstošas modifikācijas mēģinājumam gan pakļautas, taču temporāli pilnīgi ne-neitrālas pirms-pēc opozīcijas klātesamību.

Vārda stingrā nozīmē tam jāizsaka nevis laiciska "a priori" sākotnējība, bet pirmāmkārtām pašā transcendentālā diskursa spēja likumīgi un autentiski (kaut vai abstrakcijā, kā to pieņēma Kants) domāt tādu ne-empīrisku situāciju, kurā laiciskā "apriorais" ir loģiski primārs attiecībā pret laicisko kā "aposterioro". Taču, pirmkārt, ja loģiskā primaritātes-sekundaritātes attiecināšana uz jēdzieniem kā loģiskām vienībām ir pamatota, tad vai tā nekļūst iekšēji pretrunīga attiecinājumā uz laiciskumu pašu - lai arī kā pēdējais netiktu interpretēts? Otrkārt, lai konstituētu laika kā aprioras formas domājamību, laiks un tā noteiksmes tiek šķeltas vispārīgā-atsevišķā diferencē. "Patiešām, vienlaicīgums un secīgums pat nevarētu tikt uztverts, ja pamatā nebūtu aprioras priekšstats par laiku" (5, I35).

Tas nozīmē nevis vienkārši domu, ka šādas uztveres iespējamības nosacījums ir subjektīvais laiks, bet gan, ka: 1) vienlaicīgums un secīgums pēdējā ietvaros ir empīriskas noteiksmes; 2) tās piepasa kādu vispārīgu noteiksmi - "aprioru priekšstatu par laiku", kurā sāk figurēt un statuēties laika noteiksmes, kopā ar pirmo veidojot subjektīvo laiku tā veselumā, kas "sastāv" gan no aprioriem ("tīrais laiks", "laiks vispār"), gan aposteriorem (vienlaicīgums, secīgums) momentiem.

Protams, laikā (gan objektīvajā, gan subjektīvajā) kā jebkurā fenomenā var izšķirt vispārīgākas un macāk vispārīgas īpašības. Taču vai tas ir pietiekams pamats

fundamentālās vienlaicīguma un secīguma īpašības, kas daudzos gadījumos arī tiek saprastas kā laiks pats, papildus iekārtošanai "laikā vispār"? Tos kā īdžienus var pakārtot šādi, taču vai tas nozīmē, ka vienlaicīgumam un secīgumam kā vērojuma un vērotā īpašībām jāpieņem kāda forma "laiks vispār" kā pirmo iespējamības nosacījumiem - reālā vai reālās iespējamības nozīmē?

Tas ir nepieciešami gadījumā, ja pieņem, ka kāda fenomena (šeit - subjektīvā laika) īpašību vienībai ir nepieciešams kāds apvienotājs, un ka vienība nav un nevar būt iekšējs raksturojums, kas var konstituēties vienlaicīgi ar pašiem apvienojamajiem, vai kā to eksistences rezultāts jeb blakus efekts. Citiem vārdiem, ir nepieciešama laika šķelšana un diferencu nevienlīdzīguma paturēšana vispārīgā-atsevišķā, formas-satura opozīcijās, lai to varētu domāt kā aprioru formu (vismaz šajā kontekstā).

Latī izgaismotu šīs šķelšanās nepieciešamības nepieciešamību var izvirzīt kontrhipotēzi, proti, ka laika vienība potenciāli eksistē jau atsevišķajā, empīriskajā acūmirkli, ka jebkurš acūmirklis, t.i., laika daļa ir arī laiks tā veselumā, ietverot potenciāli sevi visas laika kā tāda struktūras (ieskaitot bezgalību, potenciālitāti-retencionalitāti). Tādējādi, to vienība ir ne loģiski primāra vai sekundāra, bet moments, esot principiāli atvērta struktūrai un transformējoties savā dubultajā pašintencijā, pats pārmet vienības tiltu uz nākošo, jo strukturāli jau uz to norēda un daļēji pats ir šī vienība. Laiks ir nevis ilgstamības vienība, bet vienības ilgstamība; un nevis sēguma iespējamības nosacījums, bet secīgums ir "laika" "iespējamības nosacījums". Tad diferencu vispārīgais-atsevišķais, forma-satura, primaritāte-sekunderitāte izšķirību un to pušu nevienlīdzīguma paturēšana attiecībā uz šādu hipotētisku modeli kļūst problemātiska. Protams, dotā kontrhipotēze nav mazāk pretrunīga un hipotētiska, taču, un kas šeit ir galvenais, arī pirmā ir tik pat hipo-

tētiķa. Ja secinājumi no tās pamatpieņēmumiem ir loģiski nevainojami, tad pašu pamatpieņēmumu pamatotība vēl paliek atklāts jautājums.

Tādējādi, vispārīgie laika un telpas aprioritātes domājamības pamatnosacījumi ir: 1) laika un telpas fenomenu kā tādu ¹ pirms-sadalīšana vispārīgā-atsevišķā, formasatura, primaritātes-sekundaritātes, subjektīvā-objektīvā opozīcijās; 2) pašu opozīciju pušu, pirmkārt, atraujamības domājamība, otrkārt, vienlīdzības domājamība, kur pirmā puse ir galvenā, kārtotā, primārā u. tml. attiecībā pret otro. Tikai šo dziļāko, attiecībā pret saturiem strukturālo, transcendentālo diskursu veidojošo nosacījumu pašu pieņemšanas un ievērošanas rezultātā telpas un laika aprioritātes domājamība dotajā veidā ir loģiski nepieciešama un neizbēgama. ²

Tālāk, kādi ir dziļākie, jau metafizisko liktenspieņēmumu līmeni, pirms-sadalīšanas un meta-strukturēšanas pašu iespējamības nosacījumi?

Pirmajā gadījumā tā ir transcendentālā diskursa pretenzija, reflektējot par laiku ³, tā ontoloģisko statusu,

¹ T. i., to tirajā intencionālajā saturiskumā, neatkarīgi no to ontoloģiskās kvalificēšanas subjektīvajā, objektīvajā, apriorajā, aposteriārajā u. tml. Tāpēc arī iepriekšminētajā kontrhipotēzē apzināti saglabāta tā divnozīmība, ko rada subjektīvā-objektīvā laiku diferences trūkums.

² Dotajā veidā ne vispār. Tādas vai citādas "a priori" interpretācijas vai tās aspektu nepamatotības atklāšana vēl nenozīmē "a priori", kā arī telpas un laika kā aprioro motīvu nepamatotību vispār. Bez tam, vēlreiz jāuzsver, ka šeit un iepriekš runa nav par to, vai domāt subjektīvo laiku, bet kā to domāt, kā tas jādomā un kā to ir iespējams domāt.

³ Telpas un diskursa sakarību šeit neaplūkojam, principiāli svarīga tā ir imanences-transcendences, fenomānomena diferenciju domājamības konstitūšanā.

pašam abstrahēties no laika un tām temporalitātes noteiksmēm, kas piemīt refleksijai un diskursam kā tādiem. Transcendentālais diskurss, jau netieši pārkāpjot sevī noteikto laika aprioritātes un tai atbilstošajos ietvaros - universalitātes nosacījumu, grib ar domājamības palīdzību to iekārtot, norādīt laika ontoloģisko vietu un laika vietu ontoloģijā (kā visa domājamā domājamo vietu Vieta) situācijā, kad tieši laika aprioritātei vajadzētu to padarīt par līdz galam nerealizējamu. Jo jebkuras domātās ontoloģiskās vietas vietu veido laiku pats, jebkura ontoloģiskā vieta domājamībā ie-vietojas laika vietā. Nedaudz frāzējot Novalisa "laiks ir iekšējā telpa" (2I,66), laiks ir iekšējās, šai gadījumā, domājamības un diskursa telpas paštelpiskošanās nosacījums^I.

Tā, ignorējot savus nosacījumus - atkarību no domājamības un diskursa laika, kas ir to esamības izvērsšanās un strukturēšanas nosacījums, - transcendentālais diskurss, cenšoties ieremt kādu absolūtu vietu un savu vietu saprotot kā absolūtu, negribot atmasko savu netikai-negatīvo, -kritisko un -sagatavojošo lomu, bet savu ne-neitralitāti, varas gribu un gribu pēc varas.

^I Sal.: "Telpa ir laikā, tā ir laika tīrā pašatsvešināšanas, tā ir Ārpus-sevis kā laika pašattiecināšanās" (I7, I43). Protams, apvērsti arī laiku jāraksturo telpiskās noteiksmās. Taču galvenais šeit nav kādas primaritātes, kas atkal nozīmātu leiciski telpiskās nelīdzvērtības noteikšanu, kas neizbēgami novestu pie diskursa un ontoloģijas topoloģizēšanas vai temporalizēšanas, bet abu saistības, vismaz domājamības un diskursa līmenī un aspektā, nepazaudēšanu.

Tā parādās arī otrajā gadījumā, kur meta-strukturēšana noris kā principālo diskursu veidojošo opozīciju un to pušu distancē, nevienlīdzīguma un nelīdzvērtīgu, ma statušana¹. Notiek esamības šķelšana diskursa opozīcijās, kas pašas uzrāda savu sākotnējo sašķeltību kā aksiomu, tā vēlreiz apliecinot diskursa un domājamības funkcionēšanas "skaldi un valdi" pamatprincipu. Opozīcijas tiek pirms-strukturētas Metafiziskā Vērtīguma diferencē, kur vispārīgais, būtība, substance, forma, kārtība, esamība uzstājas kā būtiskāki, primārāki un metafiziski vērtīgāki par atsevišķo, parādību, akcīdenci, saturu, haosu, neesamību. Un iekams šī Nelīdzsvarotība pati nebūs transcendentāls refleksijs priekšmets, transcendentālais diskursus būs tikai tās iegriba.

Pēdējai nebūt nav nejaušs raksturs, jo daļīgi svarīgā un pēdējā transcendentāla diskursa varas gribas funkcija - kā jebkuras varas vispār - ir pašsaglabāšanās tieksme. Un tai nav nekas kopīgs ar subjektīvi vai psiholoģiski skaidrotu sistēmas pašsaglabāšanas vai vēl ļaunāk - autora paštikšmināšanos, bet drīzāk tā slēpjas domas kā tādas un domāšanas vispār iedabā, un ko P.Valeri, šķiet, dēvēja par domas pašhipnotes sliekmi.

¹ Tā nav vienīgi transcendentāla diskursa īpatnība. Sk. Deridas tēzi, kā arī tās implikatīvās un eksplikatīvās paralēles Ničē, Heidegeram, Fuko u.c., par visas Rietumu metafizikas, par kultūres vispār veidojošo diferencē nelīdzsvarotību un citādu simetriskumu salīdzinājumā piem. ar Austrumu kultūru jeb Rietumu autsaiderajām vai svangardiskajām subkulturām.

Transcendentālā diskursa pašsaglabāšanās instinkts palīdz atklāt arī dziļāk slēpto tā fonu - nāves instinktu, transcendentālajā diskursā pašā un transcendentālisma idejā kā tadā ielikto sevis pašatcelšanas iespējamību un tās nojautu. Konsekvents transcendentālisms jeb transcendentālisma konsekvence būtu substances-parādības, primaritātes-sekundaritātes u.c. kategoriju attiecināšana ne tikai ārpus pieredzes un tās robežās, bet arī uz diskursu pašu, diskursu un diskursa objektu, pamatotības izvēršana, kas galu galā novestu pie pašā transcendentālisma-dogmātisma attiecību, kā arī sevis pašā transcendentālas izsvēršanas.

Konsekvents transcendentālisms galu galā būtu atteikšanās no metafiziskās varas transcendentālajā diskursā, kas nozīmētu, protams, ne tā promesamību un iztrūkumu, bet to jauno un savdabīgo klātesamības veidu. Frāzējot austrumu domu, to var dēvēt par ne-ļeļaucošos-līdzdarbību, kas radītu maksimāli iespējamu diskursa vieglumu ļeļujošu nojaut visapkārt sev un sevi kaut ko vairāk par savas neizbēgamās apriorās un opozicionējošās iedarbes pēdām^I. Un otrādi: par cik transcendentālisms pats sevi neinterpretē transcendentāli, par tik tas kļūst par jaunu dogmātisma veidu- transcendentālo dogmātismu.

3. Apriorā kā aposteriārā Pamata statuss atsedz gan sevis, gan "transcendentālā" vispārīgākajā nozīmē domājamības nosacījumu - paš- nepietiekamības aksiomu. Tīri loģiskā nozīmē šis nosacījums ir pietiekamā pamatojuma likums, kur zināšanas ir loģiski pamatotas, ja tām ir pamats un nav maldīgi secinājumi (7, 359). Lai gan viennozīmīgi tiek norādīts, ka šis ir tīri formāls patiesības nosacījums zināšanu pašu sfērā, taču faktiski tas tiek

^I Sk. "nulle līmeņa" tēmu strukturālismā, dekonstruktīvismā un tās paralēles.

ontoloģizāts (kas ir tradicionāli filozofijas vēsturē) - vismaz attiecinājumā uz apziņas un izziņas ontoloģiju.

Ja arī pietiekamā pamatojuma ontoloģiskais korelēts, t.s.ontoloģiskais pietiekamā pamata likums (katram un visam ir savs pamats,izņemot visu pamatu pamatu),varbūt nav absolutizējams un attiecināms pilnīgi uz jebko,un, kā norāda Kants,vispār loģiski domājams arī pamata trūkuma,tad transcendentālajā izziņas un apziņas teorijā tam ir būtiski konstitūjoša loma.Pirmkārt,empīriskās apziņas pašnepietiekamība pieprasa savu vai savas iespējamības pamatu, šajā gadījumā - transcendentālo apziņu, jo katram ir un jābūt vēl savam pamatam,pie tam pietiekamam.Otrkārt,tieši apziņas un izziņas pietiekamā pamata pietiekamības meklējumā nestāva Kantam nolīdēt tādos apziņas skaidrojumos,kas tās "pietiekamos" pamatus rādīd smadzenēs,materijā u.tml.

Tādējādi,loģiskais pietiekamā pamatojuma likums izvēršas ontoloģiskās,šeit pirmāmkārtām empīriskās-pašnepietiekamības pieņēmumā,kurā piemērojamība ietvaros:
a)visam vēl ir savs pamats un ir jābūt savam pamatam,
b)savas pietiekošā pamatotāja spējas dēļ nav ontiski identis ar pamatojamo.Tomēr domājamība šeit neuzstāda jautājumu par pašas pamatojamā-pamata diferences pamatotību un pamatojamību attiecībā uz apziņu un izziņu un ignorē iespējamību,ka ne tikai visa pamatu pamats, t.i.,substance kā tāda (lai arī kas tā nebūtu),bet arī kāds vissīkākais fenomens savas pašspecifikas aspektā var būt pamats pats sev,resp,tam gan var uzrādīt vispārīgo,bet ne pietiekamo pamatu tā pietiekamībā.

Līdz ar to šādā nozīmē pietiekamā pamata-pamatojamā diferences attiecināšana šeit zaudē jēgu.Tāpēc lieka nav jautājums,vai transcendentālais diskurss,klausot savai "pamatam-jābūt" prasībai,nesauķēļ fenomenu,neraugās tajā un tam pāri,meklējot pietiekamo pamatu,un, ja tas nav tieši un vienkārši atrodamā,tad fenomena

"iespējamības nosaotjumu" aizsegā veido tā (šajā gadījumā - apziņas un izziņas) dubultnieku, ko liek pirmajam pamatā, un no kura tiek skaidrots, de facto - deducēts?

Zināšanas, empiriskais tiek skaidrots par tā pamata - transcendentālā un apriorā-ar uz tiem pārnesto empiriskā problēmu (jo transcendentālais un apriorais neizskaidro uzstādītās problēmas, bet tikai pārnes citā līmenī, ar pēdējā aksiomatizēšanas palīdzību "skaidrojot" status quo neapšaubāmību) simtkārt lielākas neizskaidrojamības cenu. Lietas būtība, protams, nav neizskaidrojamībā, neizskaidrojamība nav neesamības pierādījums, bet pamata-pamatojamā diferences attiecināšanas pamatotība. Un šīs diferences, tās pušu nelīdzvērtība, kas transcendentālajā diskursā viegli transponējas būtības-parādības opozīcijā (jo par parādības būtību bieži tiek uzskatīts tās pamats) ar tās iekšējo nelīdzvērtību vēlreiz apliecina, ka "prima philosophia" un dualisms sakrīt (II, 140).

Būtiska domājamības metafiziskā opozīcija, kas ļauj domāt aprioro tā nākošajā noteiksmē ("apriorais kā subjektīvais") ir subjektīvā-objektīvā vispār diference Kanta transcendentālajā diskursā. Taču tā saistīta ar imanences-transcendences, fenomena-nūmena opozīcijām, kuru analīze savukārt pieprasa dziļāko implikatīvo transcendentālās diskursa un tā ontoloģiskās auras topoloģisko noteiksmu, arī tādas domājamības struktūras kā Nekā arhetipa izgaismošanu, kuri gan implicēti pavada visus iepriekšminētos apriorā raksturojumus, taču nav izvedami no tiem, jo prāta, "a priori" robežas domājamība ir iespējama un rodas tikai Attiecinājumā, kas līdz ar to domājamības fonā liek parādīt kam Citam.

Literatūra

1. Гагарин Г.Г. Философия и литература. - Философские науки, 1989, №2.
2. Шпет Г. Эстетические фрагменты. 2. Петербург, Колос, 1923.

3. Гамаи И. Г. Метакритика пуризма разума (фрагм.) — Антология мировой философии. М.: Мысль, 1971. Т. 3.
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: Искусство, 1969.
5. Кант И. Соч. в 6-ти томах. М.: Мысль, 1964. Т. 3.
6. Кант И. Соч. в 6-ти томах. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1.
7. Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980.
8. Ранувье П. Принципы природы (фрагм.) — Ант. мировой философии. М.: Мысль, 1971. Т. 3.
9. Фуко М. Слова и вещи. М.: Прогресс, 1977.
10. J. G. Hamann's Leben und Schriften. Bd. 5. Gotha, 1868.
11. Adorno Th. Negative Dialektik. Fr. a. M., Suhrkamp, 1966.
12. F. von Baaders Leben und theosophische Werke. Bd. I. Stuttgart, 1886.
13. Hugo von St. Viktor. Kleine Texte. Mystische Hauptschriften. — Die Viktoriner. Mystische Schriften. Wien, Thomas Verl., 1936.
14. Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften... — Husserliana, Bd. 6. Haag, M. Nijhoff, 1954.
15. Scheler M. Die Formalismus in der Ethik und die materielle Wertethik. Halle, M. Niemeyer, 1921.
16. Derrida J. Die Schrift und die Differenz. Fr. a. M., Suhrkamp, 1985.
17. Derrida J. Die Stimme und das Phänomen. Fr. a. M., Suhrkamp, 1974.
18. Heidegger M. Gesamtansgabe. Bd. 9. Fr. a. M., V. Klostermann, 1976.
19. Барт Р. Драма, Поэма, Роман — Называть вещи своими именами. М.: Прогресс, 1988.
20. Hartmann N. Grundzüge einer Metaphysik der Erkenntnis. Berlin/Lpz., de Gruyter, 1925.
21. Novalis. Werke in vier Teilen. T. 3. Berlin/Lpz./Wien, Deutsches Verl. (b. g.).

Резюме

Статья продолжает выявление условий и предпосылок, позволяющих мыслить "априори" и "трансцендентальное" у Канта. Анализируются оппозиции, конституирующие мотив априори: "единство-единица", "первичное-вторичное", "обоснование-обосновываемое" и др. Их способ функционирования в дискурсе обнаруживает отсутствие рефлексии трансцендентального о самом себе, и вследствие этого, его скрытую некритичность.

Zusammenfassung

Der Beitrag ist der Voraussetzungen des Apriori-Motivs bei Kant genähert. Die Analysis der Oppositionen, die Apriori konstituiert - "Einheit-Vereinigung", "Primarität-Sekundarität", "Grund-Begründung" ua. - zeigt, daß die Selbstreflexion der transzendentalen Diskurs fehlt. Der transzendentalen und kritischen Diskurs bei Kant weist auf sein dogmatischen und kritischen Grund und Ursprung hin.

Проблемология как теория и методология

"...первая проблема — создание теории решения задач системой "человек — ЭВМ",... первым шагом в решении этой проблемы может служить формализация понятия задачи, создание математических моделей различных видов задач, выявление соотношений между такими понятиями, как операция, действие и деятельность... Указанные вопросы должны войти в состав новой науки о задачах и процессах их решения, которую нам хотелось бы назвать проблемологией".

Акад. В. М. Глушков (1971 г.)

Автор, предложивший термин "проблемология", который представляется достаточно точным и удобным в употреблении и потому принимается здесь как рабочий, под проблемологией понимает науку о задачах и процессах их решения, необходимую для построения теории решения задач системой "человек — ЭВМ" (3, 273). Полностью соглашаясь с необходимостью и своевременностью разработки такой отрасли знаний, представляется необходимым, однако, внести по крайней мере два уточнения, направленные на расширение содержания объекта проблемологии. Во-первых, при различении задач и проблем — задача есть проблема для решения которой уже имеются необходимые знания (7, 95) и, следовательно, понятие проблемы шире по объему чем понятие задачи; проблемологию более точно трактовать как науку о проблемах, что и соответствует ее названию. Во-вторых, представляется целесообразным связывать данную науку лишь в необходимости создания теории решения задач системой "человек — ЭВМ", а следует трактовать шире — как систему знаний и методов по постановке

и решению проблем во всех областях человеческой деятельности.

В целом современная ситуация в научном познании и непознавательных видах деятельности характеризуется, как представляется, наличием заметной диспропорции между нашими способностями к корректной и конструктивной постановке проблем с одной стороны и к их решению с другой: существуют достаточно мощные и эффективные средства решения проблем в то время как их постановка осуществляется в большинстве случаев средствами обыденного сознания на уровне здравого смысла. На преодолении этой диспропорции и направлены усилия по созданию системы знаний о закономерностях возникновения проблемных ситуаций, постановке и решению проблем (1;4;5;6;10).

Формирование новой научной дисциплины, имеющей достаточно сильно выраженный прикладной характер, на первом своем этапе обычно осуществляется путем изучения деятельности познающего субъекта с объектами соответствующей предметной области. Применительно к проблемологии это означает, что эмпирическим базисом для нее являются реальные процедуры постановки, анализа и решения проблем в различных областях человеческой деятельности и (или) их описания в научной литературе. Последнее имеет то преимущество, что при описании этих процедур осуществляется их теоретическая реконструкция, которая, как правило, характеризуется достаточно высокой степенью общности и точности. Показательным примером такого рода работы с текстами может служить исследование генезиса и структуры научной теории В.С. Степняки (8).

Второй необходимой составляющей эмпирического базиса проблемологии является изучение генезиса и структуры проблемных ситуаций, имеющих и имеющих место в человеческой практике. Формирование научной дисциплины обычно осуществляется путем параллельного изучения деятельности субъекта и объектов данной деятельности в результате че-

го произрастает определенная теоретическая "сшивка" и образование единого эмпирического базиса.

Кроме исходного эмпирического базиса для формирования научной дисциплины требуется и определенная теоретическая основа, роль которой выполняет общие законы, теоретические схемы и модели, позволяющие эффективно работать с эмпирическими данными. Создание теоретической основы требует обращения к общей теории и методологии познания — диалектическому материализму. Теоретическая основа необходима для того, чтобы ограничить и теоретически изобразив объект научной дисциплины осознать ее предмет. Требуется и построение категориального аппарата — системы основных исходных понятий проблемологии. Необходим и логический аппарат, позволяющий по определенным правилам переходить от основных понятий к производным, от одних утверждений к другим. Проблемология как система теоретически организованного знания должна быть принципиально проверяема, истинна, предметно и семантически интерпретируема.

Всякая наука представляет собой единство теории как системы истинных, упорядоченных и логически непротиворечивых утверждений о реальности и метода как совокупности способов обогащения системы знаний путем получения новых истинных утверждений. Различение науки как системы знания и как деятельности по его производству берет свое начало еще у Р. Декарта, который в достаточно ясной форме ставил вопрос о том, является ли наше представление о мире отображением физической реальности или это лишь способ упорядочивания чувственного опыта. Методу, как известно, Декарт придавал особое значение. В современной методологии научного познания также наблюдается устойчивая тенденция переноса основного внимания с анализа структуры готового знания на рассмотрение конкретных форм научной деятельности; их генезису и роли в процессе развития науки. Наука начинает рассматриваться в пер-

вук очередь как деятельность по производству нового знания, в процессе которой ставятся и разрешаются конкретные проблемы и задачи в конкретных, фактически данных условиях. Это приводит к тому, что всякая система знания анализируется не только как теоретическое описание реальности, но и как средство совершенствования такого рода описаний, как основа рефлексивного отношения к познавательной деятельности.

Применительно к проблемологии как науке сказанное означает, что она должна строиться и как теория, и как метод рациональной и эффективной деятельности по постановке, анализу и решению проблем, т.е. являться и теорией, и методологией проблем. Естественно, что при построении проблемологии как теории следует использовать все подходящие для этого достижения логико-методологических и метатеоретических исследований. Построение же проблемологии как методологии проблем должно осуществляться в контексте общей диалектико-материалистической методологии. Понимание проблемологии и как теории, и как методологии правомерно потому, что всякая достаточно общая теоретическая система знания в своем операциональном аспекте способна реализовать методологическую функцию, а с другой стороны, выполнить методологическую функцию может лишь теоретически организованная система знания. Такое понимание не только правомерно, но и необходимо, ибо функции проблемологии требуют чтобы она была не только теорией проблем, но и методологией их постановки и решения. Однако в процессе теоретического анализа возможно и, как представляется, плодотворно расчленение этих аспектов, так как представление проблемологии как теории позволяет выявить также ее черты, которые оказываются труднодоступными при анализе ее как методологии и наоборот. Изложенные соображения служат основанием для дальнейшего рассмотрения предмета, структуры и функций проблемологии в двух названных аспектах.

Всякая система знаний создается для выполнения описательной, объяснительной и предсказательной функций по отношению к своему объекту. Известно, что выполнять эти функции система знаний может лишь в том случае, если будет выражена в форме теории. Нет оснований полагать, что совокупность знаний о закономерностях генезиса и структуры проблемных ситуаций и проблем является в этом отношении исключением.

На необходимость разработки проблемологии именно как теории проблем указывают многие авторы. Так, болгарский философ Г. Гиргинев в этой связи пишет: "Постановка и решение научных проблем — сложная творческая деятельность, которая с прогрессом науки все больше и больше занимает ученых, превращаясь в объект научного исследования. Становится все более необходимым теоретическое осмысление этого существенного элемента научного творчества. Постановка и решение научных проблем превращается в объект как философского, так и конкретно-научного анализа... теория научных проблем является комплексной теорией..." (2, 97-98).

Для построения проблемологии как общей теории проблем в качестве исходной основы необходимо существование некоторой совокупности частных теорий проблем. Чтобы предметно решить вопрос о наличии последних остановимся на специфических признаках как формы организации научного знания. Теория как система достоверного знания является совокупностью взаимосвязанных утверждений и доказательств, содержит методы объяснения и предсказания явлений в некоторой конкретной области действительности. Уже исходя из данного, предварительного и общего понимания сущности теории становится ясно, что весьма трудно назвать такую область человеческой деятельности в которой процесс постановки и решения проблем находил бы свое исчерпывающее рациональное объяснение, а его результаты — однозначное предсказание. Правда, в отдельных областях чело-

гической деятельности и, в первую очередь, как представляется, в методике технического творчества существуют описания закономерностей постановки и решения изобретательских проблем. Для того чтобы оценить возможность квалификации этих описаний как теоретически организованного знания, их компоненты и структуру необходимо сопоставить со структурой теории. Даже беглое сопоставление такого рода позволяет утверждать, что имеет место лишь упорядоченная совокупность эмпирического знания при формировании которого осуществляется постоянное обращение к чувственному опыту, в то время как в рамках теории переход от одного утверждения к другому не требует такого обращения. Можно показать, что имеющиеся совокупности знаний о закономерностях постановки и решения проблем не отвечают и другим существующим стандартам теории.

Таким образом, будем исходить из того, что в настоящее время не существует конкретных теорий проблем и, следовательно, для построения общей теории проблем необходимо провести работу по теоретической организации имеющегося эмпирического знания о закономерностях постановки и решения проблем.

Вопрос о придании теоретического статуса некоторой совокупности знаний является по своей природе метатеоретическим. В силу того, что проблемология понимается как обшая теория проблем, то применительно к построению частных теорий постановки и решения проблем она выступает в качестве метатеории. Однако рассмотрение проблемологии как метатеории имеет одну специфическую особенность. Обычно метатеория понимается как теория, анализирующая генезис и структуру другой теории, т.е. термин "метатеория" употребляется лишь применительно к некоторой данной, существующей теории. Но как только что было выяснено, частных теорий проблем не существует. Тем не менее трактовка проблемологии как метатеории представляется необходимой и обоснованной. Необходимость

этого объясняется по крайней мере двумя следующими обстоятельствами. Во-первых, при создании конкретных проблемных теорий возникает потребность в установлении границ их областей применения, полноты, непротиворечивости, способа введения новых понятий и в решении других вопросов, решение которых требует метатеоретического анализа. Во-вторых, создание конкретно-научных теорий постановки и решения проблем делает необходимым не только сообщение и осмысление исходного эмпирического материала, но и построение определенной теоретической основы, категориального аппарата, правил оперирования языком, что также требует выхода на метапредметный уровень анализа. Таким образом, метапредметное исследование способствует не только более глубокому проникновению в основы изучаемой теории, но и может существенно влиять на процесс построения самой теории. Это показывает, что представление проблемологии как метатеории должно не только следовать за построением конкретных проблемных теорий, но и предшествовать им.

Проблемология как метатеория должна отличаться от конкретных теорий постановки, анализа и решения проблем в первую очередь степенью своей общности. Второй существенной характерной чертой проблемологии как метатеории, отличающей ее от возможных конкретных проблемных теорий является различие их объектов и предметов. Специфическим объектом проблемологии как метатеории должна являться совокупность конкретных проблемных теорий, а объектами последних - реальные проблемные ситуации.

Представляется полезным различение объекта и предмета теории проблем, подобно уже устоявшемуся различению объекта и предмета в естественных, общественных и технических науках. Известно, что в рамках всякой теории система ее утверждений об соответствующем фрагменте объективной реальности фактически относится не к фрагменту реальности непосредственно, а к некоторой системе идеальных конструктов, которые являются специфичес-

кими ее моделями. Таким образом, предмет теории — это система идеальных конструкций, моделирующих объект теории. Если принять такое различие объекта и предмета теории, то предметами возможных конкретных проблемных теорий являются соответствующие совокупности проблем, а предметом проблемологии как метатеории — некоторая формализованная система проблемных теорий.

Для того, чтобы проблемология как метатеория выполняла свои функции по отношению к конкретным проблемным теориям, она должна отвечать, по крайней мере, следующим требованиям: 1) понятийный аппарат проблемологии должен быть богаче (шире) понятийного аппарата конкретных проблемных теорий; 2) все понятия конкретных проблемных теорий должны быть выражены в метаязыке проблемологии как метатеории; 3) понятия проблемологии должны иметь содержательные интерпретации на уровне конкретных проблемных теорий; 4) проблемология как метатеория должна обеспечить изучение формальных структур конкретных проблемных теорий.

Формализация конкретных проблемных теорий — основная предпосылка и необходимое условие построения проблемологии как метатеории. Однако, требование полной формализации проблемных теорий является вряд ли достижимым идеалом. На весьма вероятную невозможность этого указывает опыт формализации естественнонаучных теорий для которых это требование до сих пор является несуществующим. Следует отметить, что если бы даже полная формализация конкретных проблемных теорий оказалась бы возможной, то все равно это потребовало бы предварительного содержательного их рассмотрения. Таким образом, построение проблемологии как метатеории в любом случае требует предварительного содержательного анализа конкретных проблемных теорий.

В условиях отсутствия конкретных проблемных теорий и при осознании необходимости их построения первостепенным является вопрос о том, что они должны собой пред-

оставать. Долгое время в методологии науки доминировало представление о том, что любая теория возникает как результат обобщения эмпирического знания. Сегодня можно считать общепризнанным, что теория нельзя построить путем индуктивного обобщения данных опыта. В основе любой теории лежит некоторая абстрактная модель реальности, конструирование которой осуществляется вне данной теории и не путем индуктивного обобщения эмпирических объектов, а посредством других познавательных процедур.

В результате логико-методологических исследований научного знания выработаны определенные логические стандарты построения научных теорий. Игнорируя их, невозможно описание предмета, структуры и функций проблемологии как теории.

Предмет проблемологии как теории формируется на основе эмпирических закономерностей, фиксируемых в процессе возникновения и становления различного рода проблемных ситуаций. Сами проблемные ситуации, возникая в процессе человеческой деятельности, выступают в качестве объекта проблемологии. Объект и предмет теории не совпадают, ибо как известно, высказывания теории непосредственно относятся не к описываемому ей фрагменту объективной реальности, а к некоторому теоретическому конструкту, при формировании которого объектам приписываются определенные свойства, которых бы не имел и игнорируются некоторые объективно присущие ему характеристики. В силу того, что значимое с точки зрения познавательных целей характеристики объекта теории находит отражение в ее предмете, предмет теории может рассматриваться как модель ее объекта. Применительно к проблемологии моделью ее объекта — проблемных ситуаций, является проблема, которых нет в объективной реальности, ибо они представляют собой не более чем образ ее отражения, теоретически сконструированных проблемных ситуаций. Причем, ни одна проблема не отражает соответствующую проблемную ситуацию в пол-

ном ее объеме и во всех деталях и именно поэтому является ее моделью.

Формирование предмета проблемологии на основе описанного эмпирического базиса осуществляется с помощью определенной системы допущений, аксиом, общих законов, которые выступают в качестве средств построения теории проблем и предоставляют собой положения, заимствованные из других областей знания. Именно они приводят к формированию теоретических конструкторов, которые составляют основание теории, определяют ее границы и эвристические возможности.

Кроме предметности, которая выражается в том, что все утверждения теории относятся к одному и тому же классу объектов, к одной и той же предметной области, проблемология как теория должна характеризоваться адекватностью и полнотой описания своего объекта, т.е. должна описывать все существующие проблемные ситуации, которые должны трактоваться как факты, составляющие ее эмпирический базис.

Теория проблем как система знаков естественных или искусственных языков должна быть интерпретируемой, т.е. наглядно представляемой для истолкования. Понятия и предложения теории проблем должны интерпретироваться не проблемными ситуациями как объектами реальности, а их образами в сознании познающего субъекта. Смысловое содержание теории проблем может быть наглядно интерпретировано по-разному: схематически, картинно и другими средствами. Важно лишь чтобы отдельные элементы этой теории и вся она в целом были в принципе интерпретируемы, ибо лишь в этом случае они будут объясненными и осмысленными.

Теория проблем как и всякая другая теория должна быть проверяемой, т.е. должна позволять устанавливать соответствие содержания своих утверждений реальным объектам, их свойствам и отношениям. Все утверждения должны быть истинными суждениями.

Объекты и предмет теории, равно как и средства ее построения, сами в структуру теории как таковой не входят. Теория сама по себе есть не более чем упорядоченная и логически непротиворечивая совокупность истинных суждений и ее структура определяется содержательными и логическими связями этих суждений. Структура теории иерархична — в ней всегда есть основные и производные (выводимые) суждения. К основным высказываниям теории относятся те, которые не получаются и не опровергаются через другие ее высказывания, например: результаты наблюдений и экспериментов, основные дефиниции, онтологические гипотезы. Производные высказывания теории представляют собой выведенные из основных следствия, теоремы, утверждения с их доказательствами, которые, как правило, составляют наибольшую по объему часть теории и выполняют основные функции теоретического знания. Содержательные связи суждений, образующих "тело" теории являются ее категориальной, а логические — логической структурами.

Логические связи высказываний образующих теорию, должны быть такими, чтобы каждое высказывание выступало или в качестве посылки, или в качестве заключения вывода, а все термины должны быть связаны таким отношением определения, когда каждый из них включен в определяющую или определяемую часть по крайней мере одного определения. Выполнение этих условий делает совокупность высказываний теории относительно логически замкнутой, придает ей целостность, что в свою очередь, является необходимым условием однозначности в оперировании понятиями и строгости доказательств. Различные научные теории в весьма неодинаковой степени отвечают этому требованию. Для проблемологии это не более чем идеал, имеющий, однако, важное значение именно в процессе ее становления как теоретически организованной системы знания.

С точки зрения степени замкнутости проблемология как теория не может характеризоваться (по крайней мере на первых этапах ее развития) строго ограниченным числом исходных утверждений и потому не является теорией закрытого типа. Ее следует отнести к открытым теориям, ибо отсутствуют основания для наложения каких-либо ограничений на число ее исходных высказываний, что определяется описательным характером данной теории.

Описательный (эмпирический) характер теории проблем на данной стадии ее развития выражается в том, что она описывает свои объекты в их непосредственной данности, представляя их в виде проблем, формулируемых преимущественно средствами естественных языков. Основной ее задачей является прежде всего упорядочивание эмпирических данных, относящихся к ее объектам. Общие законы, которые в принципе могут быть сформулированы в ней могут представлять собой лишь генерализацию эмпирического материала и выводиться по мере ее развертывания. Ввести их в исходный момент построения теории не представляется возможным, так как пока непонятно что вводить и как это сделать. Описательный уровень развития теории проблем выражается и в том, что в ней еще лишь формируется соответствующий специальный понятийный аппарат, не выражены явно правила используемой логики, труднопроверяема корректность приводимых обоснований и доказательств.

Все это говорит о том, что проблемология как общая теория постановки и анализа проблем в настоящее время является лишь желаемой необходимостью, а не реально существующей научной дисциплиной.

Всякое теоретически организованное знание играет двойную роль. Во-первых, являясь результатом адекватного отражения закономерностей объективной реальности, оно выполняет по отношению к ней описательную, объяснительную и предсказательную функции. Во-вторых, теорети-

чески организованное знание является потенциальным средством получения новых знаний. В полной мере эта двоякая роль знания проявляется применительно к научным представлениям о проблемах, ибо, с одной стороны, проблема является формой организации имеющихся знаний, а с другой — средством указания на недостаточность имеющихся знаний, на необходимость их пополнения.

Процессы постановки, анализа и решения проблем, как и любые другие действия, для того, чтобы быть плодотворными требуют рефлексии над собой, которая позволяет познающему субъекту, заняв критическую позицию к своему действию и его результатам, выработать и уточнить идеалы и нормы своего мышления. Основой рефлексивного отношения является теоретически организованное знание и его методологическая функция. Это делает оправданным и необходимым рассмотрение проблемологии не только как теории, но и как методологии проблем.

Следует отметить, что до последнего времени методология была исключительно рефлексией над процессами решения проблем, но не над процедурами их постановки и анализа. Однако в настоящее время целый ряд причин делает актуальной разработку теории методов исследования проблемных ситуаций, корректной постановки и анализа проблем, т.е. методологии проблем. К этому следует добавить и то, что традиционно методология развивалась как теория методов научно-познавательной деятельности. Сегодня уже весьма остро ощущается необходимость в разработке методологии в непознавательных (преобразующей и проектно-конструкторской) видов деятельности. Представляется, что эта необходимость объясняется прежде всего тем, что процесс превращения науки в непосредственную производительную силу общества привел к многочисленным и разнообразным трансформациям знаний, к непосредственному включению процессов их переработки в непознавательные виды деятельности. Так, например, в

таким весьма обширным и социально значимым видом деятельности как прикладные исследования и разработки, собственно нового знания как такового не производится, но способ и формы его трансформации там настолько сложны, что бесспорно требуют специального методологического обеспечения. Не что подобное наблюдается в последнее время и в таких видах деятельности как управление, конструирование, разработка технологий и других. Представляется, что до последнего времени методология научного познания была основной формой рефлексивного отношения к деятельности потому, что познавательная деятельность по уровню своей сложности значительно превосходила другие виды деятельности и потому в первую очередь требовала своего методологического обеспечения. В настоящее время, когда уровень сложности некоторых других видов деятельности стал сопоставим с познавательной деятельностью, остро ощущается необходимость в методологии непознавательных видов деятельности. В силу того, что проблемы как формы отражения противоречий между общественными потребностями и средствами их удовлетворения возникают практически во всех видах человеческой деятельности, проблемология как методология проблем должна рассматриваться и строиться как теоретическое обеспечение процесса постановки и анализа как познавательных, так и непознавательных проблем.

В отличие от теории проблем, целью которой является построение системы знаний о генезисе, и структуре проблемной ситуации и закономерностях постановки и анализа проблем, целью методологии проблем является использование соответствующих теоретических знаний для создания методов рациональной и эффективной деятельности с проблемными ситуациями и проблемами. Если метод — алгоритм движения по объекту деятельности, то методология — теория движения мышления по объекту, которым является метод. В данном случае — методы анализа проблемных ситуаций и постановки проблем.

Проблемология как теория должна оцениваться с точки зрения истинности, как методология — в отношении ее эффективности. Это различие проблемологии с точки зрения ее оценки объясняется различием ее объектов как теории и как методологии. Теория проблем направлена на получение соответствующих знаний, а методология проблем на регуляцию деятельности по их постановке и анализу. Истина как содержательная характеристика знаний с точки зрения их соответствия объективной реальности не может выступать в качестве критерия оценки деятельности или действия, так как последние сами являются объективными феноменами и ни одно из действий (или деятельности) не может быть истинным или ложным. Но действие или деятельность в целом могут способствовать или не способствовать достижению поставленной цели и, следовательно, быть эффективными или неэффективными.

Деятельный субъект имеет достаточно высокую степень свободы в выборе действий: в рамках объективных закономерностей может действовать по своему усмотрению. При этом осознанно и целенаправленно действующий субъект стремится руководствоваться определенными регулятивными принципами, реализация которых повышает или понижает эффективность его деятельности. В силу того, что совокупность регулятивных принципов и составляет содержание всякой методологии, то последняя и должна оцениваться не как истинная или ложная, а как эффективная или неэффективная.

Можно сказать, что методология проблем может быть как позитивной, так и негативной. Это зависит от того, какие типы законов лежат в основе ее принципов. Согласно традиционным представлениям законы науки должны быть законами дозволения, т.е. они должны определять, что может и должно происходить в природе, социуме или познании. Однако, в последнее время становится все очевиднее, что наиболее фундаментальные законы имеют характер запретов,

т.е. они определяют то, что не может иметь места в объективной реальности. Таковы например, законы сохранения и превращения материи и энергии, абсолютного нуля температуры, предела скорости взаимодействий. В процессе любого вида деятельности, в том числе и при постановке проблем, эти законы-запреты в принципе не могут быть нарушены и, следовательно, методология проблем как система регулятивных принципов не должна планировать действия, идущие в разрез с ними. Система регулятивов такого типа и представляет собой то, что можно назвать негативной методологией проблем. Однако для создания конструктивной методологии проблем одних принципов запрета недостаточно: необходима и система позитивных регулятивов. Представляется, что построение позитивной методологии проблем предполагает последовательную реализацию трех процедурных этапов.

На первом этапе необходимо выявить, зафиксировать и описать стереотипные, повторяющиеся операции с процессом постановки проблем. Эмпирической основой для этого должны служить реальные процедуры постановок различного рода проблем. Важно, чтобы массив анализируемых процедур должен быть репрезентативным. Однако в начальной стадии целесообразно брать процедуры постановок близких по типу проблем, ибо это облегчит первоначальное выявление общих, репродуктивных элементов операциональных структур. Анализ структур реальных процедур постановки проблем может представлять собой проекцию некоторого репрезентативного их множества на мысленно представляемый "гносеологический экран", что позволит путем наложения различных структур реальных процессов постановки проблем выявить общие точки, стереотипные элементы этих структур и на их основе построить некоторую обобщенную структуру. Представление о такой обобщенной структуре позволит сформулировать определенную систему регулятивных правил-предписаний, позволяющих целенаправленно реализовывать в процессе постановки проблемы типовые, репродуктивные операции. Выделен-

ные из процесса деятельности по постановке проблем и зафиксированные как некоторые образцы в норме, эти правила и составляют метод постановки проблем. Естественно, что будучи полученным на массиве отдельных проблем, этот метод будет лишь методом постановки проблем данного типа. Однако аналогичным способом возможно создание методов постановки и проблем других типов.

Важно отметить, что деятельность по выявлению закономерностей постановки проблем и формированию на их основе соответствующих регулятивов существенно отлична от деятельности по непосредственной постановке проблем. Она требует рефлексивного подхода и по своим целям и содержанию является методологической. Это отличие делает возможным неучастие методолога в процессах постановки проблем. Он может лишь пользоваться текстами описания этих процессов. Необходимо лишь, чтобы методолог понимал эти тексты, т.е. мог наглядно представить и мысленно реконструировать содержание процедуры постановки проблемы, выделить ее структуру, соотносить ее со структурой описания, а в последней мог выделить отдельные предложения, несущие законченный смысл, переформулировать их, сохранив эквивалентность смыслового содержания.

Создание методов как алгоритмов деятельности по постановке проблем позволяет представить творческие, продуктивные элементы этой деятельности в качестве репродуктивных, стереотипных элементов. Это дает возможность постановщику проблемы сосредоточить свои творческие усилия на решении специфических для каждой отдельной проблемы затруднений. Кроме того, наличие методов как совокупностей регулятивных правил постановки и анализа проблем делает возможным: 1) анализировать реальные процедуры постановки проблем, верифицируя и совершенствуя тем самым имеющиеся правила; 2) оценивать проблемные ситуации с точки зрения возможности на их основе осуществлять корректную постановку проблем; 3) осуществлять постанов-

ку проблем согласно имеющимся правилам.

Формулировка правил и создание методов постановки проблем есть не более чем фиксация некоторой феноменологии деятельности постановщиков проблем. Конечно, такого рода фиксация сопровождается определенным теоретическим осмыслением этой деятельности в результате чего в определенной мере вскрываются ее механизмы. Однако в процессе создания методов и выработки правил постановки проблем теоретическому осмыслению подвергаются лишь внутренние по отношению к данной деятельности вопросы. Сами же методы как совокупности регулятивных правил получают в лучшем случае эмпирическое обоснование, варианты которого представляют собой объяснения следующих типов: 1) постановщик проблемы действует подражательно (в той или иной мере осознавая это), копируя поведение предшественников в аналогичных ситуациях; 2) ориентируется на конечную цель — решение проблемы; 3) реализует последовательность действий, принятую в его профессиональной области при постановке аналогичных проблем. Теоретическое обоснование эффективности регулятивных правил уже не может быть осуществлено в рамках самих методов постановки проблем — для этого необходим выход за их пределы.

Такой выход возможен путем добавления некоторого знания, позволяющего объяснить плодотворность и ограниченность применимости того или иного метода постановки проблем в зависимости от их содержания и типа. В результате теоретического обоснования возможностей и границ методов расширяются их фактические эвристические функции. Это становится реализуемым как за счет целесообразного выбора того или иного метода, так и путем их адаптации и перестройки.

Создание и совершенствование методов деятельности является содержанием методического творчества. В таких областях деятельности как познавательная, педагогическая, изобретательская и некоторых других методическое творчес-

тро давно выдвинулось в качестве самостоятельного и приобрело профессиональный статус. Применительно к деятельности по постановке проблем в настоящее время можно говорить лишь о становлении системы методов и необходимости развертывания методической деятельности в этой области.

Представляется, что создание и совершенствование методов постановки проблем и является первым этапом в построении проблемологии как методологии. Методическое творчество, в свою очередь, является исходной основой для собственно методологических построений: "Методическое творчество не порождается методологией, а обуславливает ее (разумеется, возникновению данной дисциплины оказывает обратное воздействие на разработку методов). Методическая работа является первичной, представляет собой практическую основу методологии, подобно тому как инженерная деятельность приводит к становлению и институализации технических наук, а не является их следствием (хотя между ними имеется и обратная связь)" (9,76).

Представляется, что процитированный отрывок содержит важное и актуальное указание на ту роль, которую методическое творчество играет в построении методологии как ее исходное эмпирическое основание. Действительно, метод выявляет и фиксирует функциональную структуру познавательной, преобразующей или проектно-конструкторской деятельности, позволяет описать ее цели и подцели, дать перечень всех операций, выражая тем самым специфику того или иного вида деятельности. Так деятельность по постановке проблем определенного типа многократно повторяемы в различных ее вариантах, рано или поздно приводит к выявлению некоторого множества репродуктивных ее элементов, целенаправленное стремление к реализации которых и приводит к возникновению метода, имманентно отражающего специфику этой деятельности. Можно было бы предположить, что методология как методика более общего уровня обобщности возникает в

процессе дальнейшего выявления более общих инвариантов в структуре деятельности. Такого рода понимание возникновения методологии, как известно, содержится в подходе П. Дюгема и К. Поппера, которые в противовес старым методологам И. Бэкона и Р. Декарта, стремящимся создать законченные теории метода ("машин науки" по словам К. Поппера), показали, что методология складывается как обобщение исследовательского опыта. Однако такая программа представляется ограниченной и односторонней, ограниченной не только в том отношении, что методология складывается не только на исследовательском (познавательном) опыте, но и на опыте преобразующей (практической) и проектно-конструкторской (проектирование искусственных систем всякого рода) деятельности. Ограниченной и односторонней главным образом в том отношении, что методология должна строиться не только снизу — от конкретных методики, но и сверху — от представлений, идеалов и норм познавательной деятельности вообще. Остановимся на этом подробнее.

Обсудим в первую очередь кажущееся несоответствие: эмпирической основой методологии должны быть методы не только познавательной, но и преобразующей и проектно-конструкторской деятельности, а теоретическими предположениями — идеалы и нормы именно познавательной, точнее научно-познавательной деятельности. Это несоответствие, как представляется, находит свое истиннейшее объяснение в том, что во всякой деятельности человека, являясь осмысленной, неразрывно связана с познанием и знанием, без которых не может не только совершенствоваться, но даже и существовать.

С учетом сказанного представляется что механизм детерминации процесса построения методологии проблем идеалами и нормами научного познания должен реализовываться через систему критериев научности. Конкретно это означает выполнение по крайней мере следующих требований: 1) при постановке проблемы необходимо чтобы она на одной стороне была (или была бы) единой, ясной, чёткой, однозначной.

и объяснила все эмпирические знания о соответствующей проблемной ситуации; 2) проблема как единое и цельное описание и объяснение проблемной ситуации должна согласовываться со всеми фактами науки и эмпирически найденными законами, т.е. в формулировке проблемы должны отсутствовать положения, логически противоречащие фактам науки; 3) в формулировке проблемы должны отсутствовать внутренние логические противоречия, т.е. проблема не должна быть самопротиворечивой; 4) сформулированная проблема должна быть принципиально проверяема, например путем редукции ее теоретических положений к эмпирическим высказываниям о проблемной ситуации.

Красота, простота, экономичность (в отношении использования интеллектуальных средств) формулировок проблемы не могут, как представляется, являться обязательными признаками научности ее постановок, а лишь дополнительными эвристическими указателями на пути построения методологии проблем.

Литература

1. Берков В. Ф. Структура и генезис научной проблемы. - Минск, 1983.
2. Гиргинов Г. Наука и творчество. М., 1979.
3. Глушков В. М. и др. Человек и вычислительная техника. Киев, 1971.
4. Евриков Е. С. Научный поиск. Киев, 1967.
5. Карпович В. Н. Проблема, гипотеза, закон. Новосибирск, 1980.
6. Матюшкин А. М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М., 1972.
7. Никифоров В. Е. Проблема как объект методологического анализа / Структура и развитие научного знания. Системный подход к методологии науки. М., 1982.
8. Степин В. С. Становление научной теории. Минск, 1976.
9. Яценко Л. В. Формирование общей теории конкретных методов / Философские науки. 1985, №5.

IO. Cackowski Z. Problemy i pseudoproblemy. Warszawa, 1964.

Anotācija

Raksts ir veltīts nepieciešamības un iespējamības pamatošanai problemoloģijas kā teorijas un metodoloģijas saturīgas analīzes uzcelšanai un korektai problēmu nostādīšanai dažādos cilvēku darbības apgabalos. Ir noteikta empiriska problemoloģijas kā zinātnes bāze, norādīti ceļi tās teorētiskai uzcelšanai.

Annotation

The article is dedicated to substantiate the necessity and the possibility to construct problemology as a theory and a methodology of content analysis and proper propounding of problems in different spheres of human activity. The empirical basis of problemology as a science is defined, the ways of its theoretical construction are outlined.

В. КАЧАН

Игровые методики творческой деятельности

Методики как регулятивные системы творческой деятельности лишь недавно, в работах, например, Г. Буша, А. Беркина, В. Овсянникова, Б. Юхансона, Л. Яценко и некоторых других авторов стали предметом специального методологического анализа. До сих пор процесс их конструирования осуществляется во многом стихийно. Между тем, очевидно, что создание таких сложных регулятивов может и должно базироваться на знании закономерностей конструирования методов, методик, поисковых программ. База для этого имеется.

К настоящему моменту сложился и закрепился в культуре целый специфический "мир" методических регулятивов, особая "методическая реальность" (методы, методики, программы). Она — результат объективного процесса: последние 40—50 лет неуклонно повышается степень методической оснащённости разных видов творческой деятельности. Эта особая "методическая реальность" требует своего осмысления как новый класс объектов исследования, представляя собой основу для формирования теории методической регуляции творческой деятельности, подобно тому, как инженерные разработки, проекты привели к становлению технических наук. Настоящая статья посвящена методологическому анализу группы инженерных игровых методик: "КИТ" (автор, к. т. н. Сауриди Г. А.), "Группа" (к. т. н. Сауриди Г. А., Соболев С. Ф.), "РИЭС-1" (к. т. н. Шаронов В. Г. и др.), "Проектирование АСУ" и "КОНТУР" (д. т. н. Лидский А. Л. и др.), "ЭСКОРТ" (разработана в Киевском ИСИ). Результаты анализа могут быть использованы при разработке некоторых разделов общей теории конкретных методов.

Со стороны внешней формы в каждой методике нетрудно выделить два основных раздела. В первом дается предвари-

тельные сведения об оптимизируемой деятельности и перечень требований достаточно общего стратегического характера к субъекту творчества. Можно сказать, что содержание этого раздела сводится к обобщенной модели организации поисковой деятельности. Любая такая модель свидетельствует о стремлении методистов воздействовать на определенный творческий процесс в целом. Одновременно содержание первого раздела необходимо рассматривать как некоторый теоретический фундамент для второго — рецептурного раздела.

Итак, кроме обобщенных схем организации творческой деятельности, в методиках налицо еще и точные, тщательно разработанные и четко зафиксированные в тексте рецепты, указания и советы, как шаг за шагом совершать отдельные конкретные операции и процедуры, т.е. дается описание "техники" дела.

Данную инвариантную черту строения различных методик — устойчивое наличие в них как стратегических образований, так и тактических предписаний, привел — отмечают все те методологи, в поле внимания которых попадают современные методические системы (см. напр. 8, 73; 15, 43). Действительно, если в качестве конкретного примера рассмотреть, скажем, на методике обратной мозговой атаке, то окажется, что в первый ее раздел включены общие теоретические предпосылки. В нем приводятся сведения о том, что при поиске путей улучшения изделия решаются общие творческие задачи, даются такие характеристики этих задач. Кроме того, указываются требования к их решению. Здесь же определяется область применения методики. Далее, в последующих подразделах методики приводятся подробные указания по формулированию задач, правила формирования творческих групп и правила проведения сеанса ММ, обязанности ведущего и т.д. (16, 138—172). Как видим на этом примере, содержание и структура методик задается объединением общего, теоретического знания и указаниями

по его практическому использованию.

Касаясь общих черт, свойственных строению различных методик, необходимо отметить и тот факт, что все они, в т.ч. и игровые, имеют синтетический характер: включают в себя ряд методологических принципов, постулатов, а также большой набор разнообразных методов, правил и приемов, регламентирующих поочередные процедуры. Среди этих методов, например, классические: анализ, синтез, аналогия, моделирование, идеализация и т.д., которые соединяются, скажем, с методами изучения функционирования сложных систем с активным элементом - с экспертными методами. Важную роль в методиках выполняют также и такие приемы и процедуры как протоколирование, обработка данных, а также расчеты.

Еще одной важной общей чертой строения методик является их системная организация. Разнообразные методы в методических руководствах, например, игровых, систематически упорядочиваются, образуя целостные системы. Любая такая система представляет собой развернутую тактику игровых действий и выражается в соответствующих документах. Так, каждая игра имеет свой сценарий, который включает: правила игры, характеристику игровой организации, игровой материал, задания на проектирование, примеры лучших проектных решений, описание ролей, набор рекомендаций по стимулированию творческих усилий игроков, указания руководителю игры и многое другое (см. напр. Ю, 180-240).

Игровые методические системы могут быть отнесены к широкому классу искусственных систем (Перегудов, Тарасов, 1989: с.100). По степени сложности системной организации методики необходимо дифференцировать на более и менее сложные. Скажем, степень сложности игровых методик проектирования представляется более сложной в сравнении с методикой мозгового штурма (13, 8-30, 39-45).

Кроме характеристики системной организации методик, можно выделить еще и такую их важную характеристику, как степень общезначимости: любая методика выжмает ту

или вную заявку на общность. Иными словами, каждая из них конструируется в расчете на определенный диапазон действий; области применения разных методик могут быть шире или уже. Например, синектика является универсальной методической системой, а диапазон АРИЗ (Алгоритм Решения Изобретательских Задач) ограничен областью проектно-конструкторской деятельности (I, 50-280; I3, 45-49).

Среди важнейших общих характеристик методик необходимо отметить также и их конструктивность. Конструктивная направленность любой методики определяется ее направленностью на оптимизацию и рационализацию творческой деятельности. Конечная же цель любой методической системы — идеальный образ оптимизируемой и рационализируемой деятельности.

Наконец, необходимо остановиться и на такой важной характеристике методик как степень их регламентированности. В этом плане можно говорить о более и менее "жестких" методических системах. Например, деловые игры с элементами использования ЭВМ — "жесткие" регулятивные системы. Малоалгоритмизированные же методики относятся к разряду "мягких", "гибких" (см. напр. 22). Очевидно, чем выше степень регламентированности, "жесткости" той или иной методики, тем уже круг решаемых при ее посредстве проблем. Как представляется, создание "сверхжестких", полностью алгоритмизированных и одновременно эффективных методик для различных конкретных видов творческой деятельности — задача в принципе неразрешимая.

Конструирование таких методик невозможно ввиду того, что продуктивные (собственно творческие) и репродуктивные компоненты всегда находятся в единстве, сплавлены в любых процессах творческой деятельности, их можно отделить друг от друга только в абстракции. Именно в силу этого обстоятельства представляется невозможным создание эффективных "чистых" алгоритмов для управления творчеством. А вот удачно совместить алгоритмы (на основании выделения и упорядочивания репродуктивных

действий) и эвристик в методиках улавляется. Этим совпадением тем самым устанавливается соответствие между средством регуляции и реальной природой творческой деятельности. Путь к таким "глубоким" регулятивным системам представляет собой реализацию методического творчества: на беспорядочное нагромождение эвристических и императивных элементов, а особую их группировку, осуществленные композиции (7,146).

Таковы наиболее общие закономерности строения различных методик, включая методические системы, используемые в процессах регуляции инженерной деятельности. Приведенные выше соображения относительно их строения, думается, позволяют заключить, что все они имеют весьма сложную структуру. Теперь необходимо привести результаты углубленного методологического анализа ряда игровых методик инженерного проектирования - рассмотреть, что представляет собой структурные связи внутри каждого из основных разделов этих методик, а также более глубоко проанализировать их морфологические элементы.

Итак, методика представляет собой регулятивную систему, содержащая следующие элементы: стратегические элементы и тактические рецепты творческого поиска, а также утверждения философского плана о цели теоретического обоснования предлагаемых способов деятельности. Кроме того, анализ показывает, что в структуре методик есть еще и особые эвристические указания. Все эти элементы четырех типов, их отношения и связи в нашем понимании представляет многоуровневую иерархически организованную структуру методик как средств регуляции творческого поиска решений в области проектно-конструкторской деятельности.

Первый слой, или уровень четкие правила осуществления стереотипных, репродуктивных операций, неизбежных при любой творческой деятельности. Второй уровень - намеки, советы о том, в каких направлениях перспективно пробо-

вать искать продуктивные, собственно творческие идеи. Третий уровень -- общие представления об идеальном образе оптимизируемой деятельности коллектива инженеров и основных принципах ее игровой имитации и оптимизации. Четвертый -- не менее отчетливые философские представления методиста (методистов) о глубинных закономерностях и механизмах творческой деятельности. Воспользовавшись принципом восхождения от абстрактного к конкретному, опишем подробнее результаты проведенного методологического анализа игровых методик проектирования от четвертого уровня выделенных в них структурных элементов к первому.

Прежде всего следует подчеркнуть: именно на основе философских представлений методистов о возможности регуляции коллективной творческой деятельности, в методиках посредством синтеза осуществляется интеграция принципов и методов. Однако при этом метафизические установки представлены в их структурах наименее четко. Если в основаниях научной теории они выражены достаточно определенно, то в методиках -- наоборот. И это понятно, ведь продукты методического творчества имеют прежде всего инструментальное назначение -- регулировать осуществление творческой деятельности на уровне ее репродуктивных операций. В этом смысле методики подобны любым техническим средствам.

Вместе с тем, хотя методист и не стремится специально изложить в тексте свою философско-мировоззренческую позицию в отношении решения проблем творчества, она так или иначе находит выражение обычно в первом (концептуальном) разделе методик, а также в структуре и характере второго (рецептурного) раздела.

Обычно в преамбулах игровых методик обосновывается: необходимость обращения в данном виде творческой деятельности к игровому типу регулятивных средств, выбор целей игры, а также принципы, на основе которых осуществлена ее разработка. Кроме того, здесь же выражается общий замысел игрового поиска. При этом косвенно отмеча-

ются роль и место в культуре инженерного проектирования как методически регулируемой в известных пределах деятельности, идеал оптимизированной деятельности и т.д.

Так, во вводной части игровой методики может обосновываться необходимость системного подхода при решении проектно-конструкторских задач. Соответственно, данная установка на системное рассмотрение объектов находит свое выражение в структуре и содержании игры. В ее элементах выражаются идеалистические представления о целостности объектов мира, о соотношении системы и ее элементов, о взаимодействии системы со средой и т.п. (12, I-23).

Еще один пример - игра ЭКОРТ (Экономическая Сетка Корректировки и Обоснования Развязки Транспортного Узла). В ней отмечается, что проектирование транспортного узла - сложная многовариантная задача, и при освоении методов ее решения традиционно рассматривается поэтапное проектирование. Однако во вводной части методики подчеркивается, что более рационален комплексный подход, который позволяет получить реализация игровой методики. Она дает игрокам целостное представление о процессе проектирования транспортного узла. К тому же в игре через соревновательность обеспечивается повышенный интерес к получению конечного результата с наилучшими технико-экономическими показателями" (5, 260-261).

Таким образом, философско-мировоззренческий контекст методик обычно выражается в совокупности отдельных суждений и терминов, используемых методиком в тексте. Но особенно важно то, что авторские установки общеподлинного философского плана находят выражение в общем законе той или иной конкретной методики и, соответственно, целостной схеме ее строения.

Так, даже не очень углубляясь в рассмотрение массива разнообразных игровых методик, можно выделить два основных типа игр: "жесткие" компьютеризованные (в них участие человека сведено к фрагментарному подключению к

компьютерному поиску решений) и "гибкие" (в т.ч. человеко-машинные) методики. Данный факт, свидетельствующий о том, что в мировоззренческих контекстах различных игровых методик имеет место определенная общность, может быть объяснен родственными стилями научного мышления современной эпохи.

Представляется, что именно современные стили мышления определяют различия в воззрениях методистов-авторов регулятивов на природу игр, что и выражается в конечном итоге в разных представлениях об их сущности, структуре, методических правилах разработки и проведения. Например, американский исследователь Т. Нейлор усматривает в управленческих деловых играх прежде всего числовой эксперимент с моделью среды, лишь некоторые из параметров которой на определенном этапе выдаются игроками (13, 82). Иными словами, согласно подходу Нейлора, при конструировании игры участие человека предусматривается лишь на отдельных этапах принятия игровых решений, в остальном же главная роль должна отводиться ЭВМ.

Понимание под имитационной игрой жесткой модели той или иной сложной деятельности (научного поиска, проектирования, управления и т.п.) ведет к тому, что ее определяющими структурными элементами становится математическая структура имитируемой объективной системы (например, управления или проектирования) и соответствующая программа для ЭВМ. Вместе с тем при таком подходе столь важные элементы игровых методик, как игроки и игровые поды, остаются на втором плане. Сходных с Нейлором взглядов придерживаются и некоторые другие специалисты, например, венгерские авторы Чак и Позеш (4). Аналогичных взглядов, видимо, придерживается и Г. П. Щедровицкий. Но его мнению имитационные деловые игры можно рассматривать в качестве орудия для достижения определенных практически значимых целей (25, 173).

Думается, мировоззренческая позиция Т. Нейлора, Р. Дюка, Г. П. Щедровицкого, В. И. Маршова и др. авторов, возлагающих

надежды на игровое имитационное моделирование как на эффективные знаковые инструменты для разрешения проблем коммуникации, и достижения практических целей, сформировалась под влиянием популярных кибернетических идей. Согласно этим идеям решение коммуникационных проблем в сложных видах деятельности в современном информационном обществе может быть осуществлено лишь через создание систем искусственного интеллекта и программы к ним (5,74, 75; 18, 132).

Толкование многими авторами возможности оптимизации творческого процесса в "программистском" духе можно объяснить исключительно через "срабатывание" стереотипных мировоззренческих установок: человек и ЭВМ работают по алгоритмам, нет принципиальной разницы между машинным решением задач и мышлением человека и т.п. Думается, эти абсолютизированные представления сформировались благодаря успехам компьютеризации, АСУ, информатизации. Именно они обусловили соответствующий весьма распространенный с 60-х годов стиль мышления. Он выражается в том, что, например, управленческие и проектно-конструкторские достижения трактуются как необходимо связанные в основном со строгой формализацией и программированием коллективной творческой деятельности (см., напр. I).

Итак, отмеченный выше один из главных канонов мышления последних 30-ти лет - "программистский стиль" - находит воплощение при конструировании жестко формализованных имитационных моделей той или иной творческой деятельности. Такой подход, при котором игры конструируются как числовые эксперименты с моделью, предусматривающие лишь фрагментарное участие человека на отдельных этапах принятия решений, является ограниченным. Его слабость заключается в том, что при нем игнорируется другая и наиболее существенная сторона игр - действительная. Игры являются частным случаем не машинных, а человек-машинных имитационных моделей. В наиболее эффективных из них соединяются три класса методов: теоретичес-

ние, экспертные и экспериментальные. Поэтому корректное понимание игровых методов можно получить при рассмотрении их прежде всего как деятельности.

В отличие от отмеченного семиотического подхода, при котором деловые игры трактуются прежде всего как числовые эксперименты с моделью, многие авторы, в частности Осетрик Ч.Н., Сауриди Г.А., Соболев С.Ф., Шаранов В.Г. и др. рассматривают деловые игры прежде всего как имитирующую деятельность. На это указывают результаты методологического анализа, разработанных ими методик (см., например, 20, 2-6). Так, в игровой методике ЭККОРТ в процессе игрового совещания по существу имитируется заседание технического совета (9, 261). Иными словами, важнейшая мировоззренческая установка, достаточно четко выраженная в структурах "глубоких" игровых методик, состоит в том, что деловые игры эти авторы рассматривают прежде всего как имитационную деятельность, имитационно-деятельностные игры (ИДИ), а не как "жесткие", формализованные имитационные модели.

В "глубоких" (включая человеко-машинные) играх все создается сложная динамика коллективного творчества. В сценариях планируется "задействование" коллективов игроков, поисковые операции разворачиваются во времени, моделируется посредством правил игры множество ветвящихся процессов, проигрываются различные процедуры поиска решений. Все это облучает в конечном итоге выбор лучшего оптимального варианта.

Таким образом, для этих авторов, кроме идеи имитации, которая лежит в основе конструирования любых имитационных игр (как "жестких" машинных, так и "глубоких"), наиболее существенна еще одна идея - игровой деятельности. Эта идея несет особую мировоззренческую нагрузку, утверждая деятельность как видение методистами игровых процессов. У создателей "глубоких" игр принципы имитации и деятельности - две важнейшие мировоззренческие установки - неотде-

лимы друг от друга, органически сплетены. Согласно их представлениям, о которых свидетельствуют результаты методологического анализа, деловые игры рассматриваются как специфический вид человеческой деятельности, способный моделировать, имитировать, воссоздавать другие виды сложной человеческой деятельности, с целью их изучения и оптимизации.

Реализация деятельностной установки в "гибких" игровых методиках в отличие от "жестких" машинных игр, как представляется, имеет очевидную методологическую полезность. Эта установка ведёт к преодолению "программистской" ограниченности семантического подхода, при котором в процессе конструирования игры принимается или игнорируется человеко-деятельностный игровой аспект (например, игнорируется значение такого важного компонента любой деятельности, как эмоция).

Идея имитирующей деятельности (ключевая философская установка) в процессах конструирования игровых методик, как представляется, обуславливает все другие представления философского плана создателей "гибких" игр для проектирования. Последние, в свою очередь, обуславливают включение в структуры игровых методик различных наборов стратегических принципов, постулатов. Но о них речь пойдет ниже. А здесь отметим основные метафизические установки, выявленные в результате методологического анализа игровых методик проектирования.

Среди этих установок, отметим наиболее важные: 1) представление об объективных противоречиях (технических) как источнике инженерного творчества; 2) убежденность в возможности оптимизации взаимодействия субъекта творчества со средой; 3) идея эффективности эмоциональной тренировки специалистов в процессе игры; 4) представление о возможности создания условий в игре для выработки сугубо индивидуальных подходов в коллективном поиске; 5) идея активизации продуктивных актов за счет регламентации

репродуктивных процедур.

После рассмотрения основных метафизических установок методистов, выявленных в результате методологического анализа игровых методик, обратимся к другому слов морфологических элементов в их структуре — к стратегическим принципам (постулатам). Эти главные принципы формулируются на основе рассмотренных выше универсальных представлений методистов и обеспечивают в играх целостность и всеохватность имитирующей деятельности. При этом необходимо отметить важную особенность методического творчества. В процессе формирования стратегических постулатов используются не любые метафизические установки создателей игр, а лишь та их часть, которая может быть переформулирована на язык методического императива. Такой вывод может быть легко верифицирован посредством сопоставления рассмотренных выше основных мировоззренческих установок с выявленными постулатами, о которых речь идет ниже.

На основании выделения зависимости между этими инвариантными элементами, можно констатировать, что основной структуро-образующей связью первого раздела является связь между принципиальными мировоззренческими установками, которые могут иметь форму выражения, соответствующую предпосылочному знанию, и описанием стратегических постулатов. Эта связь детерминирует и структуру рецептурных разделов игровых методик.

Анализируя корреляцию философских, метафизических установок методистов и стратегических принципов, необходимо отметить, что нередко специалисты как бы недооценивают или не замечают этих элементов в структуре методик. Обычно первый раздел методик, в котором более или менее явно выражены суждения философского плана, а также их связь с принципиальными стратегическими соображениями по организации игрового поиска, рассматривается как второстепенный, вспомогательный. Второй же раздел в силу того, что речь в нем идет о конкретных рецептах,

тактических правилах, способствующих поиску новых технических решений, считается главным, основным.

Между тем, закладываемые в структуры методик стратегические принципы и выражаемые при этом некоторые соображения предварительного характера, которые выступают в роли предпосылочного знания и сами по себе не являются методическими предписаниями, составляют фундамент регулятивной системы: влияют на формирование общей цели и предмета всей игровой творческой деятельности. Таким образом, опосредованно, т.е. через цель и предмет, метафизические установки и стратегические принципы оказывают влияние на отработку тактических рекомендаций. Можно сказать, что они в такой же степени императивны для эвристических гипотез и технических правил, в какой последние императивны для всех поисковых процедур, которые ими предусматриваются.

Рассматривая сущность и строение различных методических средств, Г.Я. Буш подчеркивал особое место стратегических принципов в структуре методик. Сравнивая методы и методики он отмечал, что когда к определенному методу или нескольким методам присоединяют один или несколько принципов "применяемых в тех случаях, когда выполнение упорядоченных правил метода недостаточно эффективно или затруднено, метод превращается в методику" (З.10-14).

Среди основных стратегических принципов, закладываемых в игровые методики, можно отметить, например, принцип проблемности, делового общения, взаимодействия партнеров, обратной связи, сжатого масштаба времени, ролей, стимулирование игроков и т.д. Создатели ИДУ постулируют в качестве одного из основных требований организации игрового творчества поиска необходимость наличия участников игры (игроков) и имитации реальных связей между членами творческого коллектива. Игрокам отводятся следующие функции: анализ проблемы, формулирование задач, принятие решений в пределах компетенции соответствующих, имитируемых в игре, должностей (II;6,19). В форме связей между игроками вос-

создаются реальные должностные отношения (9,263).

В связи с этой особенностью строения игровых методик очевиден вывод: выявленный стратегический постулат и основополагающая установка методистов (идея деятельности имитации) находятся в корреляции между собой.

Второй среди выявленных постулатов игровых методик выражается в разделении коллектива игроков на соперничающие команды. Принцип соперничающих команд - универсальный элемент игровых методик (21,4).

При рассмотрении метафизических установок отмечалось, что методисты - создатели "гибких" методик - убеждены в возможности преодолеть посредством игры творческую разобщенность индивидов внутри коллектива, занятого проектированием. В соответствии с этими убеждениями в структуру игр вводится постулат: через реализацию правил игры и системы мотивации создаются уникальные условия, исключающие слепое сотрудничество главного специалиста, его заместителей, рядовых разработчиков и др. игроков. Обеспечивается методическая упорядоченность, планомерность их совместных действий в творческом поиске. В результате у всех специалистов коллектива формируются навыки профессионального взаимодействия и оптимизация должностных функций.^I

С отмеченным выше постулатом игровых методик связано постулирование необходимости игрового сценария, который представляет собой развернутую программу всей игры - деятельности. Эта программа фиксируется в соответствующих текстовых документах и включает в себя: план проведения игры, ее правила и характеристику игровой организации.

^I В ДИ ЭСКОРТ предусматривается, что игрок, не согласившийся с решениями, принимаемыми большинством группы, может на очередном заседании арбитражной комиссии поставить и мотивировать вопрос о переходе в другую проектную группу (см. 9,263).

Сценарий — необходимый компонент абсолютно всех имитационно-деятельностных игр.

Как показывает методологический анализ, имитационно-деятельностная установка методистов воплощается еще в одном (пятом) основополагающем принципе игровых методик. Речь идет о принципе расчленения игрового процесса на этапы и подэтапы. Например, в РИВС-1 начальный этап игрового поиска — инструктаж и изучение участниками требований и исходных данных. Затем, шаг за шагом реализуются другие блоки: выбор варианта, расчеты на ЭВМ, анализ результатов, принятие решения о продолжении игры, анализ и выбор вариантов и т.д. (24, II-14). Этапы (фрагменты) имеют самостоятельное содержание и свои частные цели.

Шестое стратегическое требование ИДИ предполагает, что игровой путь оптимизации процесса проектирования должен лежать через разрешение имитируемых в игре противоречий этого процесса. В своей методической деятельности все конструкторы ИДИ учитывают это необходимое требование. Что же касается творческой деятельности игроков, то она состоит в отыскании в процессе ее проведения проблемы и способов ее разрешения (2, 4).

За данным стратегическим принципом игровых методик легко усматривается мировоззренческий контекст — представления методистов о том, что источником всякой, а значит и игровой творческой деятельности является противоречие. Предполагается, что именно с постановки на этой основе проблемы и начинается творческий поиск (15, 99-106).

Еще один стратегический принцип предполагает необходимость "вживания" участников в роли, что обеспечивается встраиванием в игровую систему подсистемы стимулирования, или мотивов. Так, в ИДИ ЭСКОРТ предусмотрен комплекс поощрений и взысканий. Все они оцениваются баллами. В баллах оценивается и качество вариантов спроектированных развязок, а также качество рецензий, защиты и т.п. Причем, каждая из соперничающих проектных групп

самостоятельно ведет учет премиальных и штрафных баллов (9,261,271,272,273).

Среди других основных стратегических постулатов, выявленных в структурах игровых методик проектирования, отметим принцип скачков игрового времени (фрагменты игры планируются по времени), обязательность участия руководителя (организатора) в регуляции процесса игры, а также требование разбора результатов игры.

Итак, как было показано, фундаментальные философские установки методов находятся в корреляции со стратегическими принципами организации и осуществления игровой имитации коллективного проектирования, которых в рассмотренных методиках около десяти. Проведенный анализ данной группы методик позволяет представить их в виде ветвящегося дерева разных игр, имеющих, однако, общие корни (комплекс общих мировоззренческих установок в основе этих ИДИ) и ствол (набор инвариантных постулатов). Последние определяют в методиках общую стратегию ведения игрового творческого поиска.

Рассмотрение строения игровых методик проектирования позволяет выделить в них морфологические элементы еще одного типа. Речь идет о совокупности тактических рекомендаций, правил: четких, конкретных предписаний, как следует субъекту последовательно действовать на разных стадиях инженерного творческого поиска. Причем, как уже отмечалось, методологический анализ позволяет фиксировать эти элементы прежде всего; это наиболее явно выделенные элементы структуры методик.

Тактические, подробные рецепты включают в себя запреты и разрешения, которые необходимо соблюдать при выполнении множества рутинных, стереотипных операций, неизбежных в любой творческой деятельности (первичная обработка исходных данных, типовые расчеты, решение тривальных задач и т.п.).

Причем, необходимо подчеркнуть, сами эти операции

и действия когда-то были уникальными, в определенном творческом поиске совершались впервые, но затем, по мере развития творческой деятельности, стали привычными, стереотипными ее элементами. В порядке иллюстрации приведем пример из области художественного творчества. К. Станиславский, создавая методику ("систему") актерского творчества, опирался на все богатство своих наблюдений за сценическим мастерством великих актеров в Московском Художественном Театре. В результате был сформулирован ряд правил артистической техники. С 30-х годов на этих правилах воспитаны тысячи артистов. Данные методические правила в структуре "системы" в целом являются способом реализации главного методологического принципа, вывинутого Станиславским. Вызывать сопереживание зрителя посредством перевоплощения актера в образ на уровне "подсознательного вдохновения". Для этого актеру предлагаются соответствующие рекомендации, как "проживать" сомнения, искушения, эмоции своих героев; "создавать их на сцене"... правдивым, искренним чувством и истинной страстью артиста" (22, 189).

В качестве типичного примера сошлемся также на тактические правила популярной методики АРИЗ (Алгоритм Решения Изобретательских Задач) Альтшуллера (см. напр., 6, 7), а также на нормативную часть игровой методики ЭСКОРТ. Прежде всего отметим, что в этой игре подробно описываются роли участников. Их сущность сводится к имитации реальных функций специалистов. Скажем, руководит процессом игрового проектирования преподаватель, имитирующий действия председателя мэрии. Сам процесс проектирования осуществляют группы игроков, имитирующие деятельность проектных групп, в каждой из которых выбирается старший, руководитель проекта. Описание их ролей принимает форму должностных инструкций (9, 263-266). Далее в игре подробно оговаривается, например, уровень необходимого игрового материала (чертежные приборы и инструменты, калькуляторы и т. п.). Приводятся подробные блок-схемы основных игровых

период в. Каждый блок (а их всего 15) - это описание действий проектных групп с указанием времени, предусмотренного на выполнение этапа. Здесь оговаривается, например, очередность действий по фиксации проектных объектов, обращении к арбитру, обработке эскизных проектов и т.д.

В сценарии методики предусмотрены подробнейшие инструкции проектным группам. Здесь же регламентируются взаимоотношения между группами, а также между игроками и арбитражной комиссией (9,266-269). Кроме того, необходимо особо подчеркнуть, что поскольку игра - это живое коллективное творчество, направленное на реализацию общей для игроков цели, постольку особая ответственность возлагается на руководителя игры (в ЭСКОРТ это арбитр, "председатель мэрии"). В сценарии рассматриваемой игры содержится подробная инструкция руководителю, где по пунктам регламентируются все его действия, вплоть до подведения итогов.

Сказанное выше позволяет обозначить прежде всего два элемента в структуре регулятивных систем - методические (тактические) правила и стратегические постулаты (принципы), а также выявить философский контекст методики. Однако эти элементы, выражающие общетеоретическое обоснование, а также стратегию и тактику творческого поведения, являются необходимыми, но еще недостаточными признаками методик. Для того, чтобы регулятив был методикой, необходимо также, чтобы он включал в себя еще один структурный элемент. Л.В. Яценко называет этот элемент эвристическими гипотезами (7,80-82).

Остановимся на этом элементе подробнее. Методологический анализ показывает, сколь существенна его роль в методиках.

Выше было показано, что система методических правил направлена на оптимизацию отдельных репродуктивных операций инженерно-технической творческой деятельности. Что касается эвристических гипотез, то они, напротив,

нацелены на разрыв цепи привычных репродуктивных шагов и на стимуляцию усилий для совершения собственно творческих прорывов.

Дело в том, что методики не дают и не могут давать точных рецептов для появления в определенный момент творческого поиска собственно творческих ходов мысли. Однако в их структуре включаются предположения о возможности поиска на том или ином этапе таких ходов, нетривиальных мыслительных актов, при условии соблюдения ряда правил, регламентирующих осуществление репродуктивных, стереотипных операций.

Выражаются эвристические гипотезы (предложения о возможности поиска каких-то пока неизвестных собственно творческих актов, продуктивных действий) при посредстве особых предложений — "наводок", намеков. Эти наводки являются элементами содержания инструкций игрокам в сценариях игр. Например: "...20. На основании принятых по п.п. 17, 18 и 19 решений спроектируйте вертикальную планировку в пределах границ пересечения. Проектирование выполняйте эскизно..." (7, 268). Или: "... Этап 3. После осуществления вариантных проработок эскиз-идей и их детального анализа, выберите наиболее рациональный вариант архитектурного проекта" (12, 19).

Примером наиболее типичных эвристических ритмов, выявленных в структурах игровых методик проектирования, может служить и следующее допущение. При решении той или иной конструкторской задачи, рекомендуется путем последовательного сокращения количества вопросов, представляющих совокупность препятствий на пути к цели, путем их объединения и отбрасывания искать главный вопрос. Его формулирование способствует разрешению противоречия и выдвиганию технической идеи.

Приведенные выше характеристики выделенных элементов методик указывают на то, что методики, разработчики которых, разделяя убеждение о невозможности регламентации

всех операций (которые предстоит совершить участникам игры), не ставят перед собой задачи жестко запрограммировать все процедуры творческого поиска. Результаты анализа говорят о том, что они убеждены в необходимости не только исполнительности игроков, но и каких-то дополнительных усилий для достижения целей игры. Для активизации этих усилий авторы и встраивают в сценарии игр элементы стимулирования - эвристики, указывающие на желательность определенных тенденций развития поисковой деятельности. Таким образом, эвристические гипотезы - это фактически лишь "наводки", намьки, подсказки, предшествующие продуктивным актам и способствующие их появлению.

В составе любой игровой методики можно обнаружить ряд таких предположений о принципиальной возможности и желательности на том или ином этапе игры неизвестных продуктивных действий. Так, к примеру, в структуре рассмотренных игр реализуется предположение, что весь игровой процесс проектирования весьма плодотворно разбивать на основные этапы игры. Но и сами эти этапы, в свою очередь имеют смысл дробить на подэтапы, фрагменты, отдельные шаги. Предполагается, что такое дробление поиска способствует дозированию и, соответственно, концентрации творческих усилий при решении "подзадач". В конечном итоге это облегчает появление новых решений, оптимизирует процесс проектирования.

В сценариях правых методик предусматривается также, например, целесообразность обращения на разных этапах поиска к справочным таблицам, ГОСТам, каталогам и т.п. Но эти пожелания, заключенные в описаниях игр, не означают, что искомые решения придут автоматически. В методике делается лишь намек, что на каком-то этапе проектирования целесообразно совершить этот переход. При этом возможно появление творческих решений.

В игровых методиках содержится также важное предположение, что ожидаемые продуктивные действия могут

появиться благодаря такой важной особенности игр, как двуплановость. Имеется в виду то, что любая игра является одновременно и серьезной, и условной. Переживание этой двуплановости игроком связано с особой установкой в его психике: он может и верить (вживаться в роль, увлекаться игрой), и не верить в реальность разыгрываемого конфликта. Причем и то, и другое может способствовать генерированию продуктивных идей. С одной стороны, благодаря этой особенности становится возможным отстраненное наблюдение игрока за своими действиями и мыслями а также за ходом мыслей и действиями игроков-сотрудников, что весьма полезно в плане генерирования нового.

С другой стороны, эмпатия, вживание в образ, перевоплощение также способствует проявлению творческой активности. Скажем, в игре ЭСКОРТ на определенном этапе проектным группам при ознакомлении с рецензиями на их проектные решения и защитой своих идей рекомендуется сконцентрировать волевые усилия, аргументированно защищать, обсуждать с арбитрами эти решения и опротестовывать заключения арбитражной комиссии. После этого рекомендуется внести при необходимости коррективы в проекты (9,267). Иными словами, выдвигается гипотеза о необходимости активного переживания происходящего в игре, способствует генерированию плодотворных решений.

Проведенный методологический анализ группы игровых методик проектирования позволяет выявить структуру игровых методик (сложных систем регуляции), представляющую собой сложную иерархически упорядоченных морфологических элементов.

Данный анализ позволяет также установить, что эти методики базируются на общих стратегических постулатах (принципах), являющихся инвариантными ориентирами ведения игрового творческого поиска. Речь идет о принципах игровых связей, соперничающих команд, проблемности, этапности, временных скачков, конфликтности, мотивации и других.

Проведенный анализ выявляет и такие морфологические элементы методик (эвристические гипотезы и методические правила), которые свидетельствует о стремлении создателей методик воздействовать, с одной стороны, на продуктивные, а с другой - на репродуктивные компоненты поисковой деятельности.

Наконец, проведенный анализ позволяет зафиксировать определенную мировоззренческую и эвристическую общность, присущую большинству методик ИДИ. Их фундамент составляют мировоззренческие установки методистов, которые непосредственно связаны с набором стратегических принципов организации игрового поиска.

Литература

1. Альшуллер Г.С. Алгоритм изобретения. М., 1973. С.96.
2. Бельчиков Я.М., Бирштейн М.М. Деловые игры. Р., 1989. С.302.
3. Буш Г.А. Методологические проблемы творчества: Тезисы докладов. Р., 1983. Ч.1.
4. Вестник МГУ. Экономика, 1977. №2.
5. Випер Н. Творец и робот. М., 1966. С.100.
6. Дворонкин А.М., Половинкин А.И., Соболев А.Н. Методы синтеза технических решений. М., 1977. 87 с.
7. Дилевский П.С., Яценко Л.В. Регуляция творческой деятельности. Воронеж, 1986. С.210.
8. Еркин А.Г. Методика как средство научного познания: Автореферат диссертация. Л., 1985. С.16.
9. Игровые занятия в строительном вузе: Методы активного обучения. К., 1985. С.303.
10. Комаров В.Ф. Управленческие имитационные игры в АСУ. Новосибирск, 1979. С.256.
11. Лишниц А.Л. Деловые игры в управлении. Л., 1989. С.170.
12. Методические указания к проведению ДИ "РИТМ". К., 1982. С.16.

13. Грэм Р.Г., Грей К.Ф. Руководство по операционным играм. М., 1977. С. 375.
14. Никифоров В.Е., Качан В.Я. Методологические основы коллективной мыслительной деятельности: опыт, проблемы, перспективы: Обзор. Р., 1987. С. 59.
15. Никифоров В.Е. Проблемная ситуация и проблема: генезис, структура, функции. Р., 1988. С. 183.
16. Обвинников В.Г. Методология и методика в прикладном социологическом исследовании. Л., 1989. С. 134.
17. Половинкин А.И. Основы инженерного творчества. М., 1988. С. 358.
18. Растринин Л.А. Кибернетика и познание. Р., 1978. С. 142.
19. Роузен Ч.А. Машинные, действующие разумно/человеческие способности машин. М., 1971. С. 197.
20. Сауриди Г.А., Соболев С.Ф. Методические указания по выполнению деловой игры "Группа". Л., 1985. С. 12.
21. Сауриди Г.А. и др. Методические указания по выполнению деловой игры "КИТ". Л., 1985. С. 10.
22. Станиславский К.С. Собр. соч. М., 1959. Т. 5.
23. Христенко В.Б. Деловые игры в учебном процессе. Челябинск, 1983. С. 143.
24. Шарипов В.Г. и др. Деловая игра "Выбор варианта вычислительных средств в распределенной информационно-вычислительной системе" (РИВС-1). Л., 1985. С. 21.
25. Шедровицкий Г.П. Организационно-деятельностные игры/ Методы исследования, диагностики и развития международных трудовых коллективов. М., 1983. С. 190.

Rezumējums

Rakstā stāstīts par inženieru projektēšanas jaunāko spēļu metodikas metodoloģisko analīzi. Tās rezultāti: 1) metodiku raksturojumā noteikti filozofiski pamatojumi (pamatprincipi); 2) parādīti galvenie stratēģiskie principi spēļu meklēšanas darbībā; 3) parādītas taktiskās likumsakarības, kā arī heuristiskās hipotēzes. Izskatīto metodisko līdzekļu invariantais saturs var tikt izmantots pie konkrēto metožu vispārējās teorijas izstrādāšanas.

Annotation

The article deals with the problem of methodological analysis of methodical programs of other kinds of creative work (on the example of The Game Methods for Engineering). The main results are the following: 1) some 5 game methodical programs have been analysed; 2) the structures and morphological elements of these programs have been exhibited.

Intuīcija klīniskā diagnostikā

Gan mūsdienu gnozeoloģijas, gan zinātnes metodoloģijas, gan arī psiholoģijas sasniegumi liecina par to, ka katra cilvēka domāšana ne vienmēr var būt salikta formāli loģiskās struktūrās. Pēc akadēmiķa P.K. Anohina uzskatiem, cilvēce ķeras pie formāli loģiskās domāšanas tikai avārijas kārtībā, bet visos pārējos gadījumos notiek citādi. Vismaz tikai no formālās loģikas pozīcijām, neņemot vērā intuitīvo komponentu, nav iespējams izskaidrot pāreju no nezināma uz zināmo, lai arī klīniskās diagnostikas procesā tādai pārejai diskrētā laikā piemīt nejausības raksturs.

Klīniskā praksē ne vienmēr ir iespējama strikti formāli loģiskā faktu analīze, jo joprojām diagnosticēts ir spiests izmantot mēģinājumu un kļūdu metodes, kuras sen jau netiek izmantotas precīzās zinātnēs. Vēl 1960. gadā M. Bunge rakstīja: "Dabīgo parādību intuitīvā interpretācija bez testu un teoriju izmantošanas ievēd kļūdās, tāpēc tā ir pieskaitāma pie pirmszinātnes darbības formām" (1,6). Tāpēc, piemēram, tehniskā diagnostiskā domāšana pārsvārā notiek diskursīvi loģiskā veidā, bet intuitīviem komponentiem nav izšķirošas nozīmes.

Uzstverama kategorizācija ar jebkuru konceptu nevar būt reducēta uz loģisko dedukciju, un tāpēc rodas jautājums, kādā veidā formējas spontānie spriedumi, kuri veic primāro kategorizāciju. Lai atbildētu uz šo jautājumu, nepieciešams pievērst uzmanību intuitīvas domāšanas problēmai. Gan izziņa, gan noteikšana nav iespējamas bez pašapziņas - ideālo fenomenu atziņas un to attiecināšanas pie personīgā EĒ. Šis process arī nevar būt reducēts uz loģisko rezultātu.

Diagnosticētos uzdevumos pastāv pretruma starp to, ka,

no vienas puses, tiem piemīt pilnīgi noteikts un objektīvs nosacījums, un to, ka zināmu grūtību līmenī tie stājas priekšā kā uzdevumi ar nenoteikto nosacījumu. Šo nenoteiktību nav iespējams atrisināt bez heuristiskiem paņēmieniem, bet pēdējie nav iespējami bez intuitīvas domāšanas.

Vēsturiski izveidojās dažādas intuīcijas izpratnes. Termina "intuīcija" etimoloģiskais seturs maksimāli pietuvina to pie nepastarpinātas jutekliskās priekšmeta izziņas stadijas (piemēram, Džakomo Patricija neoplatoniskā filozofijā). Cita intuīcijas izpratne pastāv Kūzas Nikolajam, Džordano Bruno. Viņi izprot intuīciju kā kaut kādu "iekšējo apgaismošanu", kad vissarežģītākās patiesības tiek izziņātas kaut kādā "pārlicinošā izjūtā", un tad intuīcija veidojas kā izziņas jeb atziņas galaposts. Tāda intuīcijas izpratne to padara par miklāno un neracionālo.

Dekarta izpratnē intuīcija ir norobežota no jutekliskiem apgūvumiem. Tas nozīmē, ka intuīcijas princips atzīst par patiesu tikai to, kas tiek atzīts par skaidrību un acīmredzamību un neatstāj nekādas šaubas domāšanas objekta saturā. Bet intuīcijas intelektuālā izpratne ir saistīta ne vien ar to norobežošanu no jutekliskā, bet gan arī ar to, ka intuīcijas rezultāti var kalpot par izejas punktu jebkura garuma dedukcijas ķēdei.

Ja mūsu garīgā skatiena priekšā parādās akrocianoze, mēs ne vien to apdomājam (kategorizējam uztveram) ar koncepta "akrocianoze" palīdzību, bet arī redzam šo akrocianozi. Te ir tas nepastarpinātības moments intuitīvā domāšanā. Intuitīvais slēdziens par akrocianozes esamību klīniskās ainas sastāvā var kalpot par pamatu sekojošām loģiskām operācijām.

Izprotot intuīciju kā intelektuālo, tiek turēta prātā, ka tā izbeidz savu pastāvēšanu, ja to nevar izvārst nīkamos dedukcijas posmos, kuri demonstrē intuitīva spon-

tāna sprieduma auglīgumu, tas ir - saturisko intuīciju.

Intuīcijā, kā to izprot Bergsons, pastāv "iedzīlīnāšana objektā", bet pati intuīcija tiek izprasta kā "intelektuālā simpātija", kas dod iespēju "pārceļties objekta iekšpusē, lai aplūstu kopā ar to, kas tam ir unikāls". Klīnisko diagnostiku tāda izpratne interesē ar tās intersubjektivitāti. Šī intersubjektivitāte ir sevišķi svarīga klīniskā psihiatrijā, tāpēc ka tur sevišķu nozīmi iegūst tā saucamās "iekšējās klīniskās ainas" interpretācija. Pēdējā eksistē tikai pacienta "redzamībā", un tā nevar būt nofiksēta ar jebkādiem aparātiem. Protams, ka "iekšējās klīniskās ainas" izpratne neatbrīvo ārstu no tās konceptualizācijas.

Bergsona tradīcijas atzišana nozīmē arī gan apstiprinošas, gan "negatīvas", gan "noraidošas" intuīcijas dabas atzišanu. Te ir runa nevis par intuīcijas intelektuālītātes noliegšanu, bet gan par to, ka intuitīvais slēdziens bieži satur negatīvo apgalvojumu, piemēram, "te nav tās patoloģijas". Tieši uz negatīvu darbību tiek pamatota meklēšanas lauka sašaurināšana, kura piemīt heuristiskiem procesiem, kad domāšana iegūst ciklisko raksturu, un domāšanas kustība notiek apkārt uzdevuma loģiskam sirdenim.

Līdz mūsdienām literatūrā, veltītā klīniskā diagnostiskā procesa gnoseoloģiskiem aspektiem, intuīcija netika uzskatīta par līdztiesīgo klīniskās domāšanas komponentu. Tāpēc klīniskā domāšana netika izskatīta diskursīvi loģisko un intuitīvo komponentu vienotībā, bet pamatā uzmanība tika veltīta diagnozei tuvināšanas loģiskās struktūras konstruēšanai pēc stadiju principa. Kaut arī pats ārsta intuīcijas eksistēšanas fakts un to saistība ar pietiekamo klīnisko pieredzi nevienam no pētniekiem neradīja šaubas, tomēr vairāki autori uzskatīja intuīciju par patrinātas, notiekošas semavziņas līmeni, loģiskās domāšanas rezultātu (5,238), intuitīvo slē-

dzienu nosauca par neapzināto, ātro dedukciju (6, 182). Tātad, tika novērota tikai skaitliskā atšķirība. Publikācijās par intuīciju klīniskā diagnostikā var labākā gadījumā atrast intuīcijas izpratni kā palīgpašmienu atziņā, kas prasa arī praktisko pārbaudi (6, 65-88). Tātad, starp diskursīvi loģisko un intuitīvo tiek apgalvota veseluma un daļes attiecība. Nosakot intuīcijai šādu vietu domāšanā, ir ļoti problemātiski izprast attiecības starp kategorisko un loģisko struktūru kā attiecības starp saturisko un formālo diagnostiskā procesā. Tad arī paliek bez atbildes jautājums par domāšanas kategoriskās struktūras izcelsmes un attīstības mehānismu, jo kategorizējot uztveramo ar jebkura koncepta palīdzību, tieši šā koncepta izvēle intuīcijai pieder svarīga loma, sevišķi pie klīniskās ainas veseluma un iekšējo kopsakaru uztveršanas.

Intuitīvas domāšanas problēma saistīta ar kopattiecības starp jūtiskisko un racionālo problēmu kā atziņā, tā arī noteikšanā. Tās kopattiecības ir daudzveidīgas, bet lai izdalītu tās, kuras var kalpot par intuitīvas domāšanas "darbības vietām" klīniskā diagnostikā, ir lietderīgi atzīmēt sekojošus kognitīvus procesus.

1. Sensori perceptīvais process, saistīts ar atziņas tēla veidošanu sajūtu iedarbībā. Šis process ir nepieciešams diagnozes empīriskās bāzes veidošanai, bet attiecībā ar diskursīvi loģisko jeb intuitīvo tas ir pilnīgi neitrāls.

2. Asociatīvais process, kad notiek pāreja no vieniem atziņas tēliem uz citiem. Šis process pastāv pie slimības klīniskās ainas salīdzināšanas ar klīniski diagnostiskiem modeļiem. Bet tas neizsmēlas tikai ar tēlu salīdzināšanu. Te ir iespējama intuitīva domāšana, jo diagnostisko modeļu (slimību koptēlu), ar kuriem ir jāsalīdzina klīniskā aina kā koptēls, skaita ierobežošana ne vienmēr var būt formāli loģiski izskaidrojama. Intuitīvas domā-

šanas rezultātā tāpēc var spontāni izveidoties dažāda rakstura koptēlu asociācijas.

3. Pāreja no atziņas tēliem uz konceptiem. Uztverama kategorizācija ar jebkuru koncepta palīdzību notiek tieši šeit. Pie šīs pārejas, kura nevar būt uzdots viennozīmīgi, ir iespējama jauno konceptu, jēdzienu veidošana, kā arī zināmo meklēšana un atrašana; tas nosaka intuīcijas konceptualitāti un intencionalitāti.

4. Pāreja no konceptiem uz atziņas tēliem. Pilnīgi zināma koncepta jeb jēdziena asociācija ar vēl nežināmo atziņas tēlu vai pat ar psihisko fenomenu pastāv zinātniskā un mākslinieciskā radošā darbā. Bet klīniskai diagnostikai ir lietderīga koncepta asociācija ar jebkuras priekšmetu situācijas juteklisko priekšstatu. Praktiski visas priekšmetiskās situācijas, kuras rodas klīniskā praksē, ir jutekliski iedomājamas, un tas izskaidro ne tikai konceptuālo, bet arī juteklisko intuīcijas raksturu klīniskā diagnostikā.

5. Pāreja no vieniem jēdzieniem (konceptiem) uz citiem jēdzieniem (konceptiem). Tā notiek pēc formulas loģikas noteikumiem, un kopumā tai nav sakara ar intuīciju, kaut arī katrs atsevišķs jēdziens (koncepts) loģiskā ķēdē var būt sasniegts intuitīvā ceļā.

Otrā, trešā un ceturrtā tipa procesi netiek apzināti (tiek apzināti tikai to rezultāti), bet tie pakļaujas atzīpai tāpēc, ka kopumā šo procesu mehārismi balstās uz atziņas darbības likumsakarībām. Šīs darbība morfoloģisko substrātu veido iedzimtie jeb izstrādātie asociatīvie sakari starp smadzeņu piramidālām šūnām. Neviena nespina savus gremošanas procesus, bet tas nenozīmē, ka gremošanu nevar pētīt.

Dabā nekad nevarētu parādīties jaunas sugas, ja tur nedarbotos ģenētiskās mutācijas, kuras noved līdz dažādām organisma ģenotipa izmaiņām. Jauno dabas sugu veidošana nav iespējama pie viena un tā paša ģenotipa. Tā paša ie-

mesai dēļ jaunā zināšanu iegūšana nav iespējama bez domas mutācijas, jo ne vienmēr ir iespējams diskursīvi loģiskā ceļā iegūt jaunas zināšanas, izmantojot tikai esošās.

Apziņas mutācija ir jūzprot kā lēcieni no jutekliski iedomājama plāksnes jutekliski neiedomājama plāksnē vai otrādi. Ar tāda lēciena palīdzību mūsu doma var veikt apkārtmanevru garām šķērslim, kas aizsprosto ceļu jaunām zināšanām (3). Pāreja no vienas plāksnes uz otru dod iespēju iegūt tādas rezultātus, kuri nav iespējami pie kustības vienā un tai pašā plāksnē. Tādas pārejas rezultātā var rasties principiāli jaunas idejas, kuras nav izveidamas diskursīvā ceļā no jau eksistējošām zināšanām. Šodien var konstatēt, ka jutekliski nevar veidot priekšstatu tikai par tādām parādībām, kurām teorētiskais apraksts iziet ārpus Eiklīda ģeometrijas un vienmērīga laika koncepcijas, bet tas neattiecas uz klīnisko diagnostiku, jo tai nav nekādas darišanas ar tādām parādībām.

Pieļaujot zināmu specifiskas vienkāršošanu, bet ar mērķi izdalīt galveno, var uzrādīt divus intuitīvas domāšanas avotus: iekšsubjektīvo un ārpussubjektīvo.

Cilvēka smadzenēs, neskaitot apzinātos procesus, notiek vēl kaut kas, ko nevar nosaukt par apziņas saturu, bet kas zināmā mērā noseka šo saturu (4). Domāšanas kategorialās struktūras veidošanā piedalās starposmi, kuri ir paslēpti no apziņas. D.N. Uznadze nosauca šos posmus par nostādņēm. Intuitīvos procesus nostādnes spēlē domu dzinēju lomu, tās virza domas no noteiktiem jutekliskiem tāliem uz jēdzieniem jeb otrādi. Nostādnes ieslēgšanai pietiek divu elementāro nosacījumu: subjekta pieprasījuma un pieprasījuma apmierināšanas situācijas.

Nostādne, piemērota klīniskam diagnostiskam procesam, - tas ir tas pats klīniski diagnostiskais modelis, bet pagaidu neapzinātā formā. Dažādiem klīniskiem diagnostiskiem modeļiem diskrētā laikā ir dažāda apzināšanās pakāpe, bet

tomēr, neatkarīgi no subjekta gribas un apzināšanas pakāpes, tā modeli var piedalīties diagnostiskajā procesā vienlīdzīgi ar apzinātiem.

Kliniskā domāšana, vērsta uz slimības klīniskās ainas izpratni, ir priekšmetiska un tāpēc intencionāla. Intencija tiek piešķirta psihiskiem fenomeniem, kuri iekļauti diagnostiskā procesā kā apziņas tēli, kas kalpo par informācijas avotu par priekšmetu (slimību, patoloģiju). Ārpus domāšanas apziņas tēli (slimību klīniskās ainas) degradējas līdz psihisko fenomenu līmenim.

Diagnostiskā deklarācija ir apgalvojums par tēla priekšmetiskā saturs atbilstību tai; apgalvojums par to, ka dotā priekšmetiskā situācija atrodas noteiktā eksistēšanas sfērā. Intencionalitāte diagnostikā veidojas kā trīsposmu sistēma, kura aptver trīs elementus: apziņas tēlu, kas satur slimības klīniskās ainas aprakstu; intencijas priekšmetu (pašu slimību) un intencionālo priekšmetu (pašas slimības reprezentants nozoloģiskās vienības klīniski diagnostiskā modeļa veidā). Intencionālais priekšmets orientē intenci uz intencijas priekšmetu un ir līdzīgs kanālam, caur kuru tēla saturs plūst uz intencijas priekšmetu. Kad visi šie trīs elementi atbilst savstarpēji tā, kā atbilst atslēga slēdzenī, tad arī notiek klīniskās ainas izpratne, kuru, kā redzams, nav iespējams reducēt uz priekšmetiskās situācijas atspoguļošanu.

Kliniskā diagnostikā intencijas priekšmeti ir reālie priekšmeti, un to eksistence slimniekam var tikt sadalīta patiesā, iespējamā un neiespējamā. Bet klīniski diagnostiskam modelim kā intencionālam priekšmetam nepiemīt ne reālā, ne iedomāta eksistence, tā kalpo tikai kā instruments, lai radītu priekšstatu par priekšmetisko situāciju (slimībām); lai padarītu slimības par pieejamām mūsu apziņai. Mēs varam domāt par slimību, nevis par tās klīniski diagnostisko modeli, kaut arī bez paša modeļa tas nav iespējams. Tiesa gan, pats klīniski diagnostiskais

modelis var kļūt par apziņas tēla intencijas priekšmetu, piemēram, spriedumu par to. Bet tad tas pārstāj eksistēt kā intencionālais priekšmets un kļūst par nostādni, tas ir, par reālo ideālo priekšmetu.

Intuīcijas iekšsubjektīvā avota pētišana noved pie tā, ka intuīciju ir jāizprot ne vienkārši kā paštrinātu zināšanu iegūšanas procesu, bet gan kā apziņas tēla neapzinātu attiecināšanu uz priekšmetisko situāciju. Šī attiecināšana kļūst iespējama tikai tad, ja subjektam ir tādas jeb citas nostādnes izmeklēšanas momentā. Intuīva slēdziena pozitīvitāte jeb negativitāte ir saistīta ar to, ka apziņas tēls var būt attiecināts uz priekšmetisko situāciju, bet var arī būt neattiecināts, ja priekšmetiskā situācija dotā sfērā nevar eksistēt.

Intuīcijas ārsubjektīvo avotu pārstāv tā objektīvās realitātes daļa, kuru veido kairinātāji, kuri ir apakšsliekšņi, salīdzinot tos ar apzinātu uztveršanu. 1940.-50. gados psīhofizioloģiskie pētījumi pierādīja, ka nosacītie refleksi var tikt izstrādāti, izmantojot kā apzinātus, tā arī neapzinātus kairinātājus. Tas ļauj iespēju attiecīgi reaģēt uz neapzināto, bet tomēr ārpus subjekta reāli eksistējošo situāciju.

Gan nostādnes, gan reflektorie apziņas mutācijas mehānismi netiek apzināti, un tāpēc diagnostisko izmeklējumu rezultāti var likties neizskaidrojami pat pašam subjektam diagnostem.

Objekta diagnostisko izmeklējumu gaitā simptomu meklēšanas lauks, ja "uzdevuma nosacījumi nav precīzi" (netipiskā jeb neizteiktā kliniskā aina, neiespējamība veikt simptoma atklāšanu pēc humāniem iemesliem), t. ek noteiktus heuristiski, un tad intuīcijas loma ir sevišķi liela. Tas nozīmē, ka sākumā vispārējā plānā tiek izvirzīti priekšlikumi un hipotēzes par meklēšanas lauku, bet tālāk notiek pakāpeniska risinājumu precizēšana ar vispārēju un privāto hipotēžu hierarhijas palīdzību.

Subjektīva nenoteiktība uzdevuma datu novērtēšanā var regulēt risinājumu meklēšanu intuitīvā līmenī, bet momentā, kad notiek tās nenoteiktības apzināšana, sākas diskursīva, loģiski kontrolējama darbība.

Tālainie un verbālie domāšanas komponenti atļauj nepastarpināti operēt ar diagnostiska uzdevuma semantiku - uzdevuma objektu reālām savstarpējām attiecībām. Tas arī dod negaidīta risinājuma efektu, un sakarā ar to, ka situācija nav pietiekami izmeklēta - arī nejaušības efektu.

Intuitīvais risinājums nenozīmē neapzinātu visu loģisko variantu pārskati, tas ir, visu kliniski diagnostisko modeļu pārskati. Neapzināti notiek tuvu variantu izvēle no noteikta lauka ar abstrakciju no tāliem variantiem. Uz "sufliera" lomu variantu izvēle var pretendēt kā pilnīgi formālais uzdevuma elements (piemēram, pietiekami izteikts simptoms), tā arī jebkura psihiskais fenomens, saistīts ar iepriekšējas diagnostiskās darbības neapzinātu pieredzi.

Loģiskam faktoram kā uzdevuma elementam intuitīvā tīklā un diskursīvi loģiskā ķēdē (kokā) ir atšķirīgas nozīmes.

Diskursīvi loģiskā ķēdē (kokā) visi loģiskie posmi savā starpā ir saistīti ar loģiskās secības sakariem un nepieciešamības darbību vienā virzienā. Brīvības pakāpju skaits te ir minimāls un ierobežots.

Intuitīvā tīklā loģiskais faktors ir saistīts ar psihiskiem fenomeniem. Tālu un jēdzienu degradācija līdz psihiskiem fenomeniem var būt pagaidu. Loģiskais faktors var aktivizēt psihisko fenomenu - dot tiem intenci un tādā veidā atgriezt tos domāšanas procesā.

Protams, ka intuitīvā tīklā loģiskais faktors var būt saistīts ne vien ar psihiskiem fenomeniem, bet arī ar tādiem attīstītiem loģiskiem faktoriem kā spriedums jeb pat slēdziens. Bet intuitīvais tīkls kardināli at-

Šķiras no diskursīvi loģiskās ķēdes ar to, ka starp tā elementiem nepastāv loģiskās secības attiecības, bet pastāv tikai asociatīvie sakari ar nenoteikto brīvības pakāpi.

Diagnostiskā procesā operēšana ar uzdevuma semantiku nozīmē operēšanu ar simptoma diagnostisko nozīmību.

Sakarā ar to, ka simptomu nozīmība ir objektīva un nav atkarīga ne no subjekta, ne no tā, kādā veidā simptoms jeb tā nozīmība tiks vai netiks apzīmēta, ne no medicīnas kopumā, tam nevar būt piemēroti valodas vai citu zīmju tradicionālās semiotikas postulāti.

Simptoma semantiskā nozīmība ir primāra attiecīgi uz tā iespējamu apzīmēšanu ar jebkuru zīmi un izpausmi diagnosta apziņā. Dzīvā ārstnieciskā diagnostikā šī zīme ir vārds, bet skaitļojamo mašīnu diagnostikā tas ir matemātiskais kods.

Attiecības starp simptomiem un slimībām eksistē pašas par sevi un nepastarpināti, bet starp to apzīmējumiem - ar adresāta interpretatora palīdzību un starpniecību. Starp slimību un tās simptomiem, kā arī simptomu starpā pastāv patoģenētiskie cēloņu sēku sakari, bet ja tādu sakaru nav, var runāt par simptomu kopeksistēšanu. Slimības klīniskā ainā nav sintaktisko sakaru, jo tādi nepastāv dabē. Simptoma nozīmība attiecīgi uz to izraisīto slimību ir viena. Citu simptomu atklāšana šo nozīmību nemaina, bet tikai papildina slimības klīnisko ainu.

Simptoma semantiskajai nozīmībai ir divi aspekti. Pirmais aspekts ir saistīts ar to, ka simptoms var tikt kategorizēts ar jebkuru konceptu ne tikai kategorijas "parādība" laukā, bet arī "cēlonis sekas" kategoriju laukā. Piemēram, kategorizējot uztveramo simptomu ar koncepta "veidā kambara hipertrofija" palīdzību kā parādību, ārsts turpmāk var kategorizēt hipertrofijas simptomu attīstības mehānismu kategoriju "sekas cēlonis"

laukā ar dažādu konceptu palīdzību: "arteriālā hipertensija", "aortas atveres stenoze", "mitrālā vārstuļa nepietiekamība" un ar citiem, atkarībā no tā, kādi simptomi vēl tiks atrasti. Intuīcija kā operēšana ar uzdevuma semantiku te nozīmē izvēlēties vienu no minētiem konceptiem.

Otrais nozīmības aspekts ir saistīts ar to, ka katrs klīniski diagnostiskais modelis satur zināšanas par "pilnu" klīnisko ainu, kura pastāv ne vienmēr. Un tas nozīmā, ka viena simptoma atklāšana viennozīmīgi uzcēra kaut kādas slimības esamību, bet cita simptoma atklāšana tādas garantijas nedod. Intuīcija kā operēšana ar uzdevuma semantiku šeit nozīmē atklāta simptoma diagnostiskā "svara" novērtēšanu pēc varbūtības principiem un citu simptomu meklēšanas regulēšanu.

Tātad, no operacionālā viedokļa intuīcija nozīmē risinājuma stratēģijas un hipotēžu ģenerēšanas komponentu, kas atšķiras ar augstu brīvības pakāpi un ir spējīgs apvienot semantiskās un loģiskās pazīmes nestandarta risinājumos (sk.: 2,38).

Intuitīvas domāšanas rezultātiem ir jāiziet tāds pats praktiskais pamatojums kā pie diskursīvi loģiskās domāšanas. Jādoma, ka strikti intuitīva domāšana ir tikpat neregulāra, kā strikti diskursīvi loģiskā. Acīmredzamība un vispārēja formālās loģikas noteikumu pieejamība vēl negarantē to vispārējo izpratni. Bet izpratne nav iespējama bez intuitīvā komponenta ieslēgšanas. Pat tad, kad klīniskā aina ir pietiekami spilgti izteikta un kad ārsts attiecīgo klīniski diagnostisko modeli zina pietiekami labi, ir lietderīgi atcerēties Dekarta šaubu tradīciju.

Literatura

1. Бунге М. Интуиция и наука. М., 1967.
2. Гурова Л. Л. К вопросу оперирования семантической задачи / Интуиция и семантика в решении задач. Воронеж, 1979.
3. Кармин А. С. Интуиция и ее механизмы / Проблемы методологии науки и научного познания / Под ред. В. А. Штофа и А. М. Мостепаненко. Л., Изд. Ленинградского университета, 1977. С. 44-64.
4. Надирашвили Ш. А. Закономерности формирования и действия установок различных уровней / Бессознательное. Тбилиси: Ганатлеба, 1978. Т. I. С. III-120.
5. Попов А. С., Кондратьев В. П. Очерки методологии клинического мышления. Л.: Медицина, 1972.
6. Тарасов К. Е., Велеков В. К., Фролова А. И. Логика и семантика диагноза. М.: Медицина, 1969.

Резюме

Статья посвящена проблеме интуиции в клинической диагностике. Всякая диагностическая задача имеет вполне определенное и объективное условие. Вместе с тем при достижении определенного уровня сложности эта задача предстает перед субъектом как задача с неопредельно заданным условием. Автор понимает интуитивные процессы как единство чувственного и рационального, что дает возможность проследить за связями между категоризацией и концептуализацией в диагностическом процессе.

Summary

This article is devoted to intuitive activity of subject's thought. The necessity of intuitive thought during the solution of diagnostic problems is caused by contradiction in the diagnostic situation between the fact that from the one hand - every diagnostic problem has definite and objective data, but from the other hand by achieving the certain level of complication and difficulty the diagnostic problem seems to have an indefinite content. The author understands the intuition as both sensitive and intellectual process and he stresses these cognitive components in which the intuition may take part.

Ожидаемое и неожиданное в творческом процессе

Блажен, кто вырваться на свет
Надеется из лжи окружной.
В том, что известно, пользы нет,
Одно неизвестное нужно.
Гете. "Фауст"

Любой творческий акт отталкивается от чего-то известного и претендует на достижение нового результата. При этом нередко получается нечто третье, а иногда обнаруживаются явления совершенно неожиданные, которые выпадают из данного проблемного поля, существующих парадигм, тезаурусов и т.п. (по словам поэта: "Ищешь Индию — найдешь Америку"). Это ситуация серендипности.

Субъект творчества имеет определенный уровень притязаний, который формулируется явно или существует в виде внутренней креативной установки. Замолы могут быть глобальными (иронически говорят о "наполеоновских планах") или локальными, аморфными или вполне конкретными, рассчитанными на перспективу или на решение "здесь/теперь". В ходе исследования уровень притязаний может существенно или даже радикально меняться. Известно, что Макс Планк занимался теорией излучения, а в результате переосмысления интересованней его проблемы выдвинул гипотезу квантования энергии (1900 г.), которая положила начало квантовой физике. Н.И. Лобачевский, предпринимая попытку доказать теорему с параллельных, пришел к выводу о необходимости переформулировать ее в виде аксиомы о параллельных (изменение математического статуса) и на этой основе разработал новую, неевклидову геометрию.

История науки знает примеры, когда отрицательный результат ключевых экспериментов приводил к новым "принципам

запрета", которые требовали коренной перестройки всей картины мира. Таковы спыты Майкельсона — Морли, в результате которых пришлось отказаться от концепции "мирового эфира" как абсолютной системы отсчета. Свообразным негативным экспериментом явились многочисленные попытки построить "вечный двигатель". Их неудача стала важным аргументом в обосновании закона сохранения энергии. Дискредитация старых парадигм требовала переоценки ценностей и формулировки новых принципов.

Однако радикальные сдвиги в науке и искусстве не сразу получали признание. "Драма идей" и "драма людей" нередко принимали острей и затяжные формы. Импрессионизм как новый стиль художественного мышления утвердился в общественном сознании лишь спустя семьдесят лет после своего возникновения. Для сравнения напомним, что теорию относительности признали через пять лет после опубликования первых работ ее основоположников. Научные и художественные идеи обладают большой инерционностью (длина "свободного пробега"), которая может усиливаться вненаучными и внехудожественными факторами.

Пионерские, принципиально новые последования часто опережали свое время, а потому встречали непонимание и равнодушие. Так было и с корпускулярной генетикой Г. Менделя, которая позднее была открыта заново. Если обратиться к истокам математики (развитие теоретико-групповых представлений), то мы увидим, что в начале текущего столетия ведущие специалисты мира оценили теорию групп как не имеющую перспектив ни в структуре математического знания, ни в прикладных областях. Однако эти прогнозы оказались несостоятельными. Теоретико-групповые методы сейчас широко используются в самых различных науках — от квантовой механики до теории автоматов, от кристаллографии до социальной антропологии.

Коллизия "ожидаемого" и "несжданного" просматривается и в оценке выдающихся технических проектов. Интересно в связи с этим обратиться к истории сооружения Эйфелевой

башни в Париже. При обсуждении проекта резко отрицательно высказались против постройки "этой бесполезной и чудовищной башни" композитор Шарль Гуно, писатели Александр Дюма, Гю де Мопассан и другие видные деятели французской культуры. Прошли времена. Башня Эйфеля стала символом Парижа, памятником высокой технической культуры XIX века. Несомненно и несурзное стало привычным и поэтичным.

Поль Дирак, один из основоположников современной физики, говорил, что к новым научным идеям надо привыкнуть. Это касается любых видов творчества. Нужны не только доказательства (логика), расчеты, проверки (практика), но и период социокультурной адаптации, привыкания (психология). В целом это многопараметрический ассимилятивный цикл, когда новации поглощаются субъектом (индивид, коллектив, общество) на всех уровнях сознания. "Сущее не делится на разум без остатка", — говорил Гете. Не делится на разум без остатка (рациональное мышление, логический дискурс) и психоментальный ресурс человека.

Новые парадигмы, фундаментальные теории, принципы не сразу раскрывают свой внутренний потенциал. Некоторое время, будучи уже сформулированными, они остаются как бы "вещами в себе". Их скрытый ресурс плотно упакован; информация остается связанной, имплицитной. Один пример. Уравнения тяготения А.Эйнштейна (общая теория относительности) содержат в себе решение, отвечающее модели расширяющейся (осциллирующей) Вселенной. Это решение было найдено российским ученым А.А.Фридманом, причем сам А.Эйнштейн не сразу оценил значение полученных результатов /13, 194/. Модель Фридмана положила начало современной эволюционной космологии.

Смена парадигм в развитии науки — это формирование альтернативных языков как способов представления знаний (исходные понятия, концептуальные структуры, критерии рациональности). В истории искусства этому соответствуют новые способы художественной реконструкции мира, новые образительные и выразительные средства. Характеризуя

развитие научного знания, Нильс Бор писал: "...Всякое новое знание является нам в оболочке старых понятий, приспособленной для объяснения прежнего опыта... Во многих областях знания научные исследования время от времени приводят к необходимости отбросить или заново сформировать точки зрения, которые ранее считались обязательными для всякого разумного объяснения в силу своей плодотворности и казавшейся неограниченной применимости" /2, 95-96/. Квантово-механические явления не отлучились; скажем, парадигме классического детерминизма. Для своего адекватного описания они требовали иных принципов, таких, как соотношение неопределенностей (Э.Гейзенберг), принцип дополнительности (Н.Бор), принцип Паули. Потребовалось несколько десятилетий для того, чтобы "дополнительность" в смысле Бора получила всеобщее признание как один из фундаментальных принципов современного научного мышления.

Фундаментально (или непродоказуемо) меняется сама логика мышления. Два высказывания, противоречащие друг другу в ситуации "здесь-и-теперь" (волновые свойства корпускулярные свойства), с более общих позиций оказываются оба истинными (комплементарность указанных свойств). В современной физике обнаруживается ограниченная применимость обычных идеализаций. "...Это те проблемы, с которыми уже столкнулись такие мыслители, как Будда и Лао Цзы, когда пытались согласовать наше положение как зрителей и как действующих лиц в великой драме существования" /2, 35/. Этот неклассический психоментальный синдром нашел отражение в поэтическом творчестве. "Я зритель, актер и автор" (Поль Элюар). "Я и салонник, я же и шеток" (О.Мандельштам).

Квантовые идеи все шире внедряются в астрофизику. Принцип дополнительности приобретает космологический смысл. "Тот, кто думает о себе просто как о наблюдателе, оказывается участником. В некотором странном смысле это является участием в создании Вселенной" /14, 546/. Каждый акт наблюдения, т.е. вхождения в физический универсум, носит в общем контексте случайный характер. Так высказывается

частьна мира, которую называет "статистикой наблюдателей". Кажется, что мир был сотворен дважды: первый раз "по Ньютону", а второй "по Нильсону Борю".

Творческое мышление, в каких бы специальных формах оно ни проявлялось, базируется на некоторых универсальных принципах, присущих человеческому интеллекту, а в конечном счете (если идти от познания к бытию) самой природе. В этом смысле можно говорить об онтологии творчества, хотя творческие акты в собственном понимании свойственны только человеку. Креативную природу — онтологически и гносеологически — имеют комбинаторные принципы, ситуация выбора (селекции), случайный поиск, стохастика, оптимизация, системный подход, генерация и редукция разнообразия, эмерджентность, технологичность, выживаемость, когерентность, эквивалентность и т.п. Многие из этих подходов и принципов еще не осознаются как носители творческого потенциала и требуют в этом аспекте специальных исследований.

Возьмем комбинаторику. Она лежит в основе любого "атомизма" как структурного принципа и включает в себя в общем случае три процедуры. Это (а) квантификация исходного субстрата (элементарные частицы, атомы, тактовые деления, модули, фонемы, лексемы, понятия, символы); (б) отбор элементов, выбор, селекция в соответствии с некоторыми требованиями; (в) комбинаторные операции в собственном смысле, монтаж элементов в зависимости от целевых функций, задач синтеза, конструирования целостностей, которые подвергаются отбору в новых контекстах как "орги" (организмы). В процессе отбора складываются оптимальные структуры, которые адаптируются к метаосредной "экологии" и в определенной части формируют ее.

Монтажный принцип вышел на авансцену в искусстве начала XX столетия /10, 5/. "Искусство есть прием" (В. Шкловский). Монтаж как особый творческий прием заявил о себе первоначально в киноискусстве. Он органически вошел в общий фонд структурального мышления. Теперь полностью проявляется природа монтажа как универсального комбинаторного

принципа, обладающего неисчерпаемым эвристическим ресурсом и высокой технологичностью.

Можно сказать, что творческий процесс как "агрессивный" поиск устремляется на экстремали — в пограничные области, где соприкасаются и переходят друг в друга логика и абсурд, клише и ересь, рациональное и иррациональное, сознательное и бессознательное, вербализованное и невербализованное, упорядоченное и хаотичное, вероятное и невероятное, ожидаемое и неосмысленное, определенное и неопределенное, канонизированное и альтернативное, традиционное и авангардистское, реалистичное и утопичное и т.п.

Функции бессознательного в творческих актах весьма многообразны. Одна из них состоит в деавтоматизация мышления. Человек так или иначе стремится к автоматизации своих функций — мыслительных, речевых, поведенческих; точнее, эти автоматизмы складываются объективно. Томас Манн говорил "Есть хорошо откатанные колеса мыслей, колеса, из которых не выберешься, если уж ты туда угодишь; существуют привычно-устойчивые сочетания понятий, сочлененных друг с другом как звенья одной цепи... Так уж устроено, что человек думает по преимуществу готовыми формулами..." /8, 626/. Стереотипы необходимы для оптимизации жизнедеятельности, но творческие акты возможны только при условии преодоления различных клише.

Коллизии ожидаемого и нежданного зарождаются в подсознании, в структурах интуитивного мышления, где можно выделить два модуля — интуицию "подтверждения" и интуицию "опровержения". Модуль "подтверждения" выполняет функцию стабилизирующего отбора (негэнтропийное начало), а модуль "опровержения" — функцию ведущего отбора, где на первый план выступает мутагенез (энтропийное начало). Органическая эволюция, как известно, обязана ошибкам считывания в механизмах матричного синтеза. Нечто аналогичное имеет место и в ментальных творческих процессах. Субъект преодолевает тяготение к сложившимся паттернам и стремится выйти в "горячих точках" в зону неизвестного, логически

непредсказуемого, где возможен свободный полет воображения. Мутагенез играет роль генератора случая. Применительно к стохастике мыслительных процессов П.Э.Симонов, известный специалист в области физиологии высшей нервной деятельности, говорит о "психическом мутагенезе".

Человеческий интеллект работает в режиме турбулентности — в интервале между ритмом и аритмией. Это состояние можно назвать "естественным" и "неестественным" одновременно. Я.Я.Рогинский, известный антрополог, пишет: "Человеческая мысль аритмична по своей сущности. Отвечая на новые, неожиданные и непредвиденные изменения в окружающей среде, решая иногда в течение кратчайшего промежутка времени новые задачи, человеческий интеллект по самому назначению не может длительно обладать своим собственным ритмом и должен постоянно быть готовым к его нарушению и отмене. Но эта аритмическая деятельность составляет резкий контраст с большей частью функций организма, подчиняющихся строгим ритмам, будь то деятельность сердца, дыхание, ходьба или чередование бодрствования и сна. Своих величайших успехов человеческий интеллект достигает посредством тягостных, "срывных ситуаций", которые он сам принуждает создавать. Но вполне естественно, что человек стремится при любой возможности снова вернуться в общий ритм природы, не прекращая работы своего сознания" /II, 26/. Проблема "ожиданного" и "неожиданного" начинается здесь.

Сфера бессознательного — это универсальный банк данных, хранилище исторического опыта человечества, закодированного в виде архетипических структур — символов, образов, эпистемических схем и т.п. Еще Гегель говорил, что в бессознательных тайниках человеческого духа сохраняется мир бесконечно многих образов и представлений без наличия их в сознании ("Философия духа"). В определенном смысле можно сказать, что человек всегда носит с собой всю свою историю (эпигенез) и древнейшие отпечатки истории человечества (биогенез).

Диалог с подсознанием — это "спуск в основания"

(Гегель). Другое измерение творческих интенций ведет нас по горизонтали — к маргинальным областям и "периферии", где проходят эбкие границы "бытия" и "небытия": границы "нормальных" и "сумасшедших" (Н. Бор) идей, возможного и невозможного, предсказуемого и непредсказуемого, границы литературы и не-литературы, искусства и не-искусства.

Так возник, скажем, совсем не абсурдный "театр абсурда". Вообще современный театр все больше сдвигается в своих творческих интенциях на грань искусства — туда, где он сопрягается с другими сферами сознания и бытия, такими, как философия, наука, психотехника, спорт и т.п. нечто подобное уже наблюдалось в истории театра 20-х годов нашего столетия.

Своеобразным антиподом "бессознательного" является область "напсознательного", которая за последнее время привлекла внимание исследователей /16, 184/. Сфера напсознательного включает в себя регулятивные механизмы, функционирующие в индивидуальном научном творчестве в качестве неосознаваемого фактора. Это прежде всего категориальная матрица, т.е. система базисных понятий (методологический императив), определяющая парадигмальный статус данной теории, модели и т.п. Категориальный синтез охватывает существующие на данном этапе представления о пространстве, времени, причинности, логической структуре теории и т.д.

Парадигмальные принципы закрепляются научным сообществом в явном виде и канонизируются. В пределах данной парадигмы, казалось бы, ничего неожиданного на уровне исходных установок не должно быть. Однако парадигмальное членение научного знания в историческом плане отнюдь не является "поступательным". Парадигмы как бы вкладываются друг на друга. Скажем, классический детерминизм, который противопоставлялся вероятностным подходам, вдруг обнаружил свою хаотичность: ожидаемое обернулось полной неожиданностью. Речь идет о работах синергетического цикла. В проведении синергетических систем (для них характерны неравновесные и нелинейные процессы) обнаруживаются осо-

бные устойчивые состояния, которые получили название аттракторов. Настоящей сенсацией было открытие странных аттракторов, демонстрирующих хаотическое поведение обычных детерминистических систем ньютоновского типа. Этот хаос никак не связан ни со сложностью самой системы, ни со случайными ее возмущениями. Здесь новая реальность и новая теория - стохастическая динамика, или динамическая стохастичность, т.е. некий концептуальный кентавр, если смотреть на подоснову ситуацию с точки зрения "частот", эталонных парадигм.

История "странных аттракторов" такова. А. Пуанкаре впервые показал, что хаотическое движение может появиться в некоторых механических системах, эволюционирующих во времени. Позднее метеоролог-теоретик Э. Лоренц обнаружил (1963), что даже простая система из трех нелинейных дифференциальных уравнений первого порядка приводит к совершенно хаотическим траекториям. Дело в том, что поведение системы определяется начальными условиями, которые не можно задать лишь с конечной точностью, а ошибки экспоненциально нарастают. "Лоренц назвал эту чувствительность к начальным условиям эффектом бабочки, так как решение его уравнений (приближенно описывающих также потоки воздуха в атмосфере Земли, т.е. задачу предсказания погоды) может изменить знак крыльев бабочки. Похоже, что иногда это подтверждается последним опытом" /15, 14/. Событие встает - и вздрогнет вся вселенная. Считалось: бабочка просто летает по законам механики (аэродинамики). Оказалось: бабочка порождает нечто несравнимое - "детерминированный хаос".

Итак, динамическая система чутко реагирует на изменение начальных условий. Царство же законов, по Гегелю, это спокойное отражение существующего мира. Но тут мы имеем нечто прямо противоположное. Законы как бы взрываются. Природа отказывается работать по принципу бесконечной повторяемости. Итеративный процесс может непредсказуемо оборваться, и тогда начал гитлеровский безудержный экстремализм приобретает конец. Гегель характеризует Кн. когда-то весьма

дискредитированный.

Синергетика дает урок человеческому мышлению вообще, которое на аналогиях, подобиях, симметриях, интерполяциях, экстраполяциях, постулатах линейности, гомогенности, нормативности, очевидности, логичности и т.п. Все указанные допущения оправдывают себя только в относительно простых ситуациях, на определенных уровнях оценок и ожиданий. В запасниках исследовательской мысли должны быть альтернативы, где все наоборот или по-другому, в каком-то новом, "еретическом" измерении.

Сама природа не дает никогда окончательных результатов, вполне совершенных произведений. "Законы природы, — писал Г. Вейль, — не определяют единственным образом тот мир, который действительно существует..." /5,57/. Все события, неисчерпаемо разнообразные и непредсказуемые в своей конкретности, развертываются на той матрице, которую составляют фундаментальные законы природы и общие принципы детерминизма. Это ресурс всех творческих процессов, как бы широко (эволюционный потенциал материи) или специфично (творческие интенции человека) мы их не понимали.

Творческие акты, которые по отношению к определенному уровню реализованных возможностей имеют характер опережающего отражения /12,2/, можно рассматривать как поиск и заполнение своеобразных "экологических ниш", экзистенциальный статус которых (право на существование) не противоречит фундаментальной матрице. Известно выражение Гегеля: "Существуют случайные вещи — я и мир". Никакие феномены — естественные или техногенные — не могут возникнуть как альтернатива базисным законам природы. Биопоэз (возникновение жизни) и антропогенез не противоречат, скажем, второму началу термодинамики, согласно которому энтропия как мера хаотичности возрастает во всех реальных процессах при условии замкнутости систем, — живые системы имеют открытый, поточный характер. (Системы, связанные с жизнью, более организованы, чем окружающая их среда). Событийный

мид, область конкретного формотворчества отвечают принципам стохастики. При наличии массовых однородных событий предсказательные функции формализованы математически в рамках того или иного распределения вероятности. Явления индивидуальные, уникальные, масштабно творческие непредсказуемы по своей модальности (переход от классической механики к квантовой, кварковые модели в физике элементарных частиц), по сути вымышленны и, конечно, по исполнителю новой "драмы идей".

Однако номологическая матрица является стабильной лишь в определенном диапазоне физических (или иных) условий, т.е. "от сих до сих", как говорили раньше, или в своем "интервальной" бытии, как пишут сейчас. Космология и астрофизика (коллапс, "черные дыры") ставят под вопрос существование всех известных законов сохранения и самих основ современного физического мышления. Как пишет Дж. Уиллер, подводя итоги своим космологическим анализам, "безграничная изменчивость является главным свойством физики" /14, 545/. Вселенная удивительно эфемерна. "Тогда мы не имеем другого выбора, кроме как принять хаос за основу всего" /14, 545/. Сдвиг в сознании - к архаической космологии в духе Геслода. Эсхатология физического миропонимания. Но никакой "аннигиляции" тут нет. В то же время не работает здесь и принцип соответствия, на который возлагались большие надежды в связи с проблемой единства научного знания. Это нечто иное - синдром "смыслоутрат". В экстремальных областях мироздания все известные физические законы теряют смысл - вот и все. Номологическая матрица размывается, свертывается, уходит в песок, т.е. в хаотический космический субстрат. Такой поворот событий вводит "наблюдателей" за пределы "неожиданного", где все же связано с "ожидаемым" какими-то, пусть и очень тонкими, нитями.

Непредсказуемы не только глубинные сдвиги в области научных идей, но и пути развития искусства и литературы.

На теряя связи с художественным опытом человечества, новые творения заполняют виртуальные, еще не освоенные ниши. Г. Башляр пишет: "Значительное художественное произведение... пробуждает утраченные образы. И в то же время оно санкционирует непредсказуемость слова" /1, 118/. Понятно, что мысль, выходящая за пределы философии, относится не только к "язычной словесности". Непредсказуемость слова или живописной палитры, музыкальной ткани или архитектурных решений — установка общая. Ломка художественных парадигм имеет, конечно, свои детерминанты — социокультурные, психологические, личностные. Интуитивные находки принимают форму сознательных интенций. Винсент Ван Гог писал брату Тео: "От природы я сохраняю определенную последовательность и определенную точность в размещении тонов... Однако меня мало интересует, точно ли такой же у меня цвет, как в природе... Общая гармония тона в природе теряется из-за мелочного, буквального копирования ее; сохраняется же она путем воссоздания параллельной цветовой гаммы... Надо исходить из своей палитры, своего понимания гармонии красок — это нечто совсем другое..." /4, 257/. Гармония природы тут "прочитана" по-своему — через призму новой живописной палитры, которая далеко не сразу была понята и принята.

Непредсказуема и судьба того, что уже создано. В каких исторических и социокультурных контекстах будут прочитаны современные творения, какие возникнут при этом резонансы и ренессансы (по И. М. Бахтину, который говорил о "ренессансности символов")?

Общечеловеческие императивы и ценности имеют архетипическую основу. Чем глубже становящиеся ретроспективы, тем неожиданнее "археологические" находки. Если науке нужны "безумные идеи", то искусство не могло обойтись без того, чтобы не создать "безумных образов" — будет ли это "Дон Кихот" Сервантеса, "Король Лир" Шекспира или "Террик" Циклассо.

Благородный рыцарь из Ламанчи живет в экзотическом мире, где встроены в один ряд эмпирия и вымысел, литературные образы и реальные события, идеалы и грубая действительность. Это прямой возврат к предковым формам смыслообразования. "Дон Кихот расходитя с современностью в понимании того, как связаны, как соотносятся идея и вещь, слово и предмет, субъект и объект, сознание и бытие... Для Дон Кихота не существует расщепления на эти два ряда, нет самого отщепления, а есть непосредственная, тождественная, несомпеленная, безотносительная реальность" /З.З/. Герой "работает" на категориальной ошибке. План сознания и план бытия образуют единый текст. Образ Дон Кихота - это актуальный миф. "Непредоказуемость" рыцаря из Ламанчи оказывается репликой архетипических форм. Это прием глубинного отстранения в искусстве. Восоме: "Не существует совершенной красоты, которая не содеракала бы в себе некоторую долю странности" (Э.Бекон).

То же и в науке, где открываются и конструируются "дикие" объекты, где говорит о "неизбежности все более странного мира". Наука в этом плане приобретает как бы черты "мифологичности" - становится мало осизмеримой со здравым смыслом, трудно соотносимой с макроскопическим опытом, наглядностью и т.п. Теряется логический контроль даже над обычной и привычной арифметикой (теорема Гёделя).

Междисциплинарное мышление, характерное для современной науки, по своей природе метафорично, поскольку мы сводим вместе существенно различные языки описания (концептуальный "консенсус"). Говорят, например, о компьютерной метафоре, имея в виду моделирование работы мозга кибернетическими средствами. Но метафора архетипическа (по своему происхождению) есть сакральный миф /З.З, II/. Значит, интегративные тенденции ведут к усилению эрзама "мифологичности", формирующегося вокруг современной науки. Подобная метафоризация весьма эвристична, но она имеет такую же реплику репликаментского плена.

Х. Лежи-Стросс ставил рядом в структурном плане миф и музыку /7,25/. Лингвистические объекты сейчас используются в эвристических целях как эталон сложности. Таким эталоном могут служить и произведения искусства как "языки" в широком их понимании. Здесь будет много неожиданного, но повисится также и индекс ожидаемого. Будут явлены новые соответствия, аналогии, морфизмы.

Французский композитор Пьер Булез, размышляя о странностях творческого процесса, выразил его противоречивую сущность (если дать резюме) формулой: "Неизбежность непредсказуемого" /6,30/. Это своеобразный девиз, которому отвечают и творческие интенции человека, и креативные потенции природы, заложенные в ее эволюционных механизмах. "Одно неизвестное нужно". Но путь к нему латек. Надо одедать непредсказуемое неизбежным. Возникает громадная избыточность идей и гипотез, проектов и проектов, методов и методик, рецептов и эвристик, проб и ошибок. Все это становится "экологией" для результативных творческих импульсов и в то же время эволюционным ресурсом. Ищите и обращайтесь!

Литература

1. Башляр Г. Прелиминарии к книге "Поэтика пространства" / Вспр. Филос. - 1987, № 5.
2. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание / Пер. с англ. М.: ИЛ, 1961.
3. Бочаров С. Г. О художественных играх. М.: Сир. Россия, 1985.
4. Ван Гог В. Письма / Пер. с голланд. - М.: Искусство, 1966.
5. Веиль Г. Симметрия / Пер. с англ. - М.: Наука, 1968.
6. Каотлер Т. Возникновение биологической организации / Пер. с англ. М.: Мир, 1967.
7. Лежи-Стросс К. Из книги "Антропичные" / Семантика и искусствоведение: Сб. переводов. - М.: Мир, 1972.
8. Манн Т. Иосиф и его братья / Пер. с нем. М.: Худ. лит.-ра, 1968. Т. I.

9. Марков В. А. Феномен случайности. Р.: Зинатне, 1988.
10. Монтаж: Литература, искусство, театр, кино. М.: Наука, 1988.
11. Рогинский Я. Я. Об истоках возникновения искусства. М.: Изд-во Моск. ун.-та, 1962.
12. Рунин Б. М. Творческий процесс в эволюционном аспекте // Природа, 1971, №9.
13. Тропи Э. А., Френкель В. Я., Чернин А. Д. Александр Александрович Фридман. М.: Наука, 1986.
14. Уилер Дж. Квант и Вселенная // Астрофизика, кванты и теория относительности / Пер. с итал. М.: Мир, 1982.
15. Пуостер Г. Детерминированный хаос / Пер. с англ. М.: Мир, 1986.
16. Ярошевский М. Г. Сеченев и мировая психологическая мысль. М.: Наука, 1981.

Rezümējums

Tiek izskatīti jautājumi, kas saistīti ar zinātnisko paradigmu un mākslinieciskās domāšanas principu "laušanu", - tādi kā jaunrades domāšanas ontogenēze, inerce, kritiķa, nepareģotā neizbēgamība, jaunrades ontoloģija, papildinājuma pasaulizpratnes struktūra u. c. Īpašu interesi rada "savādu atraktoru" (strange attractor) uveidība, uz kā pamata mēs varam runāt par paradigmu superprecīziju kā "determinētu haosu".

Три парадокса целеполагания

Проблема целеполагания относится к числу наиболее фундаментальных философско-эпистемологических проблем, имеющих солидную историко-философскую традицию. Вместе с тем данная проблема всегда имела важное практически-прикладное значение в анализе вопросов научного познания, социального и личностного бытия. Нередко даже сама постановка проблемы целеполагания порождает и отражает парадоксальные ситуации, требующие внимательного эпистемологического анализа.

I. Парадокс первый: сначала и потом

Этот парадокс можно сформулировать так: строить дом и легче, и проще, чем потом жить в этом построенном доме. Предвкушение будущего оказывается приятнее, интереснее самого этого будущего, которое всегда когда-нибудь становится настоящим. Не потому, что строить было легко. Строительство — это движение, это путь к ясно видимой, конкретно осязаемой цели. Конкретность цели придает остроту, ее осязаемость не дает свернуть в сторону и заблудиться.

Но это только кажется, что можно построить дом и потом "просто жить" в нем. Все мы живем в нами же создаваемом мире значений и смыслов. Что же делать в построенном доме? Как привести "безумье будничного смысла" к объединяющему началу, как это было, когда дом только строился?

На какое-то время от вопроса "как жить дальше?" можно уйти. Но откладывание этого вопроса на завтра не только с каждым днем уменьшает вероятность ответа, но и ставит под сомнение целесообразность постановки самого вопроса. Психологи объясняют это невозможностью решать одну задачу на оптимальном уровне задачи короткой и длинной дистанций, реализации далеких и близких целей. Достижение на высоком уровне одних происходит обычно за счет других. В

этом противоречии, в путях его разрешения - и причина личностного прогресса, и источник личностной деградации.

Не то, чтобы будни, повседневность губят нас, но они нас в какой-то мере обезбожествляют. Строительство - это, так сказать, смысл в чистом виде, он на поверхности - в буднях его отыскать куда труднее. Потому что будни не так "чисты", не так жестко сфокусированы на конкретную цель. Пока дом строится, он сам по себе выступает в качестве хотя и промежуточной, но все-таки вполне осязаемой цели. Поэтому вполне объяснимо, по крайней мере психологически, что увлеченный промежуточной целью не то чтобы забывает конечную, это ее как бы постоянно отодвигает, а потому не может видеть промежуточные цели и в качестве средства для главных целей. Отсюда и романтизация промежуточной цели, и растерянность, когда эта цель реализована и надо что-то делать дальше.

В художественных произведениях Достоевского содержится немало интересных размышлений об "инстинктивном страхе" человека перед целью как некоторой окончательностью, завершенностью "создаваемого знания". "Почем бы знаете, - размышляет главный герой "Записок из подполья", - мечтает быть, он создание-то любит только издали, а отнюдь не вблизи; мечтает быть, он только любит созидать его, а не жить в нем... Мечтает быть, подобно шахматному игроку, любит только один процесс достижения цели, а не самую цель". И дальше: "Достижения он любит, а достигнуть уж и не совсем, и это, конечно, ужасно смешно".

Нравственно-философские аспекты соотношения цели и средства фокусируются в двух предельных вариантах:

1) цель всегда оправдывает средства; 2) цель никогда не оправдывает средств. Проблема здесь лежит между "всегда" и "никогда". Если цель и оправдывает средства, то далеко не все, а лишь те, которые не изменяют природе самой цели. Значит, верно и другое: если средства изменяют природу цели, то эти средства уже нельзя считать средствами дан-

ной цели, эти средства в действительности принадлежат уже другой цели. Казалось бы, в условном образе строящегося дома происходила незаметная для нас самих трансформация средства в цель. Но в действительности происходила трансформация самой цели. Происходило то, что можно было бы назвать "усушкой цели". Как и всякая усушка, она идет постепенно и потому становится очевидной лишь в конечном результате.

Результат же этот — подмена цели. Лишь задним числом мы понимаем, что же все-таки произошло. Оказывается, средство "изменило" той цели, для которой мы ее предназначили, и работало на другую цель. Оно не превратилось в цель, но оно стало средством другой цели. Произошла и н о ж л я ц я цели. Произошла незаметная и постепенная идеализация промежуточных целей и столь же постепенное личностное снижение уровня первоначальных главных целей.

То, что мы называем "подменной целью", тоже имеет определенные психологические основания. Не потому ли мы откладываем главное "на потом", что, кроме всего прочего, чувствуем большие предстоящие трудности, и боимся этих трудностей, и отдаем их от себя (не отрицая в принципе!), и уговариваем себя, что это — завтра. А пока я буду делать то, что совершенно необходимо для этого завтра, все сегодняшнее — не главное, но пока я займусь им. Мое сегодняшнее — это только средство для главного завтрашнего. Только средство... Канадский ученый Гале Селье описал интересный тип ученого, названный им "усовершенствователем". Ученый этого типа постоянно пытается улучшить аппаратуру и методы исследования, настолько увлекался их усовершенствованием, что руки у него так и не доходят до применения достигнутого им по назначению (6,36).

Нам кажется, что время будет идти, а мы, наши мысли и планы будут оставаться тем же, что и сегодня. Что если сегодня мы хотим чего-то, не на время (только на время, не навсегда!) откладываем, то мы будем хотеть этого и завтра.

Делг здесь не в том, что сил будет мало и даже не только в том, что силы могут уйти не на то. Впрочем, и эти обстоятельства немаловажны. Как отмечает психолог П. Б. Симонов, потребностям познания, по мере взросления человека, все чаще приходится конкурировать с витальными и другими, не относящимися к духовным, потребностями (7, 74).

Главное же видится в том, что реализация определенных целей не может не трансформировать, очень постепенно и незаметно, наши ценностные установки. Что бы мы ни делали, мы постоянно становимся другими, нас постоянно формирует или переформирует именно то, что мы делаем сегодня, реализуя сегодняшние цели. Все это обязательно сыграет свою роль, может быть, и главную роль, в отношении того, что мы станем делать и какие цели ставить завтра. В этом смысле ничего не проходит.

2. Параллельно второй: новый мир и новый человек

Нетрудно заметить, что упомянутая закономерность имеет не только личностный, но и социально-исторический смысл. Речь идет об идее строительства нового мира как чего-то такого, что можно сначала построить, а потом жить с ним.

Трагическая ошибка истории? Но история не ошибается, ошибаются люди. Трагическая ошибка одного человека, решившегося на неожиданный социальный эксперимент? Но ошибки подобного масштаба так или иначе "программируются" объективным ходом истории - мировой, региональной, государственной, национальной. В этом смысле "все действительно разучено", как писал почти двести лет назад Гегель.

Как известно, данная проблема имеет давние традиции в истории социальной философии. "Перестройте систему социальных отношений, и вы получите нового человека" - говорили одни. И были по-своему правы: человек является продуктом вполне определенной социальной среды, и в этом смысле

человека действительно создают реальные обстоятельства его реальной жизни. "Совершенствуйте себя как личность, и общество преобразуется" - говорили другие. И были не менее правы: новое общество предполагает наличие нового человека, и не завтра, а сегодня. Если же формирование нового человека отложить на завтра, то как минимум "на завтра" придется отложить и строительство нового мира.

Зполне очевидно, что ход мысли по формуле "сначала - потом" в данном случае представляет собой своеобразный логический капкан. Французские материалисты XVIII века исходили из предпосылки о возможности изменения социальной среды как обычного, наряду с другими, условия жизни человека. Но преобразование природы и преобразование общественных отношений - это качественно различные формы взаимодействия человека с миром. Потому что социальная среда, в отличие от природной, это одновременно и объект преобразования, и сами преобразователи.

Такова суть социального бытия: не мир вне человека, а мир человека. Видимо, здесь и надо искать источник социальных иллюзий и разнообразных утопических планов по поводу коренного общественного переустройства. Казалось очень просто и ясно, что сначала следует создать человеку условия для его свободного и всестороннего развития, а уже потом - "развивать" самого человека. Но кто же создаст эти условия? Оказывалось, что некому, кроме того же человека, но не "нового", а пока еще "старого". Но ведь "старый" человек и общество будет преобразовывать по своим, "старым" принципам? Казалось, выхода из этого порочного круга нет.

Между прочим, одним из первых на это обстоятельство обратил внимание Маркс в 1845 году. Критически оценивая точку зрения традиционного материализма насчет того, что люди суть продукт обстоятельств и воспитания, Маркс резонно замечает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан (4,2).

Как бы продолжая эти размышления, Достоевский ставит вопрос следующим образом: отыскать, открыть новые правила для жизни — это очень важно, но это ли главное? Смогут ли люди воспринять эти правила, смогут ли не только заучить, но и жить по этим правилам? Именно здесь, считает Достоевский, главная проблема, а вовсе не в отыскании правил, пусть и самых лучших. Из "Дневника писателя" за 1877 год: "Да ведь об этот идеал и возможен был, то с недоделанными людьми не осуществились бы никакие правила, даже самые очевидные" (2,47).

Между прочим, здесь Достоевский, никогда себя диалектиком не называвший, демонстрирует великолепные образцы именно диалектического видения проблемы. На той же странице читаем: "Осмыслить и прочувствовать можно дамы и репы и разом, но сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека. Тут дисциплина. Вот эту-то неустанную дисциплину над собой и отвергают иные наши современные мыслители... Мало того: мыслители провозглашают общие законы, то есть такие правила, что все вдруг сделаются счастливыми, безо всякой выделки, только бы эти правила наступили" (там же).

И наконец, социальный прогноз писателя в отношении весьма популярных во второй половине XIX века идей капитализма: "...Хотя коммунизм наверное будет и восторжествует, но мигом провалится. Утешения, впрочем, в этом немного. Для него другое племя надо" (I, III). Заметим, что сказано это было в 1876 году, то есть больше чем за 40 лет до начала "решающего эксперимента".

Реальная диалектика социальных и духовно-личностных преобразований такова, что "строительство" общества и "строительство" человека — это не "сначала и потом", а непрерывно и одновременно протекающие процессы. Между этими процессами существует теснейшая функциональная, но отнюдь не причинно-следственная взаимосвязь.

Предположить, что материальные и социальные предпо-

силки новой жизни могут и должны предшествовать самой новой жизни, — это глубочайшая, а порой и трагическая ошибка недиалектического мышления. Построение общества не есть средство чего-то внешнего по отношению к человеку, вроде строительства машины, железной дороги, дома или даже города. Продолжая аналогично построения общества со строительством дома, можно сказать, что строишь "дом", мы и себя в данном случае "строим". То есть не просто пустой дом строим, но и человека во время э т о г о строительства в э т о м доме. Оказывается, что строительство "нового дома" — не подготовка к жизни, это тоже и та же жизнь. И строительство здесь обобщается: мы строим дом, а дом строит нас. Построение общества как "общего дома" невозможно без одновременной "перестройки" и самих строителей. С другой стороны, и так называемый "новый человек" может сформироваться не после построения пусть и самого красивого дома, а в п р о ц е с с е этого построения. Результат /человек/ как раз и порождается данным процессом строительства, причем порождается не по окончании строительства, а постоянно, так сказать, по ходу процесса. Можно сказать и так: результат подготавливается процессом, поэтому никакого специального "строительства человека" собственно и не происходит."

Как известно, отрицая необходимость революционного изменения социальной системы, Л. Н. Толстой был решительным сторонником социальных преобразований через нравственное, внутреннее изменение человека. Сам будучи отнюдь не материалистом в понимании движущих сил общественного развития, Толстой являлся историческим идеализмом социологии некоторых современных ему мыслителей, беспристрастность теоретических установок на "улучшение всех", если в этих установках никак не предполагается, что изменение "всех" может идти только через изменение каждого в отдельности. В этой связи характерна запись в "Дневнике" 1869 года: "И как раз все озабочены в нашем мире этим изменением

для всех, а только не для себя" (Э, 371).

Здесь мы подошли еще к одному любопытному парадоксу. Изменяя то, что вне нас, мы нередко забываем о том, для чего, оостренно говоря, эти внешние изменения нам нужны. Уезжаем "куда-нибудь", не обязательно потому, что там лучше, а потому что здесь - плохо. Но оказывается, что это "хорошо" и "плохо" далеко не всегда вне нас, а в нас самих. И нередко наша целеустремленность незаметно для нас самих превращается в своеобразный наркотик внешней цели. Потребность в изменениях является одной из наиболее фундаментальных человеческих потребностей. Самый же элементарный способ ее реализации - именно через постоянное прилепслагание чего-то внешнего. Вместо личностных изменений во времени мы предпочитаем двигаться в пространстве - потому что это легче. Нам хочется что-то купить, куда-то уехать, с кем-то бороться. Но купленная книга остается непрочитанной, уехать от самого себя не удалось, а цена победы оказывается несообразной с достигнутым результатом - горько родила мншь.

Видимо, здесь общий психологический корень: стремление к максимуму внешних изменений и реализация этих изменений позволяет нам как бы "проскочить" мимо изменений внутренних. Такая жизнь может создавать ощущение психологического комфорта, но наркотик остается наркотиком: это физическая потребность большой души.

Не только в личностном, но и в социально-историческом плане абсолютизация внешних форм борьбы и внешних способов социальных преобразований давно уже показала свою неэффективность. Можно убить царя - но достаточно ли этого, чтобы ликвидировать монархию? Ликвидированная в семнадцатом году Российская монархия была фактически восстановлена Сталиным, причем в форме тоталитарной деспотии, без особого труда через пару десятилетий.

Преобразование внешнего мира и самопреобразование предполагают собой диалектически тождественные стороны

смысле порождает деятельность. Абсолютизация первого из этих моментов низводит человека на роль средства для лучшего "мироустройства". Кажется очень заманчивым "перевернуть" такое соотношение цели и средства и представить лучшее мироустройство лишь в качестве средства развития и совершенствования человека. Абсолютизация такого рода может показаться по гуманистическим соображениям вполне оправданной, поскольку качество общественного прогресса определяется в конечном счете именно совершенствованием гуманистического потенциала общества.

Однако совершив подобную перестановку акцентов, мы допустили бы серьезный философско-методологический просчет. Объективное существование социальной реальности предполагает постоянную включенность деятельностного начала, человека как единственно возможного субъекта социальной деятельности. Поэтому и все возможности личностного совершенствования, обретения человеком различных степеней свободы, углубление познания мира и самопознания, — все это может быть реализовано не в отношении к внешнему миру как средству, а исключительно через отношение — действие.

Человек — это то же общество, только в единственном числе. Общество — это тот же человек, только в числе множественном. Таким образом, и мир, и человек в равной степени выступают один для другого и в качестве средства, и в качестве цели.

3. Парадокс третий: надо ли строить социализм?

Мы так долго привыкли (и привыкли!) к словосочетанию "строительство социализма", что вопроса о смысле данного словосочетания самого по себе просто не возникало. Спорили о путях и способах строительства социализма, забывая поставить более общий вопрос: о правомерности "строительной" ориентации применительно к любой социальной системе.

Было бы наивным полагать, что августовские (1991 г.) события сняли в этой связи все вопросы. И по сей день в дискуссиях по поводу социализма абсолютно не различаются понятия "идея социализма" и "идея построения социализма".

В качестве "решающего" аргумента и сегодня продолжает выдвигаться такой: ложные средства не означают, что ложна сама идея.

Разумеется, не означают. Но ведь и не идея социализма как таковая оказалась предметом столь острой полемики, особенно в связи с историческим опытом России. Идея социализма и коммунизма не в голове Маркса родилась, да и представляет она собой в сущности земной эквивалент христианской идеи социальной справедливости, социального равенства и любви к ближнему. Как идея христианства не опровергнута попытками его внедрения посредством крестовых походов и инквизиции, так и идея коммунизма не опровергнута практикой ее реализации в сталинской, маоистской или кампучийской моделях.

Вот и прекрасно, скажет стоящий на "твердых" позициях марксист. Раз идея не виновата, значит надо еще раз повторить попытку ее реализации.

Идея социализма и коммунизма "винить" действительно не в чем, любая идея имеет право на существование, править своих апостолов и врагов. Но можно ли вообще социальные идеи такого масштаба оценивать независимо от путей их реализации? Отвечая на этот вопрос, мы должны будем подойти к оценке коммунистических идей XVI - XVII (Мор, Кампанелла) и XIX - XX (Маркс, Ленин) веков с различных методологических позиций. Главное, что вынуждает к такому различению, состоит в том, что первые не содержали в себе конкретных установок на немедленное воплощение, тогда как вторые базировались именно на этих установках.

Поэтому оценивая в первом случае идею как таковую, мы во втором случае должны уже оценивать идею в нераз-

дневно единится со средствами ее воплощения. Марксизм-ленинизм представляет собой в этом смысле уже не просто идею социализма (коммунизма), но идею реальной возможности соответствующего общественного устройства. И у Маркса, и, тем более, у Ленина, речи идет как раз об идее построения социализма и коммунизма посредством классовой борьбы, диктатуры пролетариата и мировой революции. Во всяком случае, в споры на тему "виноваты или не виноваты идеи", надо прежде всего отнестись собо отчая, с какой идеей идет речь: идее коммунизма в ее, так сказать, "эстетической чистоте" или же об идее построения коммунизма на делании коррумпированных во имя коммунизма людей при помощи в жертву взяв идею его построения. Идея, в основе которой лежало абсолютное игнорирование объективных законов общественного развития, делания исторического идеализма и блицдиалектического мышления.

Насколько особая ситуация постановки вопроса о существовании нового общества как целостной системы на основе некоторой теоретической модели? В данном случае не так важен вопрос о верности самой модели, сколько вопрос о правомерности идеализации — ни больше, ни меньше — нового мирового порядка, принципиально нового общественного устройства?

Сама идея общественного переустройства не является сиюминутно разработанной моделью, но только внутренне противоречива, но и далеко не бесспорна в теоретическом отношении. Хотя нельзя сказать, что возмущающие данной идеей не имеют объективных исторических оснований. Как известно, угнетению регулята развития науки, сил человеческого общества сыграли в последнюю роль в формировании ориентированного мышления XIII — XIV веков. Бурное развитие естественных и математических, технических и других наук лишь того времени во многом способствовали экстраординарные закономерностей естественно-научного знания на протяжении соответствующих периодов. Действительно, если бы были

вообще и безусловные истины в математике, то почему они невозможны в общественности? И если человек может построить машины и дома на основании технических знаний, то почему нельзя построить новое общество на основании знаний социальными?

Такова логика социального редукционизма: идея строительства нового общества по аналогии со строительством любой внешней относительно человека системы. Позитивизм как философское направление не случайно сложился в сформировавшуюся именно в XIX веке. Вера в универсальность науки как всеобщего средства разрешения социальных противоречий, во всеобщивающую силу разума — в этом смысле позитивизм и слезок, и логика позитивизма как способа философствования.

В воспоминаниях Короленко о Чернышевском 1894 года содержится характеристика такого рода веры в устроительную силу разума как социальной арифметики. Очень точная характеристика, особенно если учесть последующую связь тем из Короленко практического приложения правил "социальной арифметики" к России. Из письма к Дунаевскому от 22 сентября 1920 года: "У вас схема совершенно подавила воображение. Вы не представляете себе всю сложность действительности... Вы только математики социализма, это логики и схематики" (3, 472).

Конструирование социальных схем, означавшее развитие мировой истории явилось и другой теоретический источник философии Гегеля с его схемой исторической неизбежности развития мирового духа и воплощения этой неизбежности в этапах реальной истории общества и человека. По мнению Рассела, Маркс был наследником из основателей гегелевской системы, вероисповедания, как и Гегель, в секую рациональную формулу, суммирующую эволюцию человечества. Рассел различает между Расселом и Гегелем в том, что если Гегель считал носителем диалектического движения нации, то Маркс поставил на их место классы (5, 73-76).

Разумеется, гегелевский "мировой дух" был Марксом как материалистом отброшен. Но идея объективной необходимости исторического прогресса была оставлена и положена в основу социальной философии исторического материализма. Если все течет, все изменяется, то и капитализм как принцип социального устройства должен со временем быть заменен иным, более прогрессивным способом человеческих взаимоотношений. Таким образом, сама по себе идея коммунизма в теоретической интерпретации Маркса опиралась на два основных теоретических источника: христианскую идею социальной справедливости и диалектические идеи Гегеля об объективном характере исторического прогресса.

Что же касается идеи построения коммунизма, то, как было показано, в ее основе лежали принципы позитивистской философии. В силу существовавшего между основоположниками марксизма разделения труда именно Энгельс развязывал основные принципы позитивизма применительно к осмыслению социальных явлений. В сущности, на позициях позитивизма в философии стояли и русские революционные народники. Принципов философии позитивизма в интерпретации общественных явлений придерживался и Ленин. Так называемый "диалект" Ленина-Сталина, до сих пор изучающийся во многих вузах, представляет собой ничто иное, как эклектическую смесь гегельянства и позитивизма.

К сказанному в связи с идеей построения коммунизма остается добавить, что принцип текста рода идея как руководство к действию, мы должны были бы иметь стопроцентную гарантию верности проекта. Общество — сложная система, включающая в качестве своих подсистем экономическую, социально-политическую и нравственно-культурную сферы. Поэтому гарантия должна быть здесь действительно абсолютной: малейшая неточность в проекте не только отзовется ошибками во всех подсистемах, но и надолго заблокирует возможности перестройки системы. А если проект

этот 50-летней давности, каким, например, и был проект Маркса к тому времени, когда Ленин приступил к его реализации? И если к тому же ориентирован был этот проект столько не на евразийский конгломерат — Россию — а на английскую модель социализма?

Неверно сконструированная деталь или даже узел в обычном, пусть и сложном техническом механизме, может быть заменен без замены других узлов и деталей. Но неверная "деталь" или "узел" в механизме общественном за время, пока ошибка будет замечена, может так деформировать другие детали и социальные узлы, что менять придется уже и их. А если деформация захватила уже весь механизм? Разбирать и строить заново? Но где жить, пока механизм находится в разобранном состоянии? Хотя и велик соблазн построить общество по гениальным чертежам, но и риск слишком велик, причем велик несообразно поставленным целям.

И последнее в связи с идеей строительства нового мира. Вспомним, что борьба за лучшую жизнь началась в России как борьба с капитализмом. А продолжалась она уже тогда как борьба с капитализмом. Произошла заметная сдвиг цели и смещение акцентов социальной энергии с созидательной работы на разрушительную. В результате борьба с конкретным социальным злом старого мира трансформировалась в борьбу с капитализмом как олицетворением этого зла. И вместо постепенного утверждения в реальной жизни отношений гуманизма, добра и справедливости стали реализовываться многочисленные "планы построения".

Многое было учтено в этих планах, кроме одного: судьбы самого строителя.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Записки к "Дневнику писателя" 1876 г. — Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 24. Л.: Наука, 1982.
2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 год. Январь-август. — Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 25. Л.: Наука, 1983.
3. Короленко В. П. Письма к Дуначарскому. — Собр. соч. в 5 томах. Т. 3. Л.: Худ. литература, 1990.
4. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
5. Рассел Б. Карл Маркс. — Мадрава, 1989. № 5, с. 73-79.
6. Селье Г. От мечты к открытию. М.: Прогресс, 1987.
7. Симонов П. В., Эрлов Н. М. Темперамент. Характер. Личность. М., 1984.
8. Толстой Л. Н. Дневники, 1847-1894. — Собр. соч. в 22 томах. Т. 21. М.: Худ. литература, 1985.

Rezümējums

Tiek aplūkotas personiskās un sociālās esamības filozofiski metodoloģiskās problēmas mērķa priekšstatīšanas aspektā. Tiek analizēts mērķa priekšstatīšanas un mērķa īstenošanas paradoksa daļes jēgas orientācija (1), cilvēka un sociālās vides mijiedarbība (2), kā arī saistība ar apriņķa sociālo modeļu realizācijas problēmu (3).

Zusammenfassung

Es werden philosophisch-methodologische Probleme des persönlichen und sozialen Seins in Hinsicht der Zielstellung betrachtet. Es wird das Paradox der Zielstellung und der Zielverwirklichung in den Lebensin-orientierungen (1), in der Wechselwirkung des Menschen und der sozialen Umwelt (2) analysiert, verbunden mit dem Problem der Verwirklichung der apriorischen sozialen Modelle.

RAKSTU AUTORI

1. Georgijs Andriksone - Dr. inž.
2. Vaevolods Kačans - Latvijas Universitātes Loģikas un metodoloģijas katedras lektors
3. Raimunda Kruglova - Rīgas 5. poliklinikas ārsts terapeits
4. Valērijs Markovs - Dr. h. filoz., Latvijas Zinātņu akadēmijas Filozofijas un socioloģijas institūta vadotais zinātniskais līdzstrādnieks
5. Valērijs Vīkiforova - Dr. h. filoz., Latvijas Universitātes Loģikas un metodoloģijas katedras profesors
6. Vilnis Rūtsmanis - Dr. filoz., Latvijas Universitātes Loģikas un metodoloģijas katedras docents
7. Ivans Vedins - Dr. h. filoz., Latvijas Policijas akadēmijas Filozofijas katedras vadītājs
8. Aigars Villa - Latvijas Universitātes Loģikas un metodoloģijas katedras lektors

S A T U R S

I. VISPĀRĒJAS METODOLOĢIJAS PROBLĒMAS

1. I. Vedins. Ideāla problēmas metodoloģiskie aspekti	5
2. V. Rutmanis. Par filozofijas ontoloģiskā statusa pierādīšanas iespējām	26
3. A. Villa. Apriorā domājamības nosacījumi I. Kanta filozofijā	50
4. V. Nikiforovs. Problemoloģija kā teorija un metodoloģija	65

II. LIETIŠJAS METODOLOĢIJAS PROBLĒMAS

1. V. Kačens. Radošas darbības spēju metodikas	87
2. R. Kruglova. Intuīcija kliniskā diagnostikā	III
3. V. Markova, G. Andriksone. Gaidāmais un negaidītais jaunrades procesā	124
4. I. Vedins. Trīs mērķa priekšstatīšanas paradoksi	139

О Г Л А В Л Е Н И Е

I. ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ МЕТОДОЛОГИИ

1. Ведян И. Методологические аспекты проблемы идеального	5
2. Рутманис В. О возможностях доказательства онтологического статуса философии	26
3. Вилла А. Условия мыслимости "априори" в философии И. Канта	50
4. Никифоров В. Проблемология как теория и методология	65

II. ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

1. Качан В. Игровые методики творческой деятельности	87
2. Круглов Р. Интуиция в клинической диагностике	III
3. Марков В., Андриксон Г. Ожидаемое и неожиданное в творческом процессе	124
4. Ведян И. Три парадокса целеполагания	139